

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

MONGOLICA

Том XXVI • 2023 • № 3

Санкт-Петербург

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес редакции: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес издателя: 191186,
Санкт-Петербург, д. 18.
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
РНФ и Кабинета Министров
Республики Татарстан в рамках
научного проекта № 23-28-10046
и в соответствии с Программой
стратегического академического
лидерства Казанского
(Приволжского) федерального
университета.

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/nhkh-b8gp-ntvn

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXVI • 2023 • № 3

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 95-летию со дня рождения
Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014)

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,*
доктор филологических наук (Россия)
Д. А. Носов, *секретарь редколлегии, кандидат*
филологических наук (Россия)
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН*
(Россия)
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
Э. Мунхцэцэг, *кандидат филологических наук*
(Монголия)
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Ц. Саранцацрал, *доктор филологических наук*
(Монголия)
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор*
(Россия)
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунцова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – Д. А. Носов, И. В. Кульганек

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 15.09.2023

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ №

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Адрес типографии: 191040. Санкт-Петербург. Пушкинская ул., 4.

e-mail: editor@isvovoe.ru

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2023

© Коллектив авторов, 2023

В НОМЕРЕ:

С. Г. Кляшторный (1928–2014) — жизнь в науке (<i>От Редколлегии</i>).....	5
---	---

ИСТОРИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. АРХЕОЛОГИЯ

Л. Ф. Абзалов, М. С. Гатин, И. А. Мустакимов, Р. Ю. Почекаев. К вопросу о «военном праве» и ответственности за воинские преступления в тюрко-монгольских государствах XIII–XIV вв.....	12
И. А. Алимов. Бюрократия в движении: китайские путевые дневники X–XIII вв. (III)	25
Р. М. Валеев, Р. З. Валеева. Востоковед-энциклопедист И. Н. Березин и его вклад в изучение тюрко-монгольского мира: к 205-летию со дня рождения.....	33
С. В. Красниенко. Древние тюрки у северных окраин Кузнецкого Алатау (археологические данные).....	43
Д. Шомфай Кара. По стопам В. Диосеги в Монголии в 2022 году.....	52
В. Ю. Климов. Адмирал Иван Федорович Лихачев (1826–1907) (полузабытые имена).....	59
А. М. Мокеев, К. Белек, Н. Абдимиталип уулу. Распространение буддизма среди кыргызов Южной Сибири и Средней Азии в Средневековье.....	74

ФИЛОЛОГИЯ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Ю. А. Иоаннесян. «Четвертый столп» в учении шейхизма.....	92
М. С. Фомкин. Китайское культурное влияние в поэме «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни	100
Б. Л. Митруев. О печатях Агвана Доржиева и Данзана Норбоева	104

РЕЦЕНЗИИ

Т. Д. Скрынникова. Новые книги по востоковедению	115
--	-----

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

191186, Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXVI • 2023 • No. 3

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

**Dedicated to the 95th anniversary of the birth
of Sergei G. Klyashtorny (1928–2014)**

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, D. Sc. (Philology),
Russian Federation*

D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sc. (Philology),
Russian Federation*

M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Russian
Federation*

G. Bilguudei. *D. Sc. (Philology), Mongolia*

A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*

S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy
of Sciences, Mongolia*

L. S. Dampilova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

J. Legrand. *D. Sc., Professor, France*

V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*

E. E. Khabunova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*

E. Munkhtsetseg. *Cand.Sc. (Philology), Mongolia*

S. L. Neveleva. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

K. V. Orlova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*

R. Pop. *Ph. D., Romania*

Ts. Sarantsatsral. *D. Sc. (Philology) Mongolia*

T. D. Skrynnikova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

R. M. Valeev. *D. Sc. (History), Russian Federation*

N. S. Yakhontova. *Cand. Sc. (Philology), Russian
Federation*

I. V. Zaytsev. *D. Sc. (History), Professor of the Russian
Academy of Sciences, Russian Federation*

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/nhkh-b8gp-ntvn

© Institute of Oriental Manuscripts RAS

(Asiatic Museum), 2023

© Group of authors, 2023

IN THIS ISSUE:

S. G. Klyashtorny (1928–2014) — Life of the Researcher (<i>From the Editorial Board</i>)	5
--	---

HISTORY. SOURCE STUDIES. ARCHAEOLOGY

Lenar F. Abzalov, Marat S. Gatin, Ilias A. Mustakimov, Roman Yu. Pochekaev. On the “Military Law” and Bringing to Account for Military Crimes in the Turkic-Mongol States of the 13th–14th cc.	12
Igor A. Alimov. Bureaucracy on the Move: Chinese Travel Diaries of the 10th–13th centuries (III)	25
Ramil M. Valeev, Rosa Z. Valeeva. Orientalist-Encyclopedist I. N. Berezin and His Contribution to the Study of the Turkic-Mongolian World. In Commemoration of the 205th Anniversary of His Birth.....	33
Sergey V. Krasnienko. Ancient Turks near the Northern Outskirts of the Kuznetsk Alatau (Archaeological Data)	43
Dávid Somfai Kara. Following the Footsteps of V. Diószegi in Mongolia, 2022	52
Vadim Yu. Klimov. Admiral Ivan Fedorovich Likhachev (1826–1907) (Half-forgotten Names)	59
Anvarbek M. Mokeev, Kayrat Belek, Nursultan Abdimalip uulu. To the Question of the Spread of Buddhism in Kyrgyzstan in the Middle Ages.....	74

STUDIES IN PHILOLOGY AND FOLKLORE

Youli A. Ioannesyan. “The Fourth Pillar” in the Shaykhi Teachings	92
Mikhail S. Fomkin. Chinese Cultural Influence in the Poem “Kutadgu Bilig” by Yusuf Balasaguni	100
Bembya L. Mitruiev. About the Seals of Agvan Dorzhiev and Danzan Norboev	104

REVIEWS

Tatiana D. Skrynnikova. New Publications on Oriental Studies	115
---	-----

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ (1928–2014) — ЖИЗНЬ В НАУКЕ

Сергей Григорьевич Кляшторный (1928–2014), выдающийся российский востоковед XX в., внесший неоценимый вклад в развитие научных знаний о древних кочевых государствах на территории Центральной Азии, в исследование истории и культуры тюркских народов, в интерпретацию и перевод древнетюркских текстов, найденных в Сибири и Монголии. С. Г. Кляшторный занимал пост заместителя председателя Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, был почетным академиком Турецкого лингвистического общества, Национальной академии наук Кыргызской Республики, почетным профессором Университета Астаны, почетным профессором университетов Венгрии и Казахстана. В 2005 г. он был награжден Золотой медалью Постоянной международной алтаистической конференции.

Вся жизнь Сергея Григорьевича была посвящена служению отечественной науке и связана с востоковедением. Он проработал в Институте восточных рукописей (ИВР РАН, ранее ЛО ИВ АН) большую часть своей жизни, пройдя путь от младшего научного сотрудника до заведующего Сектором Центральной Азии и

заведующего отделом Центральной и Южной Азии (до 2013 г.). Он внес неоценимый вклад в развитие научных знаний по истории Центральной Азии, кочевых государств древности и раннего средневековья, в собирание и изучение на просторах Сибири и Монголии древнетюркских текстов. Всю свою жизнь он оставался верен избранной области деятельности — древнетюркской текстологии, истории и культуре тюркских народов, сохраняя и приумножая заветы своих главных учителей и наставников по университету — С. Е. Малова (1880–1957), А. Н. Кононова (1906–1986), А. Н. Бернштама (1910–1956).

С. Г. Кляшторный родился 4 февраля 1928 г. в г. Гомеле Белорусской ССР. В 1945–1950 гг. учился на Восточном факультете Ленинградского государственного университета на кафедрах Тюркской филологии и Истории Ближнего и Среднего Востока. Свою трудовую и научную деятельность начал в 1950 г. сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ) в должности сначала библиографа (до 1953 г.), а потом — начальника справочно-библиографического отдела. В 1957 г. был принят в Сек-

тор тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР на должность младшего научного сотрудника, где начал работать под руководством А. Н. Бернштама и С. Е. Малова над кандидатской диссертацией «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии», которую защитил в 1962 г. Уже в первой большой научной работе Кляшторным была дана новаторская и оригинальная историческая интерпретация рунических памятников. Ученый рассматривал их в первую очередь как источник по истории Средней Азии. Пытливый исследователь-историк по-новому оценивал историческое содержание древнейших тюркских текстов. Кандидатская диссертация, изданная в виде книги в 1964 г., была позже переведена на китайский (1991) и уйгурский (2000) языки. Через год после защиты Сергей Григорьевич был назначен заведующим Сектором тюркологии и монголистики ЛО ИВ АН СССР, и на этой должности проработал 50 лет почти вплоть до своей кончины в возрасте 87 лет.

Со студенческих лет и до самого преклонного возраста он сначала был сотрудником, а затем и возглавлял археографо-эпиграфические отряды экспедиций. Особенно плодотворными были 30 лет его работы (с 1960 по 1990 гг.) в Киргизии, Сибири и Монголии.

Первой экспедицией, в которой С. Г. Кляшторный принял участие в качестве лаборанта, была Памиро-Ферганская и Памиро-Алтайская экспедиция Исследовательского Института материальной культуры АН СССР (1947–1953 гг.). Под началом М. И. Артамонова, возглавлявшего Волго-Донскую археологическую экспедицию того же института, он работал в 1949 г. В 1954–1959 гг. Сергей Григорьевич руководил археологическим отрядом Среднеазиатской геологической экспедиции Министерства геологии и охраны недр. В течение последующих пяти лет (1960–1965 гг.) он являлся заместителем начальника Кетмень-Тюбинской экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН Киргизской ССР. Следующие четыре сезона (1968–1973 гг.) он возглавлял эпиграфический отряд Саяно-Тувинской

экспедиции Института археологии АН СССР. Экспедиционной работе в Монголии ученый посвятил 21 год. Он проработал в Монголии начальником эпиграфического отряда Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР 19 сезонов, объездив страну с востока на запад и с юга на север. После Монголии С. Г. Кляшторный был приглашен в Казахстан и Киргизию в качестве участника археологических экспедиций (1991–1997 гг.). Затем ему было предложено возглавить Киргизский отряд этносоциологической экспедиции Висконсинского университета, в которой он проработал пять лет (1998–2002 гг.). С. Г. Кляшторный работал рядом с такими видными учеными, как А. Н. Бернштам, М. И. Артамонов, М. П. Грязнов, А. Д. Грач, В. В. Волков. Им были написаны труды, которые внесли заметный вклад в изучение эпиграфики Монголии, Киргизии и Казахстана.

Научное наследие С. Г. Кляшторного обширно и многогранно: своими трудами по истории, культуре и филологии кочевых народов Центральной Азии он внес весомый вклад в тюркологию и монголоведение. Основным направлением научной деятельности Сергея Григорьевича была древнетюркская текстология, развиваемая им в русле исследований предшественников — российских и советских ученых-востоковедов. Его кандидатская диссертация и поныне охраняла свое научное значение. Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция, одним из отрядов которой руководил С. Г. Кляшторный, дала материал для более чем 300 публикаций, 15 монографий, разделов в 15 коллективных монографиях, нескольких курсов лекций на Восточном факультете ЛГУ/СПбГУ. Постоянная работа с артефактами древних цивилизаций давала Сергею Григорьевичу дополнительные возможности рассматривать древнетюркские памятники как часть единого историко-культурного процесса, происходившего на громадной территории Великой степи. Применяемая им методология и разработанный научный анализ учитывали многогранные способы взаимодействия разных племенных союзов, этнических групп, государственных образований, соприкасавшихся на полити-

ческой, экономической и культурной почве и находившихся в постоянном контакте друг с другом.

С. Г. Кляшторным было впервые опубликовано большое количество памятников эпохи древних тюрков VI–X вв. Ему принадлежат первые публикации крупнейших памятников этой эпохи: тюркской Чойрэнской надписи (1969, 1971), уйгурской Терхинской (1980, 1983), Бугутской — на согдийском языке (1971, 1972), двуязычной Сэврэйской — на древнетюркском и согдийском (1971) (совместно с В. А. Лившицем). В его последних трудах «История Центральной Азии и памятники рунического письма», «Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей», которые венчают многолетнее творчество и подводят итог научной деятельности ученого, выдвинут ряд весьма интересных гипотез о содержании и характере текстов.

Особая заслуга принадлежит С. Г. Кляшторному в возрождении военного востоковедения, в изучении государственности и права тюркских народов, в рассмотрении вопросов о взаимодействии фольклора и литературы. Он принял деятельное участие в разработке концепции 7-томной «Истории татар с древнейших времен», издававшейся в 2002–2013 гг.

Заслуживают внимания исследования С. Г. Кляшторного в области религиозных воззрений, социально-политической организации, социальной структуры древних тюрков, реконструкции общественных институтов Тюркского каганата на основе конкретно-исторического материала, отраженные во многих его трудах. Большой вклад внес ученый также в изучение хазар и барсиллов, в решении огузо-огузской проблемы и проблем социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.

Сергей Григорьевич обладал энциклопедическими знаниями по истории Центральной Азии и мировым историческим процессам древности и средневековья. Имея классическое востоковедное образование, прекрасно ориентируясь в научной литературе, он мог проанализировать и сопоставить известия китайских и ближневосточных авторов с данными евразийских памятников тюркской письмен-

ности. В результате такого широкого анализа он выдвинул вполне обоснованную гипотезу о существовании хазар среди племен в составе телесских конфедераций и несколько позже установил, что крупная группировка тюркских племен *теле*, имела самоназвание огуз, что дало ученому право в своих работах использовать имена огуры и огузы как синонимы. Наиболее твердые аргументы в пользу этой гипотезы были представлены С. Г. Кляшторным в открытой им Терхинской (753 г.) и Тэсинской (762 г.) надписях уйгурских каганов Элетмиш Бильге и его сына Бёгю, интерпретация которых позволяла считать огузов Беди Барсила и Кадыр Касара соплеменниками западных телесских племен, т. е. установить, что они были вождями огузских племен барсиллов и хазар. Значимо для историков Средней Азии также заключение С. Г. Кляшторного о высоком положении барсиллов в иерархии тюркских племен каганата и о первом упоминании этнонима *биши* (*парс-ил*) в танских хрониках в 627–641 гг., что позволило ему прийти к интересному выводу, что хазарские каганы легитимизировали свою власть посредством браков. Помимо этих гипотез Сергею Григорьевичу принадлежит ряд других, интересных версий и предположений, имеющих отношение к истории тюркских племен. Так, он впервые датировал и интерпретировал алтын-кельские надписи, высказал соображение о времени миграции огузов из Монголии в Приаралье и о времени создания таласских памятников. С. Г. Кляшторный предложил новое толкование термина *bediz*, полагая, что этим словом могла обозначаться фигура погребенного. Он показал связь термина сир орхонских надписей с кыпчаками, что позволило ему реконструировать раннюю историю племенного объединения.

Одно научное достижение Сергея Григорьевича связано с предложенной им реконструкцией мифологического пантеона древних тюрков на материалах рунических памятников и исторических сочинений соседних народов. С. Г. Кляшторный считает, что можно говорить о широком распространении письменности среди населения. Придерживаясь высказанной В. В. Бартольдом точки зрения о том, что

индо-иранское влияние на тюркские культуры было гораздо сильнее дальневосточного, С. Г. Кляшторный приходит к выводу, что развитие древнетюркской культуры связано с согдийским и тохарским влиянием, которое часто представляло «культурный симбиоз». Будучи сторонником идеи о постоянном развитии письменности древних тюрков, и учитывая, что письменность отражала представления, верования, идеологические конфликты, которые не могли быть полностью изложены имеющимися средствами языка и существовавшими в то время художественными формами, С. Г. Кляшторный впервые сделал попытку воссоздать сюжетную схему древнетюркской мифологии и реконструировать «орхонский» пантеон. Составив тематическую классификацию мифологических сюжетов (о творении, катастрофе, богах, первопредках, божественных силах, героях) и особо выделив миф о происхождении племени тюрк, он воссоздал три картины мира древнетюркских рунических памятников. С. Г. Кляшторный доказал, что в раннем средневековье в силу общности мифологии, пантеона и обрядности в гунно-болгарских и тюрко-огузских племенных союзах сложилась идеологическая основа древнетюркской империи на всем пространстве Великой Степи.

Велика заслуга С. Г. Кляшторного в изучении государственности и права тюрков. Сергей Григорьевич сумел предложить собственные уточняющие трактовки терминов тюркского происхождения, касающиеся соотношения политической и социальной структуры древних кочевников Евразии, принципов и норм древнетюркского права, форм социальной зависимости и земельной собственности древних тюркских государств. На основе анализа рунических надписей ученый вывел несколько важных правовых принципов древнетюркского государства: верховное право кагана на землю, право знати на владение землей, обязанность рядовых кочевников выплачивать ренту владельцам земли.

С. Г. Кляшторный придерживался моноцентрической концепции происхождения тюркоязычных народов раннего средневековья, которая допускает существование тюркского

протоэтнуса — огузов, давших начало тюркоязычным народам Восточной Европы (булгары и хазары) и Центральной Азии (уйгуры и прочие племена группы теле). Ученый предложил убедительные доводы в пользу своей теории оппонентам, придерживавшимся полицентрической концепции, по которой западные и восточные тюркоязычные народы не имели прямой генетической связи.

Велика заслуга С. Г. Кляшторного в развитии одного из важнейших направлений отечественной науки, требовавшего участия со стороны научных и государственных структур — военного востоковедения, игравшего особую роль в истории России. Офицеры Генерального штаба Русской армии добывали ценную информацию о странах Востока, изучали военные аспекты географии, а также политику, экономику, историю и культуру восточных народов. Военно-географическими экспедициями, организованными Русским географическим обществом, собрано большое количество разнообразного материала, что нашло отражение в докладах, отчетах, словарях, географических картах исследуемых регионов. Этим экспедициям в большой степени обязана своим становлением российская научная школа военного востоковедения, которая, сформировавшись во второй половине XIX в. и стала одной из сильнейших в мире. Однако дальнейшие события в нашей стране пагубно сказались на этой отрасли знания, и вплоть до начала Второй мировой войны она находилась в упадке. В годы войны российские военные востоковеды наибольшее внимание вынуждены были обращать на страны и регионы Востока, в которых разворачивались военные действия: Японию, Монголию, Турцию, Курилы. Постепенно поднимался уровень школы военного востоковедения. Заслуга С. Г. Кляшторного состоит в том, что он одним из первых правильно понял внимание высоких государственных инстанций к изучению богатейшего наследия русских военных исследователей Ближнего Востока и Азии и опубликовал целую серию аналитических материалов русской военной разведки, касающихся Турции, Афганистана, Кашгарии, Японии. Именно по его инициативе офице-

рами Генштаба Вооруженных сил СССР была проделана серьезная научная работа по составлению биобиблиографического словаря отечественных военных востоковедов, выявлению и публикации архивных материалов миссий и военных экспедиций в Центральную Азию. После чувствительных утрат времен распада СССР российское военное востоковедение постепенно возрождается: налаживаются связи с Министерством иностранных дел, Российской академией наук, институтскими и университетскими кафедрами, научно-исследовательскими институтами. В этой работе принял участие С. Г. Кляшторный в качестве воспитателя современного поколения военных востоковедов, курируя научные работы своих учеников, дав путевку в жизнь двум докторам и трем кандидатам наук. До последних лет он активно участвовал в ежегодных «Снесаревских чтениях», проходящих в Военном университете Министерства обороны РФ и посвященных памяти выдающегося военного востоковеда генерала А. Е. Снесарева (1865–1937).

Каждая работа С. Г. Кляшторного содержит интересные находки и гипотезы, демонстрирующие высокий научный уровень отечественной тюркологии и дающие исследователям в будущем возможность решать историко-филологические проблемы с учетом открытий своего талантливого предшественника. Гипотезы С. Г. Кляшторного находят подтверждение в работах его последователей.

С. Г. Кляшторный являлся редактором или входил в состав редколлегии ряда монографий, сборников статей, российских и зарубежных журналов. Особую благодарность коллег он заслужил за подвижнические усилия по возобновлению в 2001 г., после шестнадцатилетнего перерыва, серийного издания «Тюркологический сборник», ставшего одним из главных отечественных периодических изданий отечественной тюркологии с широким международным составом авторов. Впервые сборник вышел в 1951 г. и издавался серийно с 1966 по 1985 г. под руководством академика А. Н. Кононова. Затем в выходе этого издания произошел перерыв до 2001 г. Сергей Григорьевич создал новую редколлегию, в которую также

вошли В. В. Трепавлов и Т. И. Султанов, а в работе над отдельными выпусками принимали участие Д. М. Исхаков и Д. Д. Васильев. Под руководством Сергея Григорьевича было издано восемь сборников. Выпуск 2016 г. посвящен его памяти. В нем впервые был опубликован список научных работ ученого за 1951–2013 гг., включающий более 300 наименований¹. «Тюркологический сборник» является престижным изданием, ориентированным главным образом на тематику истории и культуры тюркских народов эпохи средневековья и имеет исключительно высокий авторитет в научных кругах.

С. Г. Кляшторный также на протяжении более десяти лет (1994–2007) возглавлял редколлегию журнала «Mongolica» (до 2014 г. — сборник научных статей), учредителем которого является ИВР РАН.

Сергей Григорьевич принимал активное участие в проводимых в России и за рубежом научных конгрессах, конференциях, симпозиумах, выступая на них как докладчик, эксперт или соорганизатор. Вел большую педагогическую работу. На протяжении нескольких десятилетий читал на кафедре Тюркской филологии и кафедре Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета СПбГУ различные базовые и специальные курсы по тюркологии, рунической письменности, истории Центральной Азии. Был руководителем нескольких десятков курсовых и дипломных работ. Под его руководством защищали кандидатские диссертации тюркологи из Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана. За свою долгую жизнь Сергей Григорьевич обучил и воспитал целое поколение монгольских и российских исследователей. Многие его ученики из среднеазиатских республик СССР, стали видными учеными в ныне независимых государствах. В 1992 г. С. Г. Кляшторный получил звание почетного профессора Университета Астаны (Казахстан).

¹ Библиография опубликованных работ (2013–1951) // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) 16–17 февраля 2015 г. Санкт-Петербург. – СПб.; Улан-Батор, 2016. С. 21–46. Доступна на официальном сайте ИВР РАН: http://www.orientalstudies.ru/eng/images/pdf/b_chuluun_et_al_2016.pdf

В 2005 г. за большие заслуги в изучении тюркской рунической письменности он награжден Золотой медалью Постоянной международной алтаистической конференции (Gold Medal of the Permanent International Altaistic Conference). В течение многих лет сотрудничал с монгольскими коллегами, в первую очередь из Института истории Монгольской Академии наук (ныне Институт истории и этнологии МАН), был удостоен звания «Почетный доктор» этого института.

Серьезный резонанс в научном сообществе имеют постоянные международные научные конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем», посвященные памяти С. Г. Кляшторного, которые с 2014 г. регулярно проводит Институт восточных рукописей РАН при участии Института стран Азии и Африки МГУ, Института востоковедения РАН, ученых из России (Татарстан, Бурятия), Казахстана, Кыргызстана. На всех конференциях, прошедших в 2015, 2018, 2020, 2023 гг., обсуждались актуальные проблемы, многие из которых входили в круг исследований Сергея Григорьевича. Это вопросы истории, литературы, языка тюркских и монгольских народов. Видное место занимает обсуждение *наработок, открытий, гипотез* ученого, а также сформулированных и поднятых им проблем. Большое внимание традиционно уделяется мемориальным докладам, посвященным творческому пути и научной деятельности С. Г. Кляшторного. Главной задачей постоянных конференций является представление научному сообществу новейших результатов многостороннего изучения жизни тюркских и монгольских народов, их культурного наследия, новых подходов к рассмотрению актуальных проблем современности.

Данью уважения и памяти явилась научно-практическая конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем», прошедшая в ИВР РАН 20–21 февраля 2023 г. В работе конференции приняли участие исследователи из России (Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Новосибирска, Абакана, Луганска), Киргизии и Турции. В рамках конференции состоялось 7 заседаний: 5 в первый день и 2 во

второй. Прозвучало 30 докладов, 2 из которых были представлены в формате видеозаписи.

На открытии конференции, 20 февраля, с приветственными словами к участникам обратились: директор ИВР РАН, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН И. Ф. Попова; д-р истории, проф., заведующий кафедрой истории Мраморно-морского университета (Стамбул, Турция) Фехми Йылмаз; д-р ист. наук, проф., директор Петербургского музея исламской культуры Е. А. Резван, проф. Мраморно-морского университета (Стамбул, Турция) Ильяс Кемальоглу; д-р ист. наук М. К. Басханов (Глазго, Великобритания); проф. Киргизско-российского славянского университета (Бишкек, Кыргызстан) Г. Джунушалиева; проф., советник руководителя Ассоциации молодежи тюркоязычных стран (Анкара, Турция) Р. В. Одеков; заслуженный проф. Рутгерского университета (Нью-Брансуик, США), почетный член Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия) Питер Б. Голден; д-р ист. наук, академик Национальной академии наук Казахстана Б. Е. Кумеков (Астана, Казахстан).

На пленарном заседании под председательством А. А. Колесникова (СПбГУ) и И. В. Кулганек (ИВР РАН) прозвучало 4 доклада. Далее состоялись четыре заседания по секциям. На заседании под руководством Н. С. Яхонтовой (ИВР РАН) в каб. Лotosовой сутры прозвучали доклады в основном буддологической и этнографической тематики. Вечернее заседание в Зеленом зале под председательством Р. Ю. Почекаева (НИУ ВШЭ – СПб) объединило доклады по источниковедению и истории права тюрко-монгольских народов. В формате видеовыступления прозвучал доклад А. В. Кожушко «Шихаб ад-дин ал-‘Умари и его источники информации по ранней истории монголов». Доклады вечернего заседания, проходившего под руководством Т. А. Пан (ИВР РАН) в каб. Лotosовой сутры, имели широкий тематический охват. Два из них касались вопросов международных отношений. Первый день работы конференции завершился видеодокладом «К вопросу о распространении буддизма в Кыргызстане в средние века», подготовленным совместно А. Мокеевым (КТУ «Манас»), К. Бе-

леком (КТУ «Манас») и Н. Абдимиталип уулу (КТУ «Манас»; ОшГУ).

21 февраля в Зеленом зале состоялись два заседания. Утреннее заседание под председательством Д. А. Носова (ИВР РАН) объединило доклады, посвященные жизни и деятельности известных российских востоковедов, дипломатов и путешественников. На дневном заседании под председательством Р. М. Валеева (КФУ) прозвучали доклады, посвященные вопросам истории науки. Заседание завершилось презентацией недавно вышедшего в Улан-Батаре IX тома фотоальбома «Монголия и монголы», включающего фотографии из коллекции ИВР РАН, который был создан усилиями сотрудников Института: И. В. Кульганек, Н. В. Захаровой и С. С. Сабруковой.

В ходе данной научно-практической конференции были продемонстрированы достижения в деле введения в научный оборот и из-

дания письменных памятников и визуальных источников культурного наследия тюркских и монгольских народов, подготовки научных кадров, создания совместных трудов.

ИВР РАН хранит память о своем сотруднике: в Секторе Центральной Азии, которым С. Г. Кляшторный руководил почти 40 лет, создана мемориальная библиотека, в которую вошло около 700 книг, журналов и отдельных оттисков статей, оставшихся на рабочем месте ученого после его кончины.

Классические труды Сергея Григорьевича служат источником знаний о жизни древних и средневековых тюркских этносов и примером интерпретации древних текстов в историческом аспекте. Заслуги С. Г. Кляшторного в развитии отечественной тюркологии еще будут изучаться, и достойно оценить их смогут будущие поколения мировых востоковедов.

От Редколлегии

УДК 340.153; 94(5)
DOI 10.48612/IVRRAN/rmr5-79u2-9vve

Л. Ф. АБЗАЛОВ

Казанский (Приволжский) федеральный университет

М. С. ГАТИН

Казанский (Приволжский) федеральный университет

И. А. МУСТАКИМОВ

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

Р. Ю. ПОЧЕКАЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

К ВОПРОСУ О «ВОЕННОМ ПРАВЕ» И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВАХ XIII–XIV ВВ.

В статье предпринимается попытка анализа системы источников «военного права» тюрко-монгольских государств XIII–XIV вв., а также особенностей привлечения к ответственности за воинские преступления. Авторы приходят к выводу, что базовые принципы организации военного дела, военной службы и ведения боевых действий были закреплены еще в распоряжениях Чингис-хана (Великая Яса и др.). Однако конкретные вопросы, связанные с принятием решений в рамках той или иной военной кампании, находили выражение в специальных указах ханов — ярлыках (фирманах), которые отличались лаконичностью, исключающей двоякое толкование. Образец такого ярлыка из средневекового персидского трактата «Дастур ал-катиб» («Руководство для писцов»), составленного персидским чиновником Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани в 1360-х гг., впервые публикуется авторами статьи в русском переводе. Что касается воинских преступлений, то монгольское имперское право достаточно четко регламентировало привлечение к ответственности и наказания со стороны командования за проступки подчиненных, однако не предусматривало ответственности самих военачальников в случае неудачных боевых действий. В таких обстоятельствах они привлекались к имперскому суду — дзаргу (йаргу), и степень наказания зависела от усмотрения самих судей и одобрения их решений лично ханами. Вопрос об ответственности военачальников исследуется на примере нескольких дел о воинских преступлениях в монгольском Иране конца XIII — начала XIV в.

Ключевые слова: Монгольская империя, государство Хулагуидов, Чагатайский улус, традиционное право, военное дело, военное право, воинские преступления, средневековые восточные источники.

Об авторах:

АБЗАЛОВ Ленар Фиргатович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия) (len_afzal@mail.ru). ORCID: 0000-0003-3952-6715.

ГАТИН Марат Салаватович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия) (marat_gata@mail.ru). ORCID: 0000-0002-7698-0450.

МУСТАКИМОВ Ильяс Альфредович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, НИЦ «Ел тарихы», Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан) (imus2007@mail.ru). ORCID: 0000-0002-0052-5136.

ПОЧЕКАЕВ Роман Юлианович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия) (rpochekaev@hse.ru). ORCID: 0000-0002-4192-3528.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, реализуемого в Воронежском государственном университете.

© ИБР РАН 2023

© Абзалов Л. Ф., Гатин М. С.,

Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю., 2023

«Военное право» Монгольской империи и ее наследников до сих пор не стало предметом специального исследования специалистов, несмотря на то, что история монгольского военного дела в целом неоднократно становилась предметом изучения¹.

Затрагивая вопрос о правовом регулировании военного дела, а также регламентации боевых действий, исследователи констатируют, что базовые принципы правового регулирования военного дела тюрко-монгольских кочевников Евразии были заложены еще в древнетюркском праве *торе*, применявшемся также в Монгольской империи [Трепавлов, 2015. С. 65–66]. В дальнейшем Чингис-хан дополнил эти принципы рядом собственных установлений, что позволяет ряду авторов сделать предположение о включении норм монгольского «военного права» в Великую Ясу². Сравнительно недавно был обнаружен необычный документ — своеобразный «военный кодекс», содержащий 17 статей, посвященных организации военной службы, взаимоотношениям солдат с мирным населением и взысканиям за воинские преступления [Сумьябаттар, 2005]. Однако этот документ, дошедший до нас в составе средневекового корейского исторического источника, относится к эпохе империи Юань (предположительно составлен около 1280 г.) и, несомненно, был создан под влиянием китайской кодификационной традиции, как и другие кодексы династии Юань³. Подтверждением тому служит наличие сходных норм в кодификациях других династии Китая — от Тан до Мин. Таким образом, нельзя утверждать, что в Монгольской империи и чингизидских государствах — ее наследниках действовал некий «Воинский устав», наличие которого (в составе вышеупомянутой Великой Ясы) предполагал в свое время Г. В. Вернадский [Вернадский, 1999. С. 123–125].

Не приходится сомневаться, что большинство конкретных норм Чингис-хан и его преемники устанавливали специальными указами — ярлыками в соответствии с конкретными обстоятельствами. Они могли касаться и количества войск, которое следовало поставить для конкретной кампании, и приготовления для них припасов, и конкретных перемещений воинских соединений⁴. Первоначально, в условиях отсутствия письменности, эти указы могли составляться в устной, причем, вероятно, поэтической форме — чтобы передающие эти ханские приказания гонцы могли их заучить наизусть и дословно передать адресатам⁵. После появления в Монгольской империи письменности и канцелярского дела эти указы стали оформляться в письменной форме.

Анализ источников, начиная с Монгольской империи и завершая источниками XV в., позволяет сделать вывод, что отличительной чертой таких приказов была их лаконичность⁶. Надо полагать, издавая такие ярлыки, монгольские ханы старались сформулировать их максимально конкретно, чтобы не допускать недопонимания со стороны военачальников-адресатов или двоякого толкования распоряжений.

Примеры таких указов мы встречаем в военной практике Монгольской империи. Например, во время хорезмийской кампании Чингис-хан направил своему сыну Угедю следующий указ: «Наступила жара, ты возвращаясь назад, чтобы мы послали на его осаду другие войска!» [Рашид ад-Дин, 1952. С. 225]. Во время того же похода им был отдан приказ по войскам: «Чингисхан приказал своим людям сражаться что было мочи и постараться захватить султана живьем» [Джувейни, 2004. С. 91].

⁴ См., напр.: [Джувейни, 2004. С. 21, 23, 93].

⁵ См., напр.: [Козин, 1941. С. 152]. Ср.: [Рашид ад-Дин, 1952. С. 209].

⁶ Исключение составляли ярлыки, определяющие статус конкретных воинских соединений или организации и проведения военной кампании в целом [Козин, 1941. С. 168–169, 196, 198]. Такие указы могли быть достаточно объемными, поскольку их содержание, как правило, провозглашалось на курултае и, соответственно, доводилось до сведения адресатов в присутствии самого хана и, в случае сомнений, могло быть тут же разъяснено.

¹ В частности, можно отметить работы А. К. Кушкумбаева [Кушкумбаев, 2010], Р. П. Храпачевского [Храпачевский, 2011], Т. Мэя [May, 2007; May, 2011] и др.

² См., напр.: [Кушкумбаев, 2010. С. 124–129; Ням-Осор, 2002. С. 122; Храпачевский, 2011. С. 32–33].

³ См., напр.: [Head, Wang, 2005. P. 150–174].

После поражения и сдачи Ариг-Буги в 1264 г. от хана Хубилая «последовал приказ собрать много войск» [Рашид ад-Дин, 1960. С. 165].

Весьма ярко подобная практика представлена в указах эмира Тимура, фактического правителя Чагатайского улуса:

«Мирозавоеватель, счастливый Сахибкиран приказал: „Поднимитесь на вершины гор и зажгите огни!“»;

«Тогда он издал ярлык: „Войску Хузара и Кеша собраться!“»;

«Когда прошла зима и настала весна (1376), был издан ярлык: „Войскам собраться, пойдем на Хорезм!“»;

«Был издан ярлык: „Пусть каждый сражается стоя, грудью!“»;

«Был издан фирман: „Бекам тысяч и кошунов не отлучаться от своего войска. Без разрешения никуда не уходить. Ежели кто-либо отлучится без разрешения, то голову — на отсечение, имущество — в казну!“ Глашатаи это объявили всему войску. Издал еще один фирман: „На каналах и реках построить мосты!“ Каждый день проходили пол-йигача пути (3 км) и, рубя деревья в лесах, строили дорогу»;

«Сахибкиран издал приказ: „Бекам туманов и бекам кошунов быть начеку, не проявлять беспечности и закрепиться на своих местах. Проявляя осторожность, вырыть перед собой рвы. На том берегу рва и под стенами вырыть ямки и замаскировать их ветками!“ Беки, согласно изданному ярлыку, сделали все, что было приказано. К вечеру государь Сахибкиран, поразмыслив о ходе минувших событий, издал другой ярлык: „Тридцати кошунам из войска в полном вооружении устроить засаду!“ — и определил место засады»;

«Они поняли, что перед ними войско Токтамыша, но ярлык был — „Не воевать!“ По этому фирману государя Сахибкирана, воины, привыкшие быстро вступать в бой, не стали сражаться с врагом и пошли назад»;

«Поступил ярлык: „Амиру Джахан-шаху и Учкара Бахадуру с другими беками с тридцатитысячным войском ускоренно идти до Иртыша и искать врага!“ Те, следуя приказу, сели на коней и шли дни и ночи, пока не дошли до реки Иртыш»;

«Государь издал подчиняющий мир ярлык: „Войскам войти в лес, срубить деревья и построить дорогу!“ После этого ярлыка открыли три дороги. Ширина каждой дороги была в пролет стрелы»;

«Государь Сахибкиран издал ярлык: „Пир Падша с Аргун-шахом Бурдалыги, Надир-шахом Каракули и Шайх Али Мусой вместе с корабельщиками Джайхуна и громометателями идти по дороге Кульзума, взять корабли противника и начать осаду крепости Махана!“ После этого названные бахадуры спустились к морю Кульзум, взяли корабли противника, не останавливаясь, сели в них и, ударяя по барабанам и литаврам, направились к крепости»;

«Когда победоносное войско дошло до того места, он вышел из крепости и бежал. Царевичи стояли там неделю, дали войску провиант и, взяв крепость, направились в сторону Багдада. Когда они дошли до Курдистана, прибыл к ним посланник государя Сахибкирана с ярлыком: „Им следует согласованно идти по дороге Джимджимала!“ Действуя согласно приказу, они воротились от Багдадской дороги, дошли до крепости Сонгур, взяли бывшее там зерно и другое имущество, а саму крепость разрушили»;

«По наступлении данного приказа, счастливый царевич занялся покорением страны и действовал по своему усмотрению. Через несколько дней поступил еще один ярлык: „Направься в нашу сторону и приди!“ Царевич направился к Сахибкирану и удостоился чести служить ему в Ширазе»;

«Поступил ярлык: „Разошедшимся войскам собраться!“»;

«После совещания он приказал: „Войскам разделиться на четыре группы и каждой группе пойти по отдельной дороге на врагов. По одной дороге пойдут царевич Пир Мухаммад Умаршайх, Сулайманшах-бек, Джахан Малик, Пир Али Таз и другие беки; пусть они идут в Луристан и Хузистан. Царевич Аба Бакр, Джаханшах-бек и другие беки отправятся в Багдад. Царевич Султан Хусайн с царевичем Халил Султаном и группой беков отправятся в Джазиру!“ Записав это, издал ярлык. Было приказано: „Где бы ни услышали о враге, пока

не доведете до конца его дело, не отдыхайте!“ Несмотря на то, что было зимнее время, воздух был очень холодным и на тех дорогах столько снега, что, не положив на него войлок, нельзя было пройти, царевичи, согласно приказу, приготовились, и каждая группа отправилась по заранее определенной дороге» [Йазди, 2008. С. 34–35, 81, 92, 108–109, 116, 134, 153, 154–155, 157, 166, 274, 288].

Конечно, в данных случаях речь идет о передаче содержания ханских указов в повествовательных источниках, поэтому можно предположить, что их авторы сокращали содержание соответствующих ярлыков. Однако в нашем распоряжении имеется оригинал правового документа — ярлыка о сборе войск, дошедший до нашего времени в составе трактата «Дастур

ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленного в середине XIV в. Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, чиновником при дворе последних Хулагуидов и первых Джалаиридов. Этот ярлык в первой половине XIX в. был переведен австрийским востоковедом Й. фон Хаммером-Пургшталем, причем включен в качестве приложения к написанной им истории не монгольского Ирана, а Золотой Орды. Тем самым, полагаем, исследователь давал понять, что аналогичные документы могли использоваться и в Улусе Джучи.

Ниже мы приводим перевод как с немецкого перевода Й. фон Хаммера-Пургштала и перевод этого же документа с оригинала:

Перевод Й. фон Хаммера-Пургштала [Hammer-Purgstall, 1840. S. 472] ⁷	Перевод с оригинала [Нахчивани, 1976. С. 46 араб. паг.] ⁸
Указ гонцам о сборе войска, первый [образец] Пусть знают эмиры тысяч, сотен, десятков, что наступило время, когда Мы решили выступить [в поход] на энную страну, и с этой целью послали гонцов во все земли для созыва эмиров и воинов. По этим причинам этот указ вступил в силу, так что, как только станет известно его содержание [через гонца], эмирам тысяч и сотен следует подготовить войско, полностью его вооружить и через пять дней после получения этого распоряжения выступить к определенному месту.	Раздел седьмой. О сборе войсковых эмиров. Вид первый. Эмиры тысяч, сотен и десятков тумена Шибан⁹-Кутлуга и подчиненные им воины да ведают, что в настоящее время мы направили поводя в сторону завоевания такой-то страны (فلان ولايت و مملكت) и отправили гонцов во все области для созыва эмиров и воинов. Сей указ издан затем, чтобы, узнав [об этом], все эмиры тысяч и сотен этого тумена и их воины в [полной] готовности и порядке, снаряженные и снабженные провиантом, выступили ровно через пять дней после получения этого указа и прибыли к нам¹⁰, не допуская промедления.

В представленном образце ярлыка присутствует элемент «адресат»: «эмиры тысяч, сотен и десятков тумена Шибан-Кутлуга и подчиненные ему воины», относящийся к начальному протоколу документа. Переход от инскрипции к наррации осуществляется свойственной для персидских документов формулой обнародования «да ведают, что» (بدانند كه). В наррации, как известно, приводятся обстоятельства выдачи документа, в нашем случае это: «в настоящее время мы направили поводя в сторону

завоевания такой-то страны и отправили гонцов во все области для созыва эмиров и воинов» (فلان ولايت و مملكت). Далее следует диспозитивная часть, в которой выражается основная сущность издаваемого указа. Диспозиция начинается словами «сей указ издан затем, что-

⁷ Перевод на русский язык выполнен М. С. Гатиным.

⁸ Перевод на русский язык выполнен И. А. Мустакимовым.

⁹ Конъектура «Шибан» предложена А. А. Али-заде. В разных списках «Дастур ал-катиб» это слово передано по-разному.

¹⁰ Букв. «в эту сторону» (بدین جانب).

бы» (بدان سبب اين حكم نفاذ يافت). В нашем документе распоряжение представлено в следующем виде: «Сей указ издан затем, чтобы, узнав [об этом], все эмиры тысяч и сотен этого тумена и их воины в [полной] готовности и порядке, снаряженные и снабженные провиантом, выступили ровно через пять дней после получения этого указа и прибыли к нам, не допуская промедления». Таким образом, в образце ярлыка о сборе войсковых эмиров, можно видеть достаточно простой формуляр, состоящий из одного компонента начального протокола и двух компонентов основной части. Простая структура указа может объясняться необходимостью четкой и однозначной формулировкой военных команд в условиях мобилизации. Здесь мы не обнаружим витиеватых выражений, зачастую свойственных персидскому делопроизводству.

Таким образом, мы видим, что даже официальный текст ярлыка, представляющего собой военное распоряжение, является ненамного более объемным, чем вышеприведенные указы из нарративных источников. Тем не менее, именно эти ханские распоряжения, как представляется, составляют реально действовавшее «военное право», в котором нашли отражение особенности статуса командующих различного уровня, обязанности воинов во время походов. И, как увидим ниже, также и особенности привлечения к ответственности за воинские преступления.

Базовые принципы определения наказаний за правонарушения в период воинской службы и особенно во время военных кампаний в Монгольской империи и ее наследниках, подобно основам организации военного дела в целом, по мнению исследователей, были закреплены в Великой Ясе Чингис-хана. Эти положения, по всей видимости, являлись общеизвестными, поскольку регулярно применялись на практике.

Францисканец Иоанн де Плано Карпини, посетивший Монгольскую империю в середине 1240-х годов в качестве посла папы римского, в своем отчете приводит ряд таких положений, не давая характеристики источника, откуда они были взяты, тем самым давая понять их общеупотребительный характер:

«Также если кто-то раскрывает их планы,

когда они хотят идти на войну, то он получает сто ударов по ягодицам, таких сильных, какие только может дать крестьянин большой палкой. Если же кто из младших совершит какое-нибудь оскорбление, то старшие не прощают его и жестоко порют плетьюми...

Когда войско находится на войне, если из десяти человек бежит один или два, или три, или даже больше, все умерщвляются; если же побежит весь десяток, даже если сотня в целом не побежит, умерщвляются все. Коротко говоря, если они не отступают сообща, то все, кто бежит, лишаются жизни.

Так же если один или двое, или больше [воинов] дерзко бросятся в бой, а остальные из десятка за ними не следуют, то их также убивают: а если одного или нескольких из десятка берут в плен, а товарищи их не выручают, то они тоже умерщвляются» [Плано Карпини, 2022. С. 142, 154].

Сообщения о привлечении воинов к ответственности на основании Великой Ясы мы встречаем и в ряде восточных источников:

«Когда весть об этом дошла до эмира Кутлут-шаха, он очень удивился и подстрекнул [свое] войско к битве. [Но] его никто не слушал и [поэтому] он некоторых из своего войска предал йасе (казнил)» [Хафиз Абру, 2011. С. 34];

«Когда Тезакчи Джелаир и другие бежавшие люди пришли туда, он [эмир Тимур. — Р. П.] выступил перед ними с речью упрека. Амиры сказали: „Пока их дела оставим. Их расспросите после нашего возвращения“. Однако государь Сахибкиран не остановился и приказал, чтобы их вывели вперед. По йасаку всех побили палкой сзади и спереди»; «Коча Малика, который отказался спуститься в ров, [эмир Тимур. — Р. П.] приказал побить палками по йасаку и, привязав к хвосту осла, отправил в Самарканд»;

«Джунайд Бурулдай, его брат, Баязид и Мухаммад Дарвеш Тайхани, которые во время похода в Хорезм покинули Джаханшах-бека и с большими трудностями ушли в Хиндустан, после завоевания царевичем Мултана те пришли из внутренней Индии к царевичу, и сейчас царевич привел их с собой. Царевич представил их Сахибкирану и просил за них прощения.

Сахибкиран, благодаря милости и щедрости своей простил их вину, их кровь посвятил царевичу и ограничился битьем ясачными палками» [Йазди, 2008. С. 63, 76, 227].

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство воинских проступков могло регламентироваться либо буквой, либо, что более вероятно, духом Великой Ясы. Однако это касалось тех воинских правонарушений, которые допускали подчиненные, и за которые, опираясь на данный источник права, могли выносить наказание их непосредственные военачальники. Неслучайно в вышеприведенном ярлыке из «Дастур ал-катиб» отсутствует элемент «санкция», предусматривающий ответственность за неисполнения содержащихся в нем распоряжений: ее принципы и нормы были широко известны и командирам, и их подчиненным.

Однако как следовало поступать, во-первых, с самими военачальниками, причем лично назначенными на свои должности ханами? И как следовало разбирать случаи, которые не могли быть предусмотрены Великой Ясой, — например, если командующие, формально соблюдая все нормы «военного права», несли поражение и теряли большое число воинов?

Естественно, в таких случаях решение оставалось непосредственно за правителем, и этот принцип также был сформулирован еще Чингис-ханом на примере своих личных гвардейцев — кешиктенов: «О случаях предания кешиктенов суду надлежит докладывать мне. Мы сами сумеем предать казни тех, кого следует предать казни, равно как и разложить и наказать палками тех, кто заслужил палок» [Козин, 1941. С. 196]. Учитывая разнообразие обстоятельств, при которых тот или иной военачальник мог проштрафиться, хан не мог использовать универсальные нормы, а должен был исходить из сложившейся ситуации. Так, например, когда его приемный брат Шихи-Хутаг во время хорезмийской кампании понес поражение от султана Джалал ад-Дина, Чингис-хан «спросил у Укара и Кутура [военачальников Шихи-Хутага. — Р. П.]: „Как стояли вы и как [стоял] султан?“ Они показали. Он нашел их суждение и суждение султана негодными и сказал: „Вы [все] не знаете, какое место [при-

годно] для битвы!“ И обвинил обоих эмиров» [Рашид ад-Дин, 1952. С. 223].

Однако подобного рода немедленные решения могли быть вынесены, когда и сам хан, и его высшее командование находились в походе, и приговор выносился «по законам военного времени» без длительных разбирательств¹¹.

Если же военачальники действовали самостоятельно, а хан не находился при войсках, следовало осуществить официальное расследование и предать виновников поражения или несения огромных потерь справедливому суду. Как это осуществлялось в чингизидских государствах, мы намерены проанализировать на примере нескольких конкретных дел из истории хулагуидского Ирана конца XIII — начала XIV в.

Первый случай относится к сирийской кампании хана Абаги осенью 1281 г., когда в битве при Хомсе часть ильханских войск обратила врагов в бегство, но тем самым ослабила защиту собственного центра. Рашид ад-Дин излагает дальнейшие события следующим образом: «Царевич Менгу-Тимур был еще отроком и не видел жестоких битв, и из старших эмиров распоряжались Текнэ и Доладай-яргучи. Они немного оробели и повернули обратно, а воины обратились в бегство. Много народу из монгольской рати погибло» [Рашид ад-Дин, 1946. С. 96–97]¹². Это поражение вызвало большой резонанс, причем в последующей историографии даже стало распространяться утверждение, что сам царевич Менгу-Тимур, брат ильхана Абаги (1265–1282) якобы погиб в этом сражении [Тулибаева, 2013. С. 89].

Естественно, правитель Ирана не мог не отреагировать на проступок своих военачальников: «Когда весть об этом дошла до Абага-хана, он очень разгневался на эмиров и сказал: „Летом, во время курултая, я взыщу с виновных, [а] в будущем году снова сам пойду туда и заглажу это дело“» [Рашид ад-Дин, 1946. С. 97].

Абага не успел реализовать свои намерения, поскольку, как известно, до летнего курултая не дожил, скончавшись в апреле 1282 г. Однако

¹¹ См., напр.: [Почекаев, 2020. С. 79; Почекаев, 2021. С. 770]

¹² См. также: [Amitai-Preiss, 1995. P. 197–198].

в данном случае нас интересует тот факт, что он намеревался привлечь виновных военачальников к ответственности за серьезное воинское преступление во время курултая. Следующие примеры отражают эту же тенденцию.

В 1303 г. состоялся очередной сирийский поход — на этот раз уже по приказанию ильхана Газана (1295–1304), внука Абаги, причем практически повторилась ситуация, имевшая место в предыдущем казусе: левое крыло и центр погналы неприятеля, тогда как другая часть сирийско-египетского войска навалилась на правое крыло монголов и окружило его на холме. Рашид ад-Дин сообщает: «Поскольку за предыдущий день войска потеряли управление, и тысячи расстроились, то никак не удавалось построить боевой порядок. До полуденного намаза они держались, а затем обратились вспять и пошли. На пути находилось без меры воды и топких мест. Множество лошадей застряло в иле, а воины рассеялись. Тайтак и Тарса [направленные командующим, эмиром Кутлгушахом на помощь, т.к. накануне не сражались. — *Авт.*] не показывались. 19 числа месяца рамазана Кутлгушах и Туге-Тимур прибыли не служение к его высочеству государю ислама в степи Кушаф» [Рашид ад-Дин, 1946. С. 196].¹³

В отличие от своего деда, Газан имел возможность привлечь виновных к ответственности. Следствие и суд описаны тем же Рашид ад-Дином, который, как известно, был везиром и ближайшим сподвижником этого ильхана: «После того как державные знамена прибыли в город ислама Уджан, на второй день, 12 зи-лка'дэ [28.VI], приступили к судебному допросу. Хотя вели допрос очень искусно, но когда представили решение дела¹⁴ [Газан-хану], государь ислама указал еще на кое-какие тонкие обстоятельства. Допрос начали опять сызнова и учли эти тонкие обстоятельства. В конце концов в первый день месяца зи-л-хиджджэ [17.VII] суды закончились. Агутай-тархана, сына ...-тархана¹⁵ и Туган-Тимура из рода мангут

казнили, а то, что было согласно великой ясе — было приведено в исполнение. Тогда, в четверг 2 числа месяца зи-л-хиджджэ [18.VII] приступили к празднествам курултая, и эмирам была оказана честь позволением припасть к стопам государя» [Рашид ад-Дин, 1946. С. 196–197].

Сообщение Рашид ад-Дина представляет большой интерес с точки зрения процессуального права чингизидских государств. Итак, во-первых, речь шла не о расправе с нарушителями, а именно об установлении вины — неслучайно в отношении них «вели допрос очень искусно». Результаты допроса нашли отражение в судебном заключении — *йаргу-наме*, т. е. суд велся дзаргучи (йаргучи) — судьями, назначенными на эту должность самим ильханом и действовавшими на основе монгольского имперского права. Однако это решение оказалось не окончательным: заключение было представлено на ознакомление Газану, и он «указал на кое-какие тонкие обстоятельства». К сожалению, сообщение Рашид ад-Дина не содержит даже намека на содержание этих указаний. Однако, принимая во внимание вышеприведенное распоряжение Чингис-хана о суде над лицами, персонально известными ему, мы имеем основания полагать, что ильхан, по всей видимости, приказал внести изменения в судебное заключение в отношении тех или иных фигурантов дела на предмет смягчения или отягчения их наказания. Приняв во внимание указания правителя, судьи вынесли решение о казни нескольких военачальников на основе их собственного коллегиального решения, тогда как еще несколько виновных (вероятно, из числа менее высокопоставленных командиров) понесли наказание «согласно великой ясе».

И, как видим, суд произошел именно во время курултая, поскольку сразу после окончания разбирательства начались празднества. Почему же суд над военачальниками проводился именно во время курултая?

Следует принять во внимание, что дзаргучи, которые осуществляли разбирательство и выносили решение по подобного рода делам, не являлись судьями на профессиональной основе. Как правило, это были военачальни-

¹³ См. также: [Камалов, 2007. С. 69].

¹⁴ В сноске переводчик приводит оригинальное название «Йургу-намэ», т. е. *йаргу-наме*.

¹⁵ Пропуск в публикации источника.

ки или сановники, имевшие другие обязанности, тогда как судебные полномочия для них являлись своего рода «дополнительной нагрузкой» по причине хорошего знания ими имперского законодательства и безупречной репутации¹⁶.

Соответственно, где могло собраться достаточное число дзаргучи, которые в течение всего года могли осуществлять свои основные служебные полномочия в разных регионах того или иного чингизидского государства? Конечно же, именно на курултае.

Кроме того, нельзя не предположить, что решения и приговоры, выносимые судом-дзаргу, могли иметь также и «профилактический» характер: привлекая к суровой ответственности виновных, тем самым они предупреждали других потенциальных нарушителей воздерживаться от противоправных действий. И, опять же, именно на курултае, где собирались представители родоплеменной знати, военного командования и высшего чиновничества, информация о результатах судебного разбирательства могла разойтись максимально быстро и быть принята к сведению именно теми, кто сам мог оказаться в статусе потенциальных подсудимых.

Наконец, третий аргумент в пользу проведения дзаргу именно во время курултая — это возможность для ильхана продемонстрировать единство со своими приближенными. В случае затруднения при определении степени вины и вынесения приговора судьи (а также и сам ильхан) могли прибегнуть к «экспертному мнению» влиятельных сановников, получить от них разъяснение и убедиться, что наказание (вплоть до смертной казни) конкретного участника дела не повлечет недовольства родоплеменной или служилой знати против правителя. Возможно, именно эти соображения и заставили Газана указать «на кое-какие тонкие обстоятельства», хотя, казалось бы, он должен был полностью доверять решению судей, которых сам же и назначил для разбирательства.

¹⁶ Статус дзаргучи (йаргучи) подробно проанализирован авторами настоящей статьи в еще одной публикации [Абзалов и др., 2023].

Еще одно дело о воинских преступлениях было рассмотрено судом-дзаргу уже в правление ильхана Олджайту (1304–1316) — брата и преемника Газана. Оно было связано с Гилян-ской кампанией 1306–1307 гг., которая стала одним из последних завоевательных походов Ильханата, поэтому неудивительно, что ей даже посвящено специальное исследование [Melville, 1999].

Область Гилян на юго-западном побережье Каспийского моря в течение длительного времени оставалась вне контроля ильханов, однако к началу XIV в. она оказалась окружена подконтрольными им владениями, и ее захват оставался лишь вопросом времени [Хафиз Абру, 2011. С. 30–31]¹⁷. Вместе с тем, средневековые персидские авторы отмечают, что гилянские правители, со своей стороны были готовы закончить дело миром и вступить в переговоры об условиях своего подчинения ильхану [Melville, 1999. Р. 94]. В результате на Гилян было отправлено несколько монгольских отрядов, начальство каждого из которых вступило в контакт с тем или иным местным правителем.

Одним из отрядов предводительствовал вышеупомянутый Кутлутшах, которому удалось разгромить в нескольких сражениях гилянцев, после чего те через посредство эмира Фулад Кийа предложили заключить мир. Однако Сийавуш, сын Кутлутшаха, желавший снискать лавры полководца, убедил отца отклонить это предложение, и тот, сместив Фулада, назначил сына на его место. Сийавуш, в знак отказа от переговоров, «натянув лук злобы», двинулся вперед, разоряя все местности по пути и убивая их население. В результате гилянкам ничего не оставалось, как собрать силы и начать сопротивление. Войско Сийавуша было застигнуто в неблагоприятных условиях — в болотистой местности, что стало причиной его поражения и бегства. Узнав о разгроме сына, Кутлутшах попытался собрать своих воинов, но не успел этого сделать, как, в свою очередь, подвергся нападению гилянцев и был убит

¹⁷ См. также: [Бартольд, 1971. С. 220].

стрелой в самом начале боя¹⁸, после чего остатки его войск также разбежались, а их противникам досталась богатая добыча [Хафиз Абру. С. 34; Melville, 1999. P. 93].

Чуть позже похожая ситуация случилась с другим монгольским отрядом. Узнав о его приближении, Мухаммед, местный правитель г. Тамиджана, предложил признать власть ильхана и прислать его военачальникам выкуп. Однако один из них, по имени Мамтийфи, узнал от перебежчика, что у Мухаммеда столько богатств, что выкуп мог бы быть намного больше, и убедил других полководцев взять его силой, что заставило местного династа собрать свои силы и выступить против войск ильхана. Дальнейшие события Хафиз Абру описывает следующим образом: «А монголы были уверены в своей силе, могуществе и славе. Когда они прибыли к окрестностям Тамиджана, гилянцы, выбрав местечко Хасин, приготовились и настроились к сражению. Стороны [в битве] приложили большие усилия. [Но] внезапно, [по повелению] судьбы, стрела настигла эмира Тук-Тимура и он скончался. [В результате] гилянцы победили, а войско монголов обратилось в бегство. Гилянцы погнались [их]. [Так как] дороги были трудными, многие монголы погибли. Те, кто выжил, побежали в Казвин и оттуда достигли Султании. И Аллах знает лучше» [Хафиз Абру, 2011. С. 36–37].

Узнав о поражениях своих подчиненных и гибели Кутлугшаха, ильхан Олджайту сам прибыл в Гилян с новыми войсками, которым, хотя и не без трудностей удалось разгромить местных правителей и подчинить регион себе [Хафиз Абру, 2011. С. 37–38].

По итогам похода был созван курултай, в рамках которого ильхан, подобно своим предшественникам, также приказал судить виновных в поражениях и понесенных потерях. Хафиз Абру приводит достаточно подробное описание этого суда:

«Когда войско вернулось из Гиляна, завоевав и полностью захватив ту область, падишах приказал [провести] расследование в деле Гиляна и убийстве эмиров, [чтобы] выяснить, кто виноват и чья это была вина. Йаргучи провели расследование и разобрались в произошедшем: в этих смутах обвинили эмира Сийавуша, сына Кутлуг-шаха, [за то], что он вначале посеял смуту и никого не послушал. И по этой причине великий эмир Кутлуг-шах был убит. Затем [йаргучи] обвинили Мамтийфи [в том], что в Тамиджане [вначале] эмиры были согласны на мир, но он отвратил их от этого. И по этой причине многие люди были убиты. Еще обвинили других эмиров, которые также были виновны, и все [это] доложили султану Улджайту.

Султан приказал казнить Мамтийфи и нескольких эмиров. Тех, у кого было меньше вины, [приказал] ударить палками йасы. А эмира Сийавуша, который ко времени йаргу был полуживой [от страха], ради его отца простил, но отстранил от эмирата туманом отца и передал эмират [этого] тумана эмиру Чобану» [Хафиз Абру, 2011. С. 38].

Обратим внимание, что Хафиз Абру не упоминает о суде во время курултая. Однако средневековые арабские историки, сообщая о последствиях гилянской кампании, упоминают, что по ее окончании ильхан Олджайту собрал эмиров, чтобы обсудить с ними итоги похода, его успехи и неудачи [Melville, 1999. P. 114–115]. Несомненно, в этом собрании эмиров следует видеть именно курултай.

Итак, мы вновь видим, что судьи проводят расследование совершенных преступлений и принимают решение, которое потом передается на рассмотрение ильхана, которому полагалось утвердить или отменить смертные приговоры, вынесенные судьями на основании собственного усмотрения по итогам следствия. Вероятно, статус эмира Сийавуша (неслучайно его покойный отец занимал командные посты еще при Газане) заставил Олджайту отменить его смертный приговор под благовидным предлогом — «ради его отца», хотя и лишит его поста темника. И точно так же, как по итогам суда-дзаргу, проведенного по приказу Газана в 1303 г., менее значительные командиры

¹⁸ Подобная версия присутствует у большинства средневековых авторов. См., напр.: [Хафиз Абру, 2011. С. 34; Фасих, 1980. С. 39]. Однако согласно Кашани, он был ранен и взят в плен [Melville, 1999. P. 95], а Абу Бакр Ахари вообще утверждает, что он был казнен еще в 1305 г. [Ахари, 1984. С. 101].

были наказаны «палками йасы», т. е. понесли телесное наказание, вероятно исполненное их непосредственными начальниками.

Таким образом, подводя итог нашему исследованию, можно сделать главный вывод: законодательство, регулировавшее военное дело в государствах Чингизидов XIII–XIV вв., сводилось к набору базовых принципов, нашедших отражение в древнем праве *торе* и Великой Ясе Чингис-хана. Эти принципы были хорошо известны всем военачальникам и простым воинам, поэтому и не требовалось подробно-

го обоснования для издания соответствующих приказов или для привлечения к ответственности за определенные воинские проступки. Однако в ряде случаев, когда речь шла о нарушениях, не предусмотренных основами «военного права» и/или допущенных известными высокопоставленными военачальниками, эти принципы не действовали. В таких случаях ханы приказывали провести расследование и предать виновных суду-дзаргу, в рамках которого судьи-дзаргучи выносили собственное решение. Однако оно, в конечном счете, все равно утверждалось ханом.

Использованная литература

Абзалов и др., 2023: Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII–XIV вв.: опыт междисциплинарного исследования // Вестник Томского государственного университета. История. 2023 (в печати).

Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. O statuse sudey v Mongol'skoy imperii i ee ulusakh v XIII–XIV vv.: opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya [On Status of Judges in the Mongol Empire and Its Uluses in 13th–14th cc.: An Attempt of Interdisciplinary Research] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Herald of Tomsk State University. History]. 2023 (in print).

Ахари, 1984: Ахари, Абу Бакр ал-Кутби. Тарих-и шейх Увейс / Пер. М. Д. Кязимова, В. З. Пириева. Баку: Элм, 1984.

Akhari, Abu Bakr al-Kutbi. Tarikh-i sheykh Uveys [The History of Sheikh Uwais]. Transl. by M. D. Kiazimov, V. Z. Piriev. Baku: Elm, 1984.

Бартольд, 1971: Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VII. М.: Наука, 1971. С. 29–225.

Bartold V. V. Istoriko-geograficheskiy obzor Irana [Historical-Geographical Survey of Iran] // Bartold V. V. Sochineniya. Vol. VII. Moscow: Nauka, 1971. P. 29–225.

Вернадский, 1999: Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана // Вернадский Г. В. История права. СПб.: Лань, 1999. С. 111–148.

Vernadskiy G. V. O sostave Velikoy Yasy Chingis-khana [On the Scope of the Great Yasa of Chinggis Khan] // Vernadskiy G. V. Istoriya prava [History of Law]. St. Petersburg: Lan', 1999. P. 111–148.

Джувейни, 2004: Джувейни, Алла ад-Дин Ата Малик. Чингисхан. История завоевателя мира / Пер. с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на англ. Дж. Э. Бойла; пред. и библиогр. Д. О. Моргана; пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М.: Магистр-Пресс, 2004.

Dzhuveyni, Alla ad-Din Ata Malik. Chingiskhan. Istoriya zavoevatelya mira [Genghis Khan: The History of the World-Conqueror]. Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini into English by J. A. Boyle; Intr. by D. O. Morgan; Transl. into Russian by E. E. Kharitonova. Moscow: Magistr-Press, 2004.

Йазди, 2008: Йазди, Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме / Пер. со староузб., предисл., коммент., указ. А. Ахмедова. Ташкент: SAN'AT, 2008.

Yazdi, Sharaf ad-Din Ali. Zafar-name [The Book of Victories]. Transl. from Old Uzbek, intr., comments, index by A. Akhmedov. Tashkent: SAN'AT, 2008.

Камалов, 2007: Камалов И. Х. Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007.

Kamalov I. Kh. Otnosheniya Zolotoy Ordy s Khulaguidami [Relations of the Golden Horde with Kghulaguids]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2007.

Козин, 1941: Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Kozin S. A. Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaiia khronika 1240 g. [The Secret History. Mongolian Chronicle of 1240]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941.

Кушкумбаев, 2010: *Кушкумбаев А. К.* История военного дела кочевников Золотой Орды XIII–XV вв. Дисс. ... докт. ист. наук. Алматы: Б. и., 2010.

Kushkumbaev A. K. Istoriya voennogo dela kochevnikov Zolotoy Ordy XIII–XV vv. [The History of Military Art of Nomads of the Golden Horde, 13th–15th cc.]. D. Sc. (History) Dissertation. Almaty, 2010.

Нахчивани, 1976: *Нахчивани, Мухаммад ибн Хиндушах.* Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней) / Крит. текст, предисл. и указ. А. А. Али-заде. Т. II. М.: Наука, 1976.

Nakhchivani, Mukhammad ibn Khindushakh. Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib (Rukovodstvo dlya pistsa pri opredelenii stepeney) [The Manual of Scribe for Define of Degrees]. Critical text, intr. and index by A. A. Ali-zade. Vol. II. Moscow: Nauka, 1976.

Ням-Осор, 2002: *Ням-Осор Н.* Роль и содержание закона «Их засаг» в истории и культуре Монголии // Мир Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. История. Социология. Т. II. Ч. I. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 120–123.

Nyam-Osor N. Rol' i sodержanie zakona «Ikh zasag» v istorii i kul'ture Mongolii [The role and content of the “Great Yasa” law in history and culture of Mongolia] // Mir Tsentral'noy Azii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Istoriya. Sotsiologiya [The World of Central Asia. Materials of the International Scientific Conference. History. Sociology]. Vol. II. Pt. I. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN, 2002. P. 120–123.

Плано Карпини, 2022: *Плано Карпини И. де.* История монголов: Текст, перевод, комментарии / Под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова; пер. с лат. А. А. Вовина, П. В. Лукина; коммент А. А. Горского, С. А. Масловой. Р. Ю. Почекаева, В. В. Трепавлова; вступит. ст. А. А. Горского, В. В. Трепавлова. М.: ИДВ РАН, 2022.

Plano Karpini I. de. Istoriya mongolov: Tekst, perevod, kommentarii [History of Mongols: Text, translation, comments]. Ed., intr. by A. A. Gorskiy, V. V. Trepavlov; Transl. from Latin into Russian by A. A. Vovin, P. V. Lukin; Coments by A. A. Gorskiy, P. V. Lukin, S. A. Maslova, R. Yu. Pochekaev, V. V. Trepavlov. Moscow: IDV RAN, 2022.

Почекаев, 2020: *Почекаев Р. Ю.* Вместо казни — в штрафбат? Заметка о правосудии хана Кучума // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы VI Всероссийской (национальной) научной конференции (Курган, 30–31 октября 2020 г.).

Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2020. С. 78–80.

Pochekaev R. Yu. Vmesto kazni — v shtrafbat? Zаметка o pravosudii khana Kuchuma [Penal Battalion Instead the Death Penalty? The Note on Justice of Khan Kuchum] // Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri: Materialy VI Vserossiyskoy (natsional'noy) nauchnoy konferentsii (Kurgan, 30–31 oktyabrya 2020 g.) [History, Economy and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia: Materials of the 6th Russian Scientific Conference (Kurgan, October 30–31, 2020)]. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo universiteta, 2020. P. 78–80.

Почекаев, 2021: *Почекаев Р. Ю.* Кого могли и кого не могли судить Гирей? К истории суда и процесса в Крымском ханстве // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021. № 13. С. 768–778.

Pochekaev R. Yu. Kogo mogli i kogo ne mogli sudit' Girei? K istorii suda i protsessa v Krymskom khanstve [Who Could Be and Who Could not Be Judged by Girays: on Court and Proceedings in the Khanate of Crimea] // Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya [Materials on Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region]. 2021. No. 13. P. 768–778.

Рашид ад-Дин, 1946: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса, отв. ред. В. В. Струве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Rashid ad-Din. Sbornik letopisey [Compendium of Chronicles]. Vol. III. Transl. from Persian by A. K. Arends; Ed. by V. V. Struve. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1946.

Рашид ад-Дин, 1952: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой; примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Rashid ad-Din. Sbornik letopisey [Compendium of Chronicles]. Vol. I. Book 2. Transl. from Persian by O. I. Smirnova; Notes by B. I. Pankratov and O. I. Smirnova; Ed. by A. A. Semenov. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952.

Рашид ад-Дин, 1960: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Rashid ad-Din. Sbornik letopisey [Compendium of Chronicles]. Vol. II. Transl. from Persian by Yu. P. Verkhovskiy; Notes by Yu. P. Verkhovskiy and B. I. Pankratov; Ed. by I. P. Petrushevskiy. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960.

Сумьябаатар, 2005: *Сумьябаатар Б.* Монгольский законодательный памятник XIII в. — новый список // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 157–164.

Sum'yabaatar B. Mongol'skiy zakonodatel'niy pamyatnik XIII v. — novyi spisok [Mongolian Legal Monument of the 13th c. — a New Copy] // Mongol'skaya imperiya i kочеvoy mir [Mongol Empire and the Nomadic World]. Book 2. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN, 2005. P. 157–164.

Трепавлов, 2015: *Трепавлов В. В.* Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015.

Trepavlov V. V. Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatars [Steppe Empires of Eurasia: Mongols and Tatars]. Moscow: Kvadriga, 2015.

Тулибаева, 2013: *Тулибаева Ж. М.* Первые Чингизиды на троне Ирана в описании мирзы Улугбека // Доклады Национальной академии наук Республики Казахстан. 2013. № 3. С. 84–96.

Tulibaeva Zh. M. Pervye Chingizidy na trone Irana v opisaniy mirzy Ulugbeka [The First Chinggisids on the Throne of Iran as Described by Mirza Ulugbek] // Doklady Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan [Reports of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan]. 2013. No. 3. P. 84–96.

Фасих, 1980: *Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи.* Фасихов свод / Пер. Д. Ю. Юсуповой. Ташкент: Фан, 1980.

Fasikh Akhmad ibn Dzhalal ad-Din Mukhammad al-Khavafi. Fasikhov svod [Fasikh's Compendium]. Transl. by D. Yu. Yusupova. Tashkent: Fan, 1980.

Хафиз Абру, 2011: *Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи).* Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. с перс., предисл., коммент., примеч. и указ. Э. Р. Талышханова. Казань: ЯЗ, 2011.

Khafiz Abru (Shikhab ad-Din Abdallakh ibn Lutfallakh al-Khavafi). Zayl-i Dzhami at-tavarikh-i Rashidi («Dopolnenie k sobraniyu istoriy Rashida») [Addition to Compendium of Chronicles by Rashid]. Transl. from Persian, intr., comments, notes and index by E. R. Talyshkhanov. Kazan: YaZ, 2011.

Храпачевский, 2011: *Храпачевский Р. П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011.

Khrapachevskiy R. P. Armiya mongolov perioda zavoevaniya Drevney Rusi [Army of Mongols During the Period of the Conquest of Russia]. Moscow: Kvadriga, 2011.

Amitai-Preiss, 1995: *Amitai-Preiss R.* Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260–1281, Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Hammer-Purgstall, 1840: *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C. A. Hartleben's Verlag, 1840.

Head, Wang, 2005: *Head J., Wang Ya.* Law Codes in Dynastic China: A Synopsis of Chinese Legal History in the Thirty Centuries from Zhou to Qing. Durham: Carolina Academic Press, 2005.

May, 2007: *May T.* The Mongol Art of War: Chinggis Khan and the Mongol Military System. London: Westholme, 2007.

May, 2011: *May T.* The Mongol Conquests in World History. London: Reaktion Books, 2012.

Melville, 1999: *Melville Ch.* The Ilkhan Oljeitu's Conquest of Gilan (1307): Rumour and Reality // The Mongol Empire and Its Legacy / Ed. by R. Amitai-Preiss & D. O. Morgan. Leiden; Boston: Brill, 1999. P. 73–125.

ON THE “MILITARY LAW” AND BRINGING TO ACCOUNT FOR MILITARY CRIMES IN THE TURKIC-MONGOL STATES OF THE 13TH–14TH CC.

Lenar F. ABZALOV

Kazan Federal University

Marat S. GATIN

Kazan Federal University

Ilias A. MUSTAKIMOV

L. N. Gumilev Eurasian National University

Roman Yu. ПОЧЕКАЕВ

HSE University

The article is an analysis of the system of sources of the military law in the Turkic-Mongol states of the 13th–14th cc. as well as on specific features of responsibility for military crimes. Authors find that basic principles of military organization, soldiers' duties and waging of military campaigns were fixed in the decrees of Chinggis Khan (the Great Yasa, etc.). But decisions connected with specific military operations were realized in special khans' edicts — yarliks or firmans which were brief enough to avoid double meaning. The Russian translations of such yarlik from the medieval Persian treatise “Dastur al-katib” (“Guide for the Scribe”) written by the Persian official Muhammad b. Hindushah Nahchivani in 1360s, is published in this article for the first time. As for military crimes, Mongol imperial law regulated responsibility of subordinates and their punishment by commanders, but did not provide the responsibility of warlords for mistakes and defeats in battles. In such cases they were judged by imperial court “jarghu” (“yarghu”) which determined their punishment and submitted it to the approval of khan himself. The responsibility of chief military commander is studied on a base of some cases of military crimes in the Mongol Iran of the end of the 13th — beginning of the 14th c.

Key words: Mongol Empire, Hulaguid state, Chaghatai Ulus, traditional law, military law, military crimes, medieval Oriental sources.

About the authors:

Lenar F. ABZALOV, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of history of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation) (len_afzal@mail.ru). ORCID: 0000-0003-3952-6715.

Marat S. GATIN, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of history of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation) (marat_gata@mail.ru). ORCID: 0000-0002-7698-0450.

Ilias A. MUSTAKIMOV, Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Scientific Research Center “Yel Tarikhy”, L. N. Gumilev Eurasian National University (Astana, Kazakhstan) (imus2007@mail.ru). ORCID: 0000-0002-0052-5136.

Roman Yu. ПОЧЕКАЕВ, D. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, HSE University in St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation) (rpochekaev@hse.ru). ORCID: 0000-0002-4192-3528.

Acknowledgment. The research was carried out by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, implemented at Voronezh State University.

И. А. АЛИМОВ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

БЮРОКРАТИЯ В ДВИЖЕНИИ: КИТАЙСКИЕ ПУТЕВЫЕ ДНЕВНИКИ X–XIII ВВ. (III)

Настоящая статья продолжает тему изучения путевых дневников китайских чиновников X–XIII вв. и посвящена «Ши цзинь лу» — дневнику, который Чэн Чжо вел, будучи членом посольской миссии в государство Цзинь в 1211–1212 гг. Это один из четырех наиболее значительных дневников подобного рода, являющийся кладезем разнообразной уникальной информации о чжурчжэньском государстве, его нравах и обычаях, государственном и территориальном устройстве, а также особенностях дипломатического этикета между Сун и Цзинь.

Ключевые слова: Китай X–XIII вв., эпоха Сун, путевые дневники, традиционное китайское чиновничество, посольство, империя Цзинь, Чэн Чжо.

Об авторе: Алимов Игорь Александрович, доктор исторических наук, заведующий Отделом этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) (Санкт-Петербург, Россия) (alimov@pvest.org). ORCID: 0000-0002-32358459.

© ИВР РАН, 2023

© Алимов И. А., 2023

Настоящей статьей мы продолжим исследование путевых дневников китайских чиновников X–XIII вв. [см. ранее: Алимов, 2021; Алимов, 2022; Alimov, 2020; Alimov, 2021; Alimov, 2022), для чего обратимся к тексту «Ши цзинь лу» (使金錄 «Записи о посольстве в Цзинь»). О его авторе Чэн Чжо (程卓 1153–1223), втором сыне южносунского сановника, философа и поэта Чэн Да-чана (程大昌 1123–1195), сведений сохранилось немного. Известно, что Чэн Чжо выдержал экзамены на право занятия вакантного чиновничьего поста и стал *цзиньши* в 1184 г., после чего стал служить — и довольно успешно: в 1210 г. был назначен помощником начальника Далисы (Приказ Великой справедливости), на следующий год — помощником начальника отдела Синбу (Судебный департамент), в каком-то качестве отправился с посольством в Цзинь (это была последняя официальная сунская поездка в чжурчжэньские владения), а по возвращении оттуда получил повышение до *ланчжуна* (начальник отдела) Синбу. Последним назначением Чэн Чжо стал

пост в Шумиюане (Верховный военный совет), на этом посту он и умер¹.

По возвращении из Цзинь Чэн Чжо привел свои путевые записи в порядок, дал им название «Ши цзинь лу» и представил, согласно существовавшим в то время правилам, трону. Так этот текст оказался в дворцовом хранилище, где долгое время лежал без движения. Много позднее дневник «Ши цзинь лу» попал в состав «Синь ань вэнь сянь чжи» (新安文獻志 «Записи о литературных трудах из Синьани», 1497) минского Чэн Минь-чжэна (程敏政 1444–1499), но более или менее широкое распространение получил позже — в цинское и новое время, когда дневник был опубликован в разных книжных сериях, начиная с «Билинь лан гуань цун шу» (碧琳琅館叢書 «Книжная серия из павильона Билиньлан», 1884) знаменитого ученого и библиофила Фан Гун-хуэя (方功惠 1829–1897) и заканчивая «Юй юань ань цун шу» (芋園庵叢書 «Книжная серия из хижины Юйюань») гуандунского библиофила и

¹ Доступные известия о Чэн Чжо собраны в ст.: [Franke, 1981. P. 174–175; Чжао Юн-чунь, 2019. С. 53–54].

просветителя Хуан Юн-юя (黃咏雱 1902–1975). На этих публикациях основаны и современные издания «Ши цзинь лу»².

«Ши цзинь лу» — произведение небольшое, в нем менее семи тысяч иероглифов. Записи в дневнике Чэн Чжо разновеликие — от коротких до пространных; все они, что свойственно всем сунским путевым дневникам в целом, датированы; при датировке использованы циклические знаки, под которыми прошли те или иные дни: 二十五日癸酉 «день двадцать пятый, под знаками *гуй-ю*», 三十日戊寅 «день тридцатый, под знаками *у-инь*»; как правило, в каждой записи сообщаются сведения о погоде в тот или иной день: 十二月一日己卯, 霜, 晴 «первый день двенадцатой луны, под знаками *цзи-мао*, иней, ясно» или 二十一日己丑, 陰, 風

² В первую очередь это издание 1995 г. в Цзилине (перепечатано без изменений в 2017 г. в Пекине) в составе собрания «Фэнши Ляо Цзинь синчэнлу» (奉使遼金行程錄 «Путевые записи посланников в Ляо и Цзинь»), подготовленного профессором Цзилиньского университета Чжао Юн-чунем (趙永春 р. 1953) и основанного на списке из «Юй юань ань цун шу»; здесь 69 записей, снабженных комментариями (комментарии предельно краткие и по большинству касающиеся соответствия старых географических названий современным реалиям, реже — исторических лиц), а также две записи-ба после текста: первая принадлежит цинскому библиофилу У И-фэну (吳翌鳳 1742–1812, Мэй-ань сяньшэн 枚庵先生) и датирована 1790 г., а вторая — неизвестному лицу и датирована 1792 г. [Чэн Чжо, 1995]. Позднее текст дневника был воспроизведен в составе трехтомника «Сундай жици цунбянь» (宋代日記叢編 «Собрание дневников эпохи Сун»), подготовленного под руководством шанхайского текстолога Гу Хун-и (顧宏義 р. 1959); это издание основано на списке из «Синь ань вэнь сянь чжи», содержит 69 записей (записи-ба и комментарии здесь отсутствуют), а также выдержку из аннотации к «Ши цзинь лу» из «Сы ку цюань шу цзун му» (四庫全書總目 «Генеральный каталог всех книг из четырех хранилищ») [Чэн Чжо, 2013]. По странному стечению обстоятельств текст «Ши цзинь лу» попал и в состав глобальной антологии «Цюань Сун бици» (全宋筆記 «Все сунские сборники бици», вып. 6, т. 5, с. 113–128), хотя к сборникам бици никакого отношения не имеет. Указанное издание подготовлено Чу Лин-лин 儲玲玲 и основано на рукописной копии 1777 г., сделанной по списку из «Синь ань вэнь сянь чжи», содержит 69 записей, а также запись-ба У И-фэна. Существует полный, обстоятельно прокомментированный перевод «Ши цзинь лу» на английский язык, выполненный Н. Franke (1914–2011) [Franke, 1981. P. 176–204].

益甚 «двадцать первый день, под знаками *цзи-чоу*, пасмурно, ужасно сильный ветер». Скрупулезно описан маршрут путешествия: в какой именно населенный пункт посольство прибыло, сколько *ли* (традиционная мера длины, около полукилометра) было пройдено.

Третий день, под знаками *синь-сы*, ясно. Утром остановились в Цицзэчжэне. Через сорок пять *ли* достигли Люцзычжэня, там заночевали. На западе вдалеке видны горы Фэнхуаншань. Повстречали несколько повозок едущих на юг северных послов — те следовали с поздравлениями с новым годом к нашему двору. За ночь преодолели еще шестьдесят *ли* [Чэн Чжо, 2013. С. 1246].

В тексте дневника есть пропуски: так, первая запись датирована 28-м днем девятой луны четвертого года под девизом правления Цзя-дин (1211), вторая — 5-м днем одиннадцатой луны, третья — 11-м днем той же луны³. Фактически путешествие Чэн Чжо продолжалось с 11-го дня одиннадцатой луны четвертого года Цзя-дин (то есть с 17 декабря 1211 г.) по 1-й день второй луны пятого года Цзя-дин (5 марта 1212 г.).

Первую запись в «Ши цзинь лу» можно воспринимать как своеобразное предисловие:

В двадцать восьмой день девятой луны четвертого года под девизом правления Цзя-дин вышел [августейший] указ: Чэн Чжо, *чаосаньлана* и секретаря Судебного департамента, временно пожаловать рангом *чаоцин дафу*, назначить начальником Департамента работ, даровать титул *кай-гохоу* округа Цинхуацзюнь с кормлением в тысячу дворов и фактическим доходом в сто дворов, даровать ему пурпурное платье и подвеску на пояс в форме золотой рыбки и в таковом качестве отправить посланником в царство Цзинь с поздравлениями с новым

³ Впрочем, это вполне объяснимо: первая запись (она приведена ниже) говорит о распоряжении отправиться с посольством, вторая — о том, что члены делегации попрощались с государем, третья — о том, что они покинули столицу. Месяц с лишним ушел на сборы и подготовку к отъезду.

годом⁴. Чжао Ши-яня, военного комиссара области Чжунчжоу и начальника Управления дел августейшей фамилии, временно пожаловать чином губернатора воеводства Чжаосиньцзюнь и главнокомандующеголевой дворцовой гвардии, даровать титул *кайгохоу* уезда Тяньшуйсянь с кормлением в семь сотен дворов и в таковом качестве отправить помощником посланника в царство Цзинь с поздравлениями с новым годом [Чэн Чжо, 2013. С. 1244–1245]⁵.

⁴ Отправляемые в Цзинь южносунские посольства делились на две категории: первая — так называемые чанши (常使 «регулярное посольство»), отправляемые к чжурчжэням на регулярной основе по случаю поздравлений с новым годом или же с днями рождения членов правящего рода; такие посольства назывались *хэ чжэндань ши* 賀正旦使 — «посольство для поздравлений с первым днем нового года» и *хэ шэнчэн ши* 賀生辰使 — «посольство для поздравления с днем рождения», соответственно; вторая категория — *фаньши* (泛使 «неспециальное посольство»), отправлявшееся в Цзинь нерегулярно, по разным особым случаям; такие посольства постоянных названий не имели (к примеру, посольство, отправленное с прошением вернуть на родину двух последних северосунских императоров, захваченных чжурчжэнями, называлось *цицинши* 祈請使, т. е. «прошение о милости»; успехом оно не увенчалось). Исключение составляли посольства, отправляемые по случаю восшествия на престол нового императора или же по случаю кончины монарха; такие посольства назывались *бао дэнвэй ши* 報登位使 — «посольство с извещением о вступлении на престол» и *гао ай ши* 告哀使 — «посольство объявления о печали», соответственно.

⁵ *Чаосаньлан* — гражданский придворный чин седьмого ранга без определенных обязанностей. *Чаоцин дафу* — гражданский придворный чин пятого ранга без определенных обязанностей. *Кайгохоу* — титул знатности, соответствовал придворному чину третьего ранга, давал право на получение дохода (налога) с определенной территории и ее населения, в данном случае с военного округа Цинхуацзюнь (располагался на территории совр. пров. Сычуань). Пурпурное платье и золотая рыбка — привилегии высших чиновников. Чжао Ши-янь (趙師曠 вт. пол. XII — перв. пол. XIII) — родственник правящей сунской фамилии, сын Чжао Бо-гуя (趙伯圭 1119–1196), молочного брата императора Сяо-цзуна (на троне 1162–1189). Чжунчжоу — область, располагалась в восточной части совр. пров. Сычуань. Чжаосиньцзюнь — воеводство, располагавшееся на территории совр. пров. Цзянси. Тяньшуйсянь — уезд, располагавшийся на территории совр. пров. Шаньси; в 1211 г. эта местность перешла под владычество Цзинь, так что титул Чжао Ши-яня был откровенно номинальным. Практика дарования послам временных должностей и титулов для придания веса посольству была при Сун общепринятой.

Несмотря на небольшой объем, содержание «Ши цзинь лу» достаточно разнообразно и охватывает значительное количество важных тем. Во-первых, это сведения о дипломатическом этикете, принятом между Южной Сун и Цзинь при обмене подобными посольствами, где оговорены порядок перехода границы, сопутствующие этому церемониалы, приемы, которые устраивали местные чжурчжэньские власти при прибытии посольства в вверенные их попечительству земли, подарки, которыми обменивались стороны, и тому подобное. Переход границы описан в нескольких записях (начиная с пятой). Добравшись до пограничного пункта Сюйи на берегу р. Хуайхэ, посольство отправило гонца выяснить, прибыла ли встречающая сторона, и оказалось, что *сяньнай* (先排 передовые гонцы) уже на месте; на следующий день пришло известие, что прибыл *цзебаньши* (接伴使 церемониймейстер по приему послов) — начальник отдела Подворного департамента Ли Си-дао 李希道 в сопровождении помощника генерала Пуча Синя 蒲察信⁶. Тогда на другой день к чжурчжэньской стороне был выслан *чжаньи* (掌儀 ведающий этикетом) Гао Цзун-юй 高宗愈 с сопровождающими, дабы сообщить встречавшим титулы и ранги главы делегации и его помощника. В ответ прибыли *шубяо* (書表 ознакомители), сообщившие имена и титулы *цзебаньши* и его помощника. «Согласно старым традициям, мы стоя выпили с *шубяо* по три чарки и разошлись»⁷. Назавтра посольство переправилось на лодках через Хуайхэ и верхами добралось до назначенного павильона, где произошла встреча с *цзебаньши* и другими официальными цзиньскими лицами. Следует отметить, что из всех имеющихся в сунских посольских дневниках описаний встречи с цзиньским *цзебаньши* это — самое подробное, а некоторые сообщаемые здесь сведения и вовсе уникальны (к примеру, в иных дневниках не содержится упоминаний

⁶ В издании «Ши цзинь лу» 2013 г. сказано о Фу Ча-сине [Чэн Чжо, 2013. С. 1245], однако же в иных изданиях — о Пуча Сине [Чэн Чжо, 1995. С. 331].

⁷ Все это происходило в Яньгуань, Пиршественном подворье, где всегда останавливались сунские посольства перед переходом границы с Цзинь.

о цзиньских *сяньпай* и *шубяо*)⁸. Также весьма важной является запись от 4-го дня первого лунного месяца (8 февраля 1212 г.), подробно запечатлевшая так называемое *шэ гун янь* (射弓宴 «пиршество со стрельбой из лука»), еще один неперенный посольский дипломатический ритуал.

Согласно традиции, состоялось пиршество со стрельбой из лука, которое организовал *нэйшигэ мэньчжихоу* (內使閤門祗候 охранитель дворцовых врат) Ли Хэ 李賀, ему сопутствовал *чжаоюн дацзянцзюнь даньцянь ювэй цзянцзюнь* (昭勇大將軍殿前右韋將軍 великий полководец блестящей храбрости, военачальник, стоящий на страже справа от дворцовых ворот) Ваньянь Шоу-жун 完顏守榮⁹. Стрелять начали в полдень. [Ваньянь Шоу-чжун] ни разу в цель не попал, первым цель поразил [наш Чжао] Ши-янь. В следующем круге в орнамент в углу [мишени] попал [их] *гуаньбань фуши* (館伴副使 помощник квартирмейстера) Ваньянь Лян-би 完顏良弼, и я, Чжо, тоже попал в орнамент в углу. В следующем круге в цель попали лишь [их] *гуаньбань чжэньши* (館伴正使 квартирмейстер) Чжан Чжун-жэнь 張仲仁 и Ваньянь Шоу-жун. Ши-янь поражал цель каждым выстрелом, всего девяносто семь раз, а я, Чжо, — двадцать один. Стреляли, пока не сгустились сумерки, и [мы]

⁸ Судя по всему, в обязанности *сяньпай* входили приготовления к встрече сунских послов с цзиньской стороной до прибытия *цзебаньши*; в «Ши цзинь лу» упоминаются *цзо сяньпай* и *ю сяньпай*, т. е. «левые» и «правые» гонцы, даже названы их имена. В сопровождении *сяньпай* и *шубяо* сунское посольство проделало весь путь до цзиньской столицы и обратно. Подобные сведения отсутствуют даже в официальных исторических сочинениях. К редким фактам, нашедшим отражение в «Ши цзинь лу», стоит отнести и упоминание *фу ли* 賻禮 — подношение в помощь на похороны, что было распространенной дипломатической практикой: когда скончался занедуживший в пути сунский церемониймейстер Хуан Чан-сы 黃昌嗣, цзиньская сторона передала в качестве вспомоществования 25 штук шелка и 25 штук полотна, а также организовала кремацию тела усопшего.

⁹ Военные чиновники, первый (*нэйшигэ мэньчжихоу*) — почетный титул четвертого ранга, второй — один из начальников дворцовой охраны, обеспечивавшей безопасность августейшей семьи, в том числе во время ее выездов.

не раз заявляли, что можно считать ритуал выполненным и прекратить стрельбу, но соперники не желали окончания, невзирая на темноту, и попросили о еще одном круге. Ши-янь снова послал все стрелы точно в цель, и тогда наконец цзиньцы опустили луки. Мы отделились от них, сменили платье и отправились на пиршество, которое завершало ритуал [Чэн Чжо, 2013. С. 1253]¹⁰.

Вторую важную группу материалов, содержащихся в «Ши цзинь лу», составляют сведения о различных сторонах жизни цзиньского общества и цзиньского государства. В первую очередь, это информация, касающаяся монгольской агрессии против Цзинь. Чэн Чжо был отправлен с посольством к цзиньскому двору как раз в то время, когда монголы начали свою экспансию на юг, дойдя почти до самой столицы Цзинь Чжунду (на этой территории ныне размещается г. Пекин), после чего повернули назад. В дневнике Чэн Чжо достаточно записей, отражающих отголоски данных событий. Так, достигнув почтовой станции в Цзинъань-чжэне (на территории совр. пров. Аньхой), Чэн Чжо стал расспрашивать возниц, что проезжали мимо, о произошедшем здесь военном столкновении. Одни отвечали, что вышел указ о том, что вражеские орды отброшены, а другие говорили, что монголы до сих пор где-то поблизости; так или иначе власти усилили поборы, из-за военной напасти народ совсем обнищал, а многие семьи оказались надолго разлучены («Голоса их были полны обиды»). В некоторых населенных пунктах Чэн Чжо слышал о том, что цзиньские войска двинулись на север, преследуя агрессора, видел и носильщиков с провиантом и фуражом для войск, бредущих туда же. Отголоски недавних боевых действий все время сопровождали посольство.

Тринадцатый день, под знаками *синь-мао*. Ясно. Утром достигли Вэйсяня. Вдали видны горы Тайханшань — все время пути до Яньцзина горы постоянно оставались в

¹⁰ В других сунских посольских дневниках также есть упоминания о подобных соревнованиях по стрельбе — например, в «Бэй син жи лу» (北行日錄 «Ежедневные записи о поездке на север») Лоу Юэ (Лоу Яо 樓鑰 1137–1213), но они далеко не столь подробны.

поле зрения, тянулись непрерывной высокой грядой — истинный хребет Земли! В уездном городе на стене увидели объявление: «Те из призванных в войско, что сбежали и в течение пяти дней не объявятся, — подлежат смерти. Семьи, что их укрывают, будут сосланы на вечное поселение». Переправившись через Хуай[хэ], мы постоянно слышали, что монголы нападают на цзиньцев и грабят их, появляясь прямо у городских стен. А до этого было много сражений и многие северные [воины] были разбиты и бежали [Чэн Чжо, 2013. С. 1248]¹¹.

В большом количестве присутствуют записи о причиненных монголами разрушениях. Да и само посольство неоднократно испытало на себе те экономические трудности, которые навлекло на Цзинь монгольское нашествие: Чэн Чжо не раз пишет о поломке повозок, на которых они ехали, о неудобных условиях проживания и т. п.¹²

Следующий важный вид сведений — известия о чиновничьем аппарате Цзинь (гражданском и военном). Собственно, ранее уже были названы названия должностей различных цзиньских чиновников, с которыми посольству Чэн Чжо приходилось иметь дело. Помимо них в «Ши цзинь лу» упомянуты *яньши* (押宴使 распорядитель пиршеств), *баньшиэши* (伴射使 компаньон по стрельбе из лука) и др., также обслуживавшие посольство. На пути Чэн Чжо встречались и различные административные учреждения — такие, как *сыхоусы* (司候司 следственное управление), *сыясы* (司獄司 тюремное управление), столичные Цзыжунцзюнь (紫茸軍 Войско пурпурных шелковых нитей) и Цинжунцзюнь (青茸軍 Войско зеленых шелко-

вых нитей)¹³. Чэн Чжо описал и то, как гвардейцы несут службу в столице.

...Дворцовые покои страны Цзинь чрезвычайно роскошны, их строил Ян-ван Лян¹⁴. От [нашей] резиденции до дворцов — всё сплошь выстроились в шеренгу латники. У каждых ворот, через которые [мы] проходили, стояли друг напротив друга по двадцать человек в черной одежде, с луками и мечами в руках. Мы прошли через врата Сюаньминмэнь, а там выстроились в ряд по восемь человек в халатах и шапках, расшитых красно-золотыми цветами, за ними — еще по семеро в халатах и шапках с зелеными цветами. Всего двадцать рядов — триста человек застыли друг напротив друга. [Я] решил, что это императорская гвардия. В дворцовом зале стояли два ряда людей — вроде тех, что были у ворот, но одетых в пурпурное платье, в расшитых шапках и золотых поясах, с луками и стрелами у пояса, с длинными булавами в руках, — более тридцати человек выстроилось тут. Здесь же были латники с луками и стрелами — стояли по левую и правую стороны... [Чэн Чжо, 2013. С. 1252].

В «Ши цзинь лу» встречаются и записи экономического характера. К примеру, свидетельство о состоянии цзиньского рынка продуктов питания: в одной из гостиниц слуга сообщил Чэн Чжо, что в столице цена на один *дань* (традиционная мера объема, около 71,5 кг) проса доходит до десяти тысяч монет, а провиант для армии закупают по цене всего в тысячу, так что продавцам достается лишь одна десятая от реальной цены [Чэн Чжо, 2013. С. 1253]. Или:

¹¹ Вэйсянь — уезд, располагавшийся на территории совр. пров. Хэнань. Яньцзин — старое название совр. г. Пекина, на месте которого в описываемое время была цзиньская столица Чжунду. Северные [воины] — имеются в виду цзиньцы, которых оттесненные на юг китайцы называли северянами.

¹² Велика была вероятность того, что посольство вовсе не сумеет добраться до Чжунду; возможно, поэтому, как заметил Н. Franke, посольство из соображений безопасности в основном передвигалось по ночам [Franke, 1981. P. 206].

¹³ Имеются в виду отборные гвардейские подразделения, доспехи которых крепились к одежде шелковыми шнурами различного цвета — пурпурного, желтого и зеленого (в порядке убывания старшинства), всего по десять тысяч воинов в каждом; также назывались *хуцзяцзюнь* (護駕軍 войска личной императорской охраны).

¹⁴ Ян-ван Лян 楊王亮 — цзиньский император Хайлин Ян-ван (海陵煬王, Ваньян Дигунай 完顏迪古乃, Ваньян Лян 完顏亮, 1122—1161, на троне 1149–1161); захватил трон, убив императора Си-цзуна (на троне 1135—1149). Перенес цзиньскую столицу на территорию, занимаемую совр. г. Пекин. Был убит Ваньян У-лу (完顏烏祿, Ваньян Юн 完顏雍, Ши-цзун, 1123–1189, на троне 1161–1189) в ходе военной компании против сунской империи.

Четырнадцатый день, под знаками *жэнь-чэнь*. Ясно. Утром прибыли на почтовую станцию Аньян области Сянчжоу, ныне это Чжандэфу. В городе видели печатный плакат: «При торговле на сумму свыше трех связок монет обязательно использовать асигнации! Нарушители будут наказаны каторгой с взысканием денежного штрафа». И пояснение: «Проступок ограничен двумя годами каторги, взыскание составит пятьдесят связок монет» [Чэн Чжо, 2013. С. 1248]¹⁵.

Трудно оспорить важность подобных сведений.

В «Ши цзинь лу» имеются и упоминания продуктов местных промыслов (продукты питания, вина, растения и пр.), но они весьма малочисленны и скупы, равно как и сведения о цзиньской культуре: к примеру, Чэн Чжо сообщает о том, что на одном пиру видел танец под мелодию «Гао пин» (高平 «Высокая равнина»), но никаких подробностей увиденного в дневнике нет, лишь отмечено, что обычно в Цзинь звучит музыка «захватчиков» (*люй* 虜) и только в Чжэньдине (древний город, располагавшийся на территории совр. пров. Хэбэй) еще остались столичные (китайские) мастера, знающие древние мелодии.

Есть в дневнике и свидетельства о влиянии традиционной китайской культуры на цзиньскую:

Двадцать первый день, под знаками *цихай*. Ясно, ветрено. Утром прибыли на почтовую станцию Гушуй в уезде Синьлэсянь. Через двадцать пять ли добрались до Чжуншаньфу, въехали в ворота Чжаохуамэнь, остановились на почтовой станции. Некогда этими местами управлял Су Ши, по посмертному имени Вэнь-чжун, здесь написал оду «Сун лао фу», и цзиньцы в память об этом выбили [ее слова] на стеле. Я слышал, что в областном училище есть храм в честь [Су Ши]. Областное училище расположено в квартале Хуаюаньфан. За

ночь мы преодолели еще пятьдесят пять ли [Чэн Чжо, 2013. С. 1250]¹⁶.

Характеризуя памятник в целом, можно сказать, что «Ши цзинь лу» — важный историко-этнографический памятник, который содержит уникальную информацию (прежде всего, по дипломатическому этикету) и позволяет уточнить многие известные данные по культуре Цзинь времен монгольского нашествия. Это прекрасное дополнение к корпусу сохранившихся до наших дней китайских посольских дневников к чжурчжэням. Сочинения, подобные «Ши цзинь лу», по сути — полевая этнография на императорской службе, которая дает исследователю обширный материал, восполняющий и выгодно дополняющий дошедшие до нас исторические источники, в том числе официальные историографические труды.

¹⁶ Синьлэсянь — уезд, располагавшийся на территории совр. пров. Хэбэй. Чжуншаньфу — ныне уезд Динсянь пров. Хэбэй. Су Ши (蘇軾 Вэнь-чжун 文忠, 1037–1101) — великий китайский литератор, поэт, политик. Был назначен начальником Чжуншани в 1093 г. «Сун лао фу» (松醪賦 «Ода сосновому вину», полное название «Чжуншань сун лао фу» 中山松醪賦, «Ода сосновому вину из Чжуншани»), посвящена, как видно из названия, знаменитому вину, производившемуся в Чжуншани. Интересной, но малозначительной особенностью «Ши цзинь лу» является цитирование стихотворений известного южносунского поэта и государственного деятеля Фань Чэн-да (范成大 1126–1193). Будучи в 1170 г. также отправлен послом в Цзинь, Фань Чэн-да помимо путевого дневника «Лань пэй лу» (攬轡錄 «Записи с поводьями в руках») написал за десять месяцев путешествия 72 стихотворения по впечатлениям от увиденного; из них 70 содержат авторские пояснения-комментарии, следующие после названия (главным образом они касаются географических реалий, исторических персонажей и т. п., что способствует лучшему пониманию поэтического текста). Чэн Чжо, следовавший тем же маршрутом 40 лет спустя, был хорошо знаком с творчеством Фань Чэн-да и конкретно с его путевым дневником (видимо, в рамках подготовки к посольству); он активно использовал вышеупомянутые авторские комментарии. По наблюдениям профессора Аньхойского педагогического университета Ху Чжань-чжи (胡傳志 р. 1964), Чэн Чжо в «Ши цзинь лу» цитирует их или без указания источника, или не вполне точно (подвергая некоторой обработке), или исправляя допущенные Фань Чэн-да ошибки (в основном географического характера), или же заимствуя без изменений, допуская тем самым уже собственные ошибки (за сорок лет в Цзинь произошли значительные изменения, и сведения Фань Чэн-да далеко не во всем соответствовали действительности, частично устарев), или, наконец, допуская при заимствовании описки [подробнее см.: Ху Чжань-чжи, 2018].

¹⁵ Сянчжоу — древняя область, располагалась на территории совр. пров. Хэнань. Связка монет — единица денежного измерения в старом Китае и странах китайского влияния. Традиционные монеты имели квадратное отверстие в середине, через которое нанизывались на шелковый шнур, как правило, по тысяче штук, что и составляло одну связку.

Использованная литература

Алимов, 2021: Алимов И. А. Бюрократия в движении: китайские путевые дневники X–XIII веков (I) // *Mongolica*. Т. XXIV. № 3. СПб., 2021. С. 93–101.

Алимов, I. A. Biurokratiya v dvizhenii: kitayskiye putevie dnevniki X–XIII ss. (I) [Bureaucracy on the Move: Chinese Travel Diaries of X–XIII ss. (I)] // *Mongolica*. Vol. XXIV. N 3. St. Petersburg., 2021. P. 93–101.

Алимов, 2022: Алимов И. А. Бюрократия в движении: китайские путевые дневники X–XIII веков (II) // *Mongolica*. Т. XXV. № 1. СПб., 2022. С. 55–61.

Алимов, I. A. Biurokratiya v dvizhenii: kitayskiye putevie dnevniki X–XIII ss. (II) [Bureaucracy on the Move: Chinese Travel Diaries of X–XIII ss. (II)] // *Mongolica*. Vol. XXV. N 1. St. Petersburg, 2022. P. 55–61.

Ху Чжуань-чжи, 2018: Ху Чжань-чжи. Беяндэ чаоси — Нань Сун Чэн Чжо «Ши цзинь лу» чаолу Фань Чэн-да ши Цзинь ши цзычжу фафу (胡傳志。別樣的抄襲 — 南宋程卓《使金錄》抄錄范成大使金詩自注發覆 Плагиат иного рода — подоплека переписывания в «Записях о посольстве в Цзинь» южносунского Чэн Чжо автокомментариев к стихам Фань Чэн-да в бытность его послом в Цзинь) // Сучжоу кэцзи дасюэ сюэбао (Вестник Сучжоуского научно-технического университета). 2018. № 4. С. 35–38 (На китайском).

Hu Zhuang-zhi 胡傳志. Bieyangde chaoxi — Nan Song Cheng Zhuo «Shi jin lu» chaolu Fan Cheng-da shi Jin shi zizhu fafu 別樣的抄襲 — 南宋程卓《使金錄》抄錄范成大使金詩自注發覆 [Plagiarism of a different kind — the background of the copying in the «Records of the Embassy in Jin» by the Southern Sung Cheng Zhuo autocommentaries on the poems of Fan Cheng-da when he was ambassador to Jin] // *Suzhou keji daxue xuebao* 蘇州科技大學學報. 2018. № 4. P. 35–38 (In Chinese).

Чжао Юн-чунь, 2019: Чжао Юн-чунь, Чжу Хэ. Чэн Чжо «Ши цзинь лу» каолунь (趙永春, 祝賀。程卓《使金錄》考論 Исследование «Записей о посольстве в Цзинь» Чэнь Чжо) // Шисюэ цзикань (Сборник статей по истории). 2019. № 6. С. 53–62 (На китайском).

Zhao Yong-chun 趙永春, Zhu He 祝賀. Cheng Zhuo «Shi jin lu» kaolun 程卓《使金錄》考論 [Study of «Records of the Embassy in Jin» by Chen Zhuo] // *Shixue jikan* 史學季刊. 2019. N 6. P. 53–62 (In Chinese).

Чэн Чжо, 1995: Чэн Чжо. Ши цзинь лу (程卓。使金錄 Записи о посольстве в Цзинь) // Фэнши Ляо Цзинь синчэнлу (奉使遼金行程錄 Путевые записи посланников в Ляо и Цзинь). Цзилинь: Цзилинь вэньши чубаньшэ, 1995. С. 331–342 (На китайском).

Cheng Zhuo 程卓. Shi jin lu 使金錄 [Records of the Embassy in Jin] // *Fengshi Liao Jin xingchenglu* 奉使遼金行程錄. Jilin: Jilin wenshi chubanshe 吉林: 吉林文史出版社, 1995. P. 331–342 (In Chinese).

Чэн Чжо, 2013: Чэн Чжо. Ши цзинь лу (程卓。使金錄 Записи о посольстве в Цзинь) // Сундай жицзи цунбянь (宋代日記叢編 Собрание дневников эпохи Сун). Шанхай: Шанхай шудянь чубаньшэ, 2013. Т. 3. С. 1244–1257 (На китайском).

Cheng Zhuo 程卓. Shi jin lu 使金錄 [Records of the Embassy in Jin] // *Songdai riji congbian* 宋代日記叢編. Shanghai: Shanghai shudian chubanshe 上海: 上海書店出版社, 2013. Vol. 3. P. 1244–1257 (In Chinese).

Алимов, 2020: Alimov, Igor A. The mobility of Chinese Officials. I: *Lan pei lu* by Fan Cheng-da // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 19. N 2. P. 54–57 (In English).

Алимов, 2021: Alimov, Igor A. The mobility of Chinese Officials. II: *Lu Zhen* and *Cheng yao lu* // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 20. No 1. P. 33–35 (In English).

Алимов: Alimov, Igor A. The mobility of Chinese Officials. III: *Chen Xiang* and *Shi liao yu lu* // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 20. No 2. P. 52–55 (In English).

Franke, 1981: Franke H. A Sung Embassy of 1211–1212: The «Shih chin lu» of Chên Cho // *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*. Vol. 69. 1981. P. 71–207 (In English).

BUREAUCRACY ON THE MOVE: CHINESE TRAVEL DIARIES OF THE 10th–13th CENTURIES (III)

Igor A. ALIMOV

Peter The Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS

This article continues the theme of studying the travel diaries of Chinese officials of the 10th–13th centuries and talks about «Shi jin lu» — a diary that Cheng Zhuo kept as a member of the embassy mission to the state of Jin in 1211–1212. This is one of the four most significant diaries of its kind, which is a storehouse of various unique information about the Jurchen state, its customs and traditions, state and territorial structure, as well as the peculiarities of diplomatic etiquette between Song and Jin.

Key words: China in the 10th–13th centuries, the Song era, travel diaries, traditional Chinese officialdom, embassy, Jin Empire, Cheng Zhuo.

About author: **Igor A. ALIMOV**, Dr. Sci. (History), Head of East and South-East Asia Ethnography Department, Peter The Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (alimov@pvest.org). ORCID: 0000-0002-32358459.

Р. М. ВАЛЕЕВ
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Р. З. ВАЛЕЕВА
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

ВОСТОКОВЕД-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ И. Н. БЕРЕЗИН И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО МИРА: к 205-летию со дня рождения

Статья посвящена важным рубежам и периодам творческой биографии и наследия в области изучения тюрко-монгольского мира выпускника восточного разряда Казанского университета (1837 г.), тюрколога, ираниста и путешественника, просветителя профессора Казанского (1846–1855 гг.) и Петербургского университетов (с 1855 г.) И. Н. Березина (1818–1896). Он оставил заметный след в истории арабо-мусульманских и центральноазиатских исследований. Творчество И. Н. Березина — это воплощение одаренности, широты исследовательских интересов и научных открытий в сфере письменных и материальных памятников народов Востока. Лингвист, историк, публицист, популяризатор научных знаний о восточных народах, сформировавший классические основы науки о Востоке в России. Он продемонстрировал тип ученого-востоковеда, в котором сочетались научный и просветительский интерес к истории и культуре народов зарубежного и российского Востока и признания значимости восточных источников для истории российского государства и общества. Профессор И. Н. Березин — один из востоковедов-энциклопедистов и основоположников российского университетского востоковедения, в том числе тюркологии, иранистики и монголоведения XIX в., редактор и издатель «Русского энциклопедического словаря».

Ключевые слова: Восток, востоковедение, тюркология, И. Н. Березин, наследие.

Об авторах:

ВАЛЕЕВ Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры алтаистики и китаеведения, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия) (valeev200655@mail.ru). ORCID: 0000-0003-3462-6469.

ВАЛЕЕВА Роза Закариевна, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, заведующая кафедрой иностранных языков в профессиональной сфере, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (Казань, Россия) (valroz@inbox.ru). ORCID: 0000-0001-6347-0710.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 23-28-10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

© ИВР РАН, 2023

© Валеев Р. М., Валеева Р. З., 2023

Тюрколог, иранист, путешественник И. Н. Березин — один из основоположников университетского востоковедения, тюркологии и монголоведения в России известен в анналах истории российского и европейского востоковедения [Бартольд, 1977]. В связи со столетием со дня рождения профессора И. Н. Березина выдающийся тюрколог А. Н. Самойлович (1880–1938) в мае 1919 г. писал: «Разносторонне даровитый, предприимчивый, широко любознательный и образованный человек, мастер прозы и сти-

ха, рисовальщик, публицист и администратор, популяризатор знаний, профессор сначала Казанского, затем Петербургского университетов, вообще один из видных русских культурных деятелей, главным образом, середины XIX века...» [Самойлович, 1925. С. 162].

И. Н. Березин был воспитан на лучших педагогических, научных и просветительских традициях отечественного университетского востоковедения 30–40-х гг. XIX в. Он внес неопределимый вклад в развитие российской шко-

лы востоковедов, особенно тюркологии, иранистики и монголоведения второй половины XIX — начала XX вв. Научно-педагогическая и общественная деятельность И. Н. Березина органично связаны с Казанским и Санкт-Петербургским университетами. Трудно переоценить вклад в образование и науку о Востоке и тюрко-монгольском мире, который был внесен этим знаменитым ученым и просветителем. Академик В. В. Бартольд, говоря о вкладе и роли ученого, писал: «Заслуги того поколения ориенталистов, к которому принадлежит Березин, определяются не столько выполнением, сколько постановкой научных задач, и в этом отношении ученый, понявший, что на русских ориенталистах лежит обязанность разъяснения монгольского периода русской истории, и не только словом, но и делом доказавший сознание этой обязанности, издатель «Библиотеки восточных историков» и труда Рашид ад-дина, имеет полное право на благодарность потомства» [Бартольд, 1977. С. 756]. Педагогическая, научная и просветительская деятельность и наследие И. Н. Березина — значимый этап в развитии российского и мирового востоковедения XIX в.

И. Н. Березин родился 19 июля 1818 г. на Юго-Камском заводе Пермской губернии. Согласно автобиографической записки, «отец был чиновником на этом заводе, мать происходила из дворянского рода Парначевых, переселившихся из Малороссии» [Венгеров, 1891. С. 67]. Илья Березин получил начальное образование в уездном училище г. Екатеринбурга, среднее — в Пермской гимназии. Он получил традиционное общее образование. В 1834 г. поступил на словесное отделение в разряд восточной словесности Казанского университета. Его первыми учителями по восточным языкам стали востоковеды Ф. И. Эрдман (1793–1863) и А. К. Казем-Бек (1802–1870) [Биобиблиографический словарь..., С. 44]. В последствии И. Н. Березин как ученик и биограф Мирзы Казем-Бека отмечал о неистощимом запасе знаний своего учителя и его умении давать точный и верный ответ во время обучения. В июне 1837 г. Илья Березин окончил полный курс и был утвержден в звании студента-кандидата.

В 1838–1840 гг. И. Н. Березин продолжает дополнительный двухгодичный университетский курс «теоретического и практического изучения» восточных языков. В конце 1838 г. — в начале 1839 г. по итогам учебных испытаний, проведенных профессорами Ф. И. Эрдманом и А. К. Казем-Бек, словесные ответы кандидата И. Березина были найдены «весьма хорошими», а письменные «очень хорошими». Магистерская диссертация И. Березина была на тему «Что способствует развитию просвещения и что останавливает ход оно в державах Мухаммеданских?». 5 января 1841 г. он защитил диссертацию и 6 февраля 1841 г. был утвержден в степени магистра восточной словесности. Это событие стало символическим рубежом начала служения российскому университетскому востоковедению.

До отъезда в 1855 г. в Санкт-Петербург, в связи с закрытием разряда восточной словесности университета, жизнь и творчество И. Н. Березина будет органично вплетено в казанское университетское востоковедение середины XIX в.

Насыщенная педагогическая и научная атмосфера и личные качества воспитанника казанской школы востоковедов сыграли ключевую роль в формировании и развитии разносторонних интересов И. Н. Березина в областях тюркологии, иранистики, арабистики, монголоведения, истории и культуры народов Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии.

Лучшей традицией университетского востоковедения в Казани 20–40-х гг. XIX в. стали подготовка и организация научных путешествий в страны мусульманского Востока и Центральной Азии. Практические занятия воспитанников с носителями живых азиатских языков, непосредственное знакомство с историей, языками, культурой, бытом и нравами во время научных командировок и путешествий стали важными учебно-методическими принципами казанской школы востоковедов XIX — начала XX вв. Научные путешествия воспитанников разряда восточной словесности Казанского университета — О. Ковалевского и А. Попова в Центральную Азию (1828–1833 гг.)

[Биография и научное наследие востоковеда..., 2020], В. Васильева в Китай (1840–1850 гг.) [Академик-востоковед В. П. Васильев, 2021], И. Березина и В. Диттеля на Ближний и Средний Восток (1842–1845 гг.) являются замечательными и незабываемыми страницами истории российского востоковедения. Необычайно сильное природное стремление рано заставило Березина строить планы путешествия в чужие страны и искать для своих наблюдений широкое поле. В 1842–1845 гг. таким широким полем стали годы путешествия по Востоку. К этому путешествию Березин был подготовлен в течение 1837–1842 гг. при поддержке и помощи Лобачевского, Казем-Бека, Эрдмана, Ковалевского и др. Почти из трёх лет, отведённых для путешествия, два с половиной года Березин должен был провести за границей, путешествуя по нижеуказанным странам. Такая последовательность посещения стран Ближнего и Среднего Востока диктовалась необходимостью предварительного усовершенствования знаний по персидскому и арабскому языкам. Березину рекомендовалось посещать во всех странах, при удобных случаях лекции видных мюдerrисов в школах и академиях, знакомиться со студентами этих заведений, вступать с ними в беседы на научные темы (за исключением религии и политики), поскольку такие встречи со студентами и посещение лекций помогут лучшему освоению языка, познакомят с новыми методами преподавания и ведения занятий на Востоке. Так, в основном определялись обязанности Березина в соответствии или на основании плана, составленного Казем-Бекком. Кроме основного плана, Березин получил наказы, инструкции и наставления, направленные на успешное проведение путешествия на научной основе.

План научного путешествия включал широкий спектр научных интересов. В университетской инструкции для путешествующих по Ближнему Востоку И. Березина и В. Диттеля было особо подчеркнуто: «Как путешествие по Востоку представляет обширные виды приобретения для университета разных редких восточных рукописей и книг, то с этой целью будет отпусаться Вам ежегодно, обоим вместе, по

триста рублей. А дабы вы положительно знали, каких именно сочинений приобретение наиболее важно и желательно, то... (прилагаются. — Р. В.) а) печатный хронологический список ста восточных рукописей, составленный г. Академиком Френом; б) печатный... хронологический список некоторых Армянских историков и рукописных сочинений других литератур Грузинского и Кавказского краев; с) рукописный дополнительный список, составленный гг. профессорами Эрдманом и Казембеком»¹.

Путевые заметки Березина свидетельствуют о его внимательности, наблюдательности как учёного и человека.

Научное путешествие на мусульманский Восток (Кавказ, Ирак, Персия, Сирия, Палестина, Египет, Турция и Крым) стало важным и определяющим этапом в творческой биографии и наследии И. Н. Березина [История отечественного востоковедения..., 1997. С. 78–81]. Это трехлетнее путешествие по Ближнему и Среднему Востоку сформировало базу и направления его научной подготовки и широких научно-исследовательских интересов в казанский (1846–1855) и санкт-петербургский периоды (1855–1896) гг. научно-педагогической и просветительской работы. Во время путешествия по основным центрам Персии, Ирака, Сирии, Палестины, Египта и Турции И. Н. Березин хорошо изучил персидский, арабский и турецкий языки и непосредственно ознакомился с разнообразной географией, топографией, этнографией, историей и культурой народов мусульманской цивилизации. В 1851 г. один из современников ученого, оценивая итоги путешествия, писал: «...он добыл богатые, частью совсем новые материалы об истории и географии Востока, снял копии многих древних надписей, до 40 планов и 300 рисунков и собрал много сведений о нравах, обычаях и поверьях жителей Востока. Можно ожидать, что описание этого путешествия из России в чужие края скоро появится в свет» [Свенске, 1851. С. 116–117]. В 1850–1852 гг. им были изданы два тома «Путешествия по Востоку»,

¹ Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 388. Л. 3.

которые стали оригинальным литературным и научно-популярным описанием Дагестана, Закавказья и Северной Персии [Березин, 1850; 1852]. Кроме того, в 40–50-х гг. XIX в. И. Н. Березин опубликовал в отечественных журналах («Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Русский вестник» и др.) разнообразные путевые очерки, посвященные языкам, истории, обычаям, нравам, археологии и памятникам народов мусульманского Востока.

Научная командировка в 1842–1845 гг. в страны и регионы мусульманского Востока — Кавказа, Ирака, Ирана, Сирии, Палестины, Египта и Турции воспитанников разряда восточной словесности И. Березина (1818–1896) и В. Диттеля (1816–1848) освещена в отечественной историографии [Шофман; Шамов, 1956]. Научные путешествия университетских востоковедов первой половины — середины XIX в. — это не продолжение традиционных «хождений» на мусульманский Восток и Центральную Азию, характерных для российского и европейского обществ XVI–XVIII вв. На первом плане для путешественников было уже не увлечение экзотичностью и романтикой истории и культуры мусульманских и центральноазиатских народов, а социокультурные потребности научного исследования исламской цивилизации и культур народов. В 1841 г. «план ученого путешествия по Востоку магистра Диттеля и Березина» был подготовлен А. К. Казем-Беком по поручению попечителя учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина (1795–1862).

В Санкт-Петербургский период уже профессор И. Н. Березин в январе 1889 г. составил «Инструкцию кандидату Катанову» в связи с его научным путешествием в Центральную Азию. В этой инструкции И. Н. Березин отмечал: «Прежде всего следует обратить внимание на уйгурское наречие»; «не мало внимания должно быть обращено на народную литературу-сказания, песни, пословицы и пр.»; «мусульманское мирозерцание едва ли успело развиться у восточных турок, но тем не менее следует отличать верования и предания языческие от новых мусульманских»; «при изучении

языка следует обращать особенное внимание на фонетику»; «наш ориенталист при посещении малоизвестных стран может обратить внимание на торговые пути и предметы торговли» и др. [Наследие российской тюркологии XIX в. С. 731–732].

В университетскую аудиторию И. Н. Березиным были привнесены география, история и культура народов мусульманского Востока и центральноазиатского пространства, основанные на личных наблюдениях и впечатлениях.

Путешественник Березин привез разнообразные материалы по географии и истории народов мусульманского Востока и взаимосвязи культур тюрко-монгольского мира, снял копии множества древних надписей, составил аннотированные каталоги разных источников и литератур для университета. В 1843–1847 гг. библиотека университета пополнилась новыми оригинальными рукописями и книгами по филологии, истории, географии и исламу, приобретенными Березиным и Диттелем во время их научного путешествия.

Успешно выполнив поставленные перед ним задачи, Березин в 1845 г. возвращается в Петербург и Казань. И. Н. Березин представляет отчеты и выдерживает экзамен на право занятия кафедры турецко-татарского языка. В апреле 1846 г. Березин занял кафедру в Казанском университете, где в этом качестве проработал до 1855 г., перевода разряда восточной словесности и создания восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

В наследии профессора И. Н. Березина, посвященном истории и культуре Востока, можно увидеть сочетание различных эстетических тенденций — классицизма, просветительства, романтизма и реализма. В 1850 г. в известном «Путешествии по Востоку» он писал: «Я отправляюсь в далекий и трудный путь на Восток, в отчизну единой и вечной истины и нелепых религиозных заблуждений, практических нравоучений Саади и восторженной мечтательности Хафиза, в страну усладительного шербета и умственного усыпления, вечно благоухающих роз и быстро увядающей красоты, самых замысловатых комплиментов и самой затейливой брани, неведомых наслаждений и

нежданных кинжальных ударов, в страну, где, может быть, судьба кинет мне в руки всеильную печать Соломона, которой беспрекословно повинуются все духи, и я возвращусь в родную землю на крыльях баснословного Симурга, облеченный таинственной властью над невидимыми силами природы!» [Березин, 1850. С. 2]. В его работах и статьях современник находил реальную и подлинную жизнь и культуру народов мусульманского и тюрко-монгольского Востока.

Педагогическая, научная и просветительская деятельность И. Н. Березина в Казани и Санкт-Петербурге органично связана с развитием дисциплин ориенталистики — тюркологии, иранистики, арабистики, исламоведения и монголоведения.

В конце 1846 г. — начале 1847 г. экстраординарный профессор И. Н. Березин был командирован в Москву для работы в архиве Министерства иностранных дел с целью обзора восточных фондов. Он обследовал материалы Ф. И. Миллера (1705–1783), И. Э. Фишера (1697–1771), Г. Я. Кера (1692–1740) «о скифах и татарах на латинском языке и немецком». По замечанию И. Н. Березина, «некоторые из сих сочинений, неизвестных ученому свету и остались неоконченными или неотделанными, хотя и заслуживают внимания по обширности источников, которыми, при составлении их, пользовались авторы» [Государственный архив Республики Татарстан 977. Оп. ИФФ. Д. 388. Л. 36]. Казанским востоковедом были рассмотрены «собрания монгольских и тибетских рукописей» и 40 арабских, персидских и тюркских рукописей. Также И. Н. Березин рассмотрел мусульманские монеты, присланные в архив из Рязанской губернии и обследовал «у князя Оболенского турецкую историю без конца с родословными таблицами, и цикл тюркский с каталогами, маньчжурскими, монгольскими и русскими названиями животных» и т.д. [Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 388. Л. 56–56 об]. В период работы в Санкт-Петербургском университете в 1858 г. и 1868 г. И. Н. Березин был в научной командировке в Париже и Лондоне с целью изучения «манускриптов сочинения везира Ра-

шид-Эддина История монголов» и мусульманских рукописей.

Наследие И. Н. Березина группируется по следующим основным направлениям: подготовка и издание учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий; комплектация фонда восточных рукописей и книг; сбор, изучение и публикация письменных памятников и источников арабо-мусульманской культуры; переводы арабо-персидских и тюркских авторов; оригинальные филологические, исторические, культурологические, естественно-географические, археологические и этнографические публикации. Эти учебно-методические и научные направления деятельности И. Н. Березина прослеживаются на протяжении 50-летней работы в ведущих отечественных университетских центрах востоковедения. Он стал ведущим лингвистом, литературоведом, историком, этнографом и исламоведом в России.

В 1846–1896 гг. И. Н. Березин читал основные курсы турецко-татарского языка, «джагатайско-тюркской литературы», истории тюрков в Казанском и Санкт-Петербургском университетах. За педагогические и научные заслуги приказом министра народного просвещения А. С. Норова И. Н. Березин в сентябре 1854 г. был утвержден исполняющим должность ординарного профессора кафедры турецко-татарской словесности Казанского университета и 19 марта 1871 г. — в звании заслуженный профессор Санкт-Петербургского университета. В 1862 г. И. Н. Березин защитил докторскую диссертацию на тему «Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева». В 1870–1873 гг. — он декан факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. По инициативе И. Н. Березина факультет расширял преподавание восточных языков, и в декабре 1872 г. новый курс мусульманского законоведения был включен в число обязательных предметов для студентов арабско-персидско-турецко-татарского разряда факультета восточных языков университета в Санкт-Петербурге [История отечественного востоковедения, 1997. С. 14]. На турецко-татарской кафедре Санкт-Петербургского университета он работал вместе с известными российскими востоковедами-тюр-

кологами — А. О. Мухлинский (1808–1877), Л. З. Будагов (1812–1878), Х. Феизханов (1826–1866), М. Османов (1840–1904), В. Д. Смирнов (1846–1922), А. Шевкет (1854–1898), П. М. Меллиоранский (1868–1906).

Научный вклад И. Н. Березина был отмечен избранием в известные отечественные и зарубежные научные общества XIX в.

Он состоял членом-корреспондентом и действительным членом Русского географического общества (1847), Общества любителей отечественной словесности (1847), Нумизматического общества в России (1848), Русского археологического общества в Петербурге (1848, с 1889 г. — действительный член), Азиатского общества в Париже (1849) и Лейпциге (1849), общества истории и древностей в Одессе (1852). В 1878 г. ординарный профессор И. Н. Березин был командирован во Флоренцию делегатом IV Международного конгресса ориенталистов.

Научно-организаторский талант востоковеда проявился также в административных и общественных должностях, которые он занимал не только в университетах. В 1849–1855 гг. И. Н. Березин заведовал минц-кабинетом в Казанском университете, в 1850–1855 гг. — был цензором для восточных книг, в 1852–1853 гг. — редактором неофициальной части «Казанских губернских ведомостей», в 1861–1863 гг. — редактором восточного отдела «Энциклопедического словаря», в 1863 г. — членом комитета для составления нового университетского устава и в 1870–1873 гг. деканом восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

В 1846–1890-х гг. профессор И. Н. Березин написал и издал серию известных учебников и хрестоматий. Эти учебные пособия были востребованы практикой преподавания персидского и турецко-татарского языков в университетах [Березин; 1846; 1853; 1862; 1876; 1890]. Лингвистические работы профессора И. Н. Березина свидетельствуют о важном вкладе в изучение персидского и тюркских языков в России и Европе в XIX в.

Его научный и педагогический вклад связан с формированием и развитием традиционных направлений востоковедения в России XIX —

начала XX вв. — описанием грамматического строя персидского и тюркского языков, изучением известных памятников средневековой письменной культуры тюркоязычных и монголоязычных народов, исследованием золотоордынских ханских жалованных актов-ярлыков, описанием тюркских рукописей в отечественных архивных и библиотечных фондах, классификацией тюркских языков и изучением тюркизмов в русском языке.

Неоценимый вклад И. Н. Березин внес в отечественную культуру как переводчик и издатель известных восточных письменных памятников. В 1849–1854 гг. в Казани он издавал «Библиотеку восточных историков», куда вошли уникальные литературные и исторические тексты (Шейбани-намэ, Джами ат-таварих, Родословное древо тюрков), посвященные истории и культуре средневековых тюркских и монгольских народов и государств.

Продолжая начатую источниковедческую работу над сочинением «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») персидского историка и государственного деятеля в государстве Хулагуидов Рашид ад-Дина (1247–1318), в 1858–1888 гг. профессор И. Н. Березин публикует перевод и текст, посвященный описанию «турецких и монгольских племен» и «истории Чингиз-хана до вошествия его на престол» [Рашид ад-Дин, 1858; 1861]. Эти фундаментальные труды И. Н. Березина «представляли шаг вперед в науке» (академик В. В. Бартольд). Все последующие поколения востоковедов успешно пользовались наследием И. Березина. Начиная издавать «Библиотеку восточных историков», И. Н. Березин писал: «...я нисколько не опасаясь за ее будущность: если издание будет найдено достойным внимания ориенталистов, то оно будет употреблено ими в дело при первой ученой надобности; занимающимся же русскою историей в нашем Отечестве издание мое будет доступно... Притом же, тюркские тексты могут служить хрестоматией для занимающихся изучением тюркских диалектов» [Библиотека восточных историков, 1849. С. XII]. В круг русских источников и литератур им были включены оригинальные восточные письменные памятники.

Наследие ираниста, тюрколога, монголоведа, историка и филолога И. Н. Березина в исследовании и издании восточных текстов имеет огромное историко-научное и историко-культурное значение. Востоковед, прежде всего, следует принципам объективности и реалистичности в освещении природы и быта, образа жизни и характера, истории и культуры народов Востока. Исследовательская и просветительская деятельность И. Н. Березина привлекла внимание современников и получила признания у российской общественности. Впервые в истории отечественного востоковедения он наиболее полно осветил значимость мусульманских письменных источников для изучения истории и культуры народов России. Своими трудами И. Н. Березин продемонстрировал необходимость перевода исторических источников для изучения истории и культуры народов Российского государства.

В 70–80 гг. XIX в. литературное и энциклопедическое мастерство И. Н. Березина особенно проявилось в издании «Русского энциклопедического словаря» и неоконченного 8-томного «Нового энциклопедического словаря» [Русский энциклопедический словарь, 1873–1879]. Начиная работу над одним из первых в России универсальных справочных трудов, издатель и главный редактор И. Н. Березин писал: «Направление «Р[усского] Э[нциклопедического] Словаря» будет строго научное. «Э[нциклопедический] Словарь» не есть журнал, он не может и не смеет пускаться в ход положений, еще непризнанных наукою; он не будет также проходить в молчании и заблуждении ума человеческого. По содержанию своему «Р. Э. Словарь» будет составлять необходимую книгу для всякого человека, считающего себя образованным, он должен удовлетворить и специалистов, только не в отрасли их специальности» [Русский энциклопедический словарь, 1873. С. 11]. Позиция гражданина и ученого-востоковеда особенно выразилась в разнообразных материалах и знаниях о Востоке, вошедших в энциклопедический словарь. По замыслу

И. Н. Березина материалы об азиатских странах «будут тщательно обработаны русскими ориенталистами, которые, бесспорно, составляют лучших сотрудников в Европе для подобного издания». И. Н. Березин — автор разнообразных статей энциклопедии, посвященных мусульманскому и тюрко-монгольскому миру. История энциклопедического дела в России XIX в. немыслима без столь авторитетного и ценного издания как «Русский энциклопедический словарь».

Скончался И. Н. Березин 22 марта 1896 г. Казанская газета «Волжский Вестник» в некрологе о смерти профессора Санкт-Петербургского университета писала: «В последние годы жизни в нем опять проснулся интерес к Востоку, и он приступил к разработке оставшихся у него материалов. Он мечтал издать сборник Тюркской антологии и довел до половины издание сравнительного словаря турецких и монгольских наречий» [Волжский вестник, 1896].

На современном этапе актуальным остается оценка акад. А. Н. Самойловича, которая прозвучала на заседании восточного отделения Русского археологического общества (7 мая 1919 г.): «Сегодняшнее чествование столетия годовщины рождения профессора Ильи Николаевича Березина, являясь необходимым исполнением нашего культурного долга, дает кроме того повод подвинут вперед начатое, но далеко не законченное дело оценки научного вклада Березина и определения его места в истории востоковедения, в частности — тюркологии» [Самойлович, 1925. С. 11], а также в истории изучения тюрко-монгольского мира в России и Европе.

Захоронен И. Н. Березин на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга. Стоит, видимо, обратить внимание и на тот важный факт, что труды ученого для его современников, работавших в области востоковедения и не только, явились долгожданными и очень необходимыми первоисточниками. Труды и научно-педагогическая деятельность И. Н. Березина до сих пор остаются в центре внимания исследователей.

Архивы

Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 388.

Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Д. 2450. Об ученом путешествии маги-

стров Березина И. Н., Диттеля В. Ф. по Европейской Турции, Малой Азии, Персии, Сирии, и Египту. (1841 г.). 128 лл.

Использованная литература

Академик-востоковед В. П. Васильев, 2021: Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань–Пекин–Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р. М. Валеев, Х. Валравенс, В. Г. Дацышен, О. П. Еланцева, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Лю Лицю, Д. Е. Мартынов, Д. И. Маяцкий, Т. А. Пан, В. Л. Успенский; сост. Т. А. Пан; отв. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань, 2021.

Akademik-vostokoved V. P. Vasil'ev: Kazan'–Pekin–Sankt-Peterburg (ocherki i materialy) [Academician-orientalist V. P. Vasilyev: Kazan–Beijing–Saint Petersburg (Essays and materials)] / R. M. Valeev, X. Walravens, V. G. Datsyshen, O. P. Elantseva, V. Yu. Zhukov, I. V. Kul'ganek, Lyu Litsu, D. E. Martynov, D. I. Mayaczkii, T. A. Pang, V. L. Uspenskiy; sost. T. A. Pang; Ed. by R. M. Valeev and I. V. Kul'ganek. St. Petersburg; Kazan', 2021.

Бартольд, 1877: *Бартольд В. В.* И. Н. Березин как историк // Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М.: Наука, 1977.

Bartold V. V. I. N. Berezin kak istorik [I. N. Berezin as a Historian] // Bartold V. V. Sochineniia. T. IX. Raboty po istorii vostokovedeniia [Barthold W. Works. Vol. 9. Works on the History of Oriental Studies]. Moscow: Nauka, 1977.

Березин, 1852: *Березин И. Н.* Путешествия по Востоку. Т. 1. Ч. 1–2. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850; Путешествие по Северной Персии. Т. 2. Казань, 1852.

Berezin I. N. Puteshestviya po Vostoku. Vol. 1. Pt. 1–2. Puteshestvie po Dagestanu i Zakavkazyu [Journeys in the East. Vol. 1. Pt. 1–2. A Journey through Dagestan and Transcaucasia]. Kazan, 1850; Puteshestvie po Severnoi Persii [A Journey through Northern Persia]. T. 2. Kazan, 1852.

Березин, 1846: *Березин И. Н.* Дополнение к тюркской грамматике. СПб., 1846.

Berezin I. N. Dopolnenie k tyurkskoi grammatike [Addition to the Turkic Grammar]. St. Petersburg, 1846.

Березин, 1853: *Березин И. Н.* Грамматика персидского языка, составленная И. Березиным, проф. Казанского ун-та. Казань, 1853.

Berezin I. N. Grammatika persidskogo yazyka, sostavlenneya I. Berezinyim, prof. Kazanskogo un-ta [Grammar of the Persian Language, Compiled by I. Berezin, Professor of Kazan University]. Kazan, 1853.

Березин, 1862: *Березин И. Н.* Турецкая хрестоматия. Т. 1. Казань, 1857; Т. 2. Вып. 1. Казань, 1862; Т. 3. Казань, 1876; Т. 2. Вып. 2. СПб., 1890.

Berezin I. N. Tureczkaya hrestomatiia [Turkish Anthology]. Vol. 1. Kazan, 1857; Vol. 2. Is. 1. Kazan, 1862; Vol. 3. Kazan, 1876; Vol. 2. Is. 2. St. Petersburg, 1890.

Библиотека, 1849: Библиотека восточных историков. Шейбаниада. История монголо-тюрков на джатайском диалекте, с пер., прим. и прилож. изданная И. Березиным, проф. КУ. Т. 1. Казань, 1849.

Biblioteka vostochnykh istorikov. Sheibaniada. Istoria mongolo-tyurkov na dzhagataiskom dialekte, s per., prim. i prilozh. izdannaya I. Berezinyim, prof. KU [Library of Oriental Historians. Sheibaniada. The History of the Mongol-Turks written in the Jagatai Dialect, with Translation, Notes and Appendices Published by I. Berezin, Professor of Kazan University]. Vol. 1. Kazan, 1849.

Библиографический словарь, 1989: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дookтябрьский период. М.: Наука, 1989.

Biobibliograficheskiy slovar' otechestvennykh tiurkologov. Dooktyabrskii period [Biobibliographical Dictionary of Russian Turkologists. Pre-October Period]. Moscow: Nauka, 1989.

Биография и научное наследие, 2020: Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань: Петербургское Востоковедение, 2020.

Biografia i nauchnoe nasledie vostokoveda O. M. Kovalevskogo (po materialam arkhivov i rukopisnykh fondov) [Biography and Academic Legacy of Orientalist Józef Kowalewski (based on materials from archives and manuscript collections)] / R. M. Valeev, V. Yu. Zhukov, I. V. Kul'ganek, D. E. Martynov,

O. N. Polyanskaya; Ed. by R. M. Valeev and I. V. Kul'gane k. St. Petersburg; Kazan: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2020.

Венгеров, 1891: *Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых*. Т. 3. Вып. 22–30. СПб., 1891.

Vengerov S. A. Kritiko-biograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh [Critical and Biographical Dictionary of Russian Writers and Scientists]. Vol. 3. Is. 22–30. St. Petersburg, 1891.

Волжский вестник, 1896: Волжский вестник. 1896. № 79. 30 марта (11 апреля).

Volzhskii vestnik [Volga Herald]. 1896. No. 79. March 30 (April 11).

История, 1997: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Наука, 1997.

Istoriya otechestvennogo vostokovedeniia s serediny XIX veka do 1917 goda [The History of Russian Oriental Studies from the Middle of the 19th century to 1917]. Moscow: Nauka, 1997.

Наследие, 2017: Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оною Н. Ф. Катановым» / отв. и науч. ред.: Р. М. Валеев, В. Н. Тугужекова, Д. Е. Мартынов. Введение Р. М. Валеева, Д. Е. Мартынова, Ю. А. Мартыновой и В. Н. Тугужековой. Подготовка к изданию, составление, комментарии, указатели Д. А. Данькиной, Р. М. Валеева, Р. З. Валеевой, Д. Е. Мартынова, Ю. А. Мартыновой, Ф. Г. Миниханова, М. С. Минеевой, В. Н. Тугужековой. Вступ. статьи А. М. Сибатагуллина, И. Г. Смолиной, И. Р. Гафурова. Казань: Артифакт, 2017.

Nasledie rossijskoi tiurkologii XIX v.: "Puteshestvie po Sibiri, Dzhungarii i Vostochnomu Turkestanu". Dnevnik puteshestviya, sovershennogo po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva v 1890 g. chlenom-sotrudnikom onogo N. F. Katanovym [The Legacy of Russian Turkology of the 19th century: "A Journey through Siberia, Dzungaria and East Turkestan". Diary of the Journey Made on Behalf of the Imperial Russian Geographical Society in 1890 by its Member-Employee N. F. Katanov]. Ed by: R. M. Valeev, V. N. Tuguzhekova, D. E. Martynov. Vvedenie R. M. Valeeva, D. E. Martynova, Yu. A. Martynovoi i V. N. Tuguzhekovo. Compiled and prepared for publication, with commentary and indexes by D. A. Dan'kina, R. M. Valeev, R. Z. Valeeva, D. E. Martynov, Yu. A. Martynova, F. G. Minikhanov,

M. S. Mineeva, V. N. Tuguzhekova. Introduction articles by A. M. Sibagatullin, I. G. Smolina, I. R. Gafurov. Kazan: Artifakt, 2017.

Рашид ад-Дин, 1861: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-Эддина. Введение/ Пер. с перс. И. Н. Березина. СПб., 1858; Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-Эддина. Введение: о турецких и монгольских племенах. Персидский текст с предисловием и примечаниями И. Н. Березина // Труды Восточного отделения русского археологического общества. Ч. VII. СПб., 1861.

Rashid ad-Din. Sbornik letopisei. Istoriia mongolov. Sochinenie Rashid-Eddina. Vvedenie [Rashid al-Din. Collection of Chronicles. The History of the Mongols. The Work of Rashid al-Din. Introduction]. Translated from Persian by I. N. Berezin. St. Petersburg, 1858; Sbornik letopisei. Istoriya mongolov, Sochinenie Rashid-Eddina. Vvedenie: o turetskikh i mongol'skikh plemenakh [Collection of Chronicles. The History of the Mongols. The Work of Rashid al-Din]. Persian text with foreword and notes by I. N. Berezin // Trudy Vostochnogo otdeleniia Russkogo arkhelogicheskogo obshchestva [Proceedings of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society]. Pt. VII. St. Petersburg, 1861.

Русский, 1873–1879: Русский энциклопедический словарь, издаваемый проф. СПб. Университета И. Н. Березиным. СПб., 1873–1879.

Russkii entsiklopedicheskii slovar', izdavaemyi prof. SPb. Universiteta I. N. Berezinyim [Russian Encyclopedic Dictionary, Published by Professor of St. Petersburg University I. N. Berezin]. St. Petersburg, 1873–1879.

Самойлович, 1925: *Самойлович А. И. Н. Березин, как тюрколог (1818–1918)* // Записки коллегии востоковедов. Т. 1. Л., 1925. С. 161–172.

Samoilovich A. I. N. Berezin, kak tiurkolog (1818–1919) [I. N. Berezin, as a Turkologist (1818–1919)] // Zapiski kollegii vostokovedov [Notes of the Collegium of Orientalists]. Vol. 1. Leningrad, 1925. S. 161–172.

Свенске, 1851: *Свенске К. Обзорение главнейших путешествий и географических открытий в десятилетие с 1838 по 1848 год* // Вестник императорского русского географического общества на 1851 г. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 3. СПб., 1851.

Svenske K. Obozrenie glavneishikh puteshestvii i geograficheskikh otkrytii v desiatiletie s 1838 po 1848 god [Review of the Most Important Journeys and Geographical Discoveries in the Decade from 1838 to 1848] // Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva na 1851 g. [Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society of 1851]. Pt. 1. Book 1. Dep. 3. St. Petersburg, 1851.

Шофман, Шамов, 1956: Шофман А. С., Шамов Г. Ф. Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956. С. 418–448.

Shofman A. S., Shamov G. F. Vostochnyi razriad Kazanskogo universiteta (kratkii ocherk) [Eastern Department of Kazan University (Short Essay)] // Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniia [Essays on the History of Russian Oriental Studies]. Collection of papers 2. Moscow, 1956. P. 418–448.

ORIENTALIST-ENCYCLOPEDIST I. N. BEREZIN AND HIS CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE TURKIC-MONGOLIAN WORLD. In commemoration of the 205th anniversary of his birth

Ramil M. VALEEV

Kazan (Volga Region) Federal University

Rosa Z. VALEEVA

Kazan Innovative University (IEML)

The article is devoted to the important milestones and periods of the creative biography and legacy in Turkic-Mongolian studies by I. N. Berezin (1818–1896), a graduate of the Oriental department (*Vostochny razriad*) of Kazan University (1837), a Turkologist, Iranist and traveler, educator, and professor of Kazan (1846–1855) and St. Petersburg Universities (since 1855). He left a noticeable mark in the history of Arab-Muslim and Central Asian studies. The legacy of I. N. Berezin is the embodiment of giftedness, breadth of research interests and scientific discoveries in the field of written and material heritage of the peoples of the East. A linguist, historian, publicist, popularizer of scientific knowledge about the Eastern peoples, he was the one who formed the classical foundations of Oriental studies in Russia. He represented the type of orientalist who combined scientific and educational interests and respect for the history and culture of the peoples of the foreign and Russian East, as well as recognition of the importance of Oriental sources for the study of the history of the Russian state and society. Professor I. N. Berezin was one of the orientalists of encyclopedic knowledge and one of the founders of Russian university Oriental studies, including Turkology, Iranian and Mongolian studies in the 19th century, as well as an editor and publisher of the “Russian Encyclopedic Dictionary”.

Key words: East, Oriental studies, Turkologist, I. N. Berezin, scientific legacy.

About the authors:

Ramil M. VALEEV, Dr. Sci. (History), Professor, Department of Altaic and Chinese Studies, Institute of International Relations of Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, Russian Federation) (valeev200655@mail.ru). ORCID: 0000-0003-3462-6469.

Rosa Z. VALEEVA, Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Dean, Faculty of Linguistics and International Communication, Kazan Innovative University (IEML) (Kazan, Russian Federation) (valroz@inbox.ru). ORCID: 0000-0001-6347-0710.

Acknowledgements. The study was carried out with the support of Russian Scientific Foundation (project No. 23-28-10046) and in accordance with the Program of Strategic Academic Leadership of Kazan (Volga Region) Federal University.

С. В. КРАСНИЕНКО
Институт истории материальной культуры РАН

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ У СЕВЕРНЫХ ОКРАИН КУЗНЕЦКОГО АЛАТАУ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ)

Статья посвящена немногочисленным, но очень важным находкам артефактов раннего средневековья Южной Сибири. Находки были сделаны на севере Минусинской котловины, в части называемой Назаровская котловина. Это северная граница расселения тюркских племен в долине Енисея и прилегающих территориях. Находки представлены изделиями из железа (наконечники стрел, топор-тесло, кинжал, удила, ременные пряжки др.), а также фрагментами орнаментированной керамики эпохи Уйгурского каганата. Находки представляют собой сборы на территориях древних поселений, а также случайно найденные предметы. Кроме того, на данной территории известны несколько укрепленных сооружений. По аналогиям, известным на сопредельных территориях — Алтай, юг Минусинской котловины, Тува, комплекс находок датируется 2-й половиной I тыс. н. э.

Ключевые слова: Минусинская котловина, ранние тюрки, предметы вооружения, кыргызы, карлуки, кыштымы.

Об авторе: КРАСНИЕНКО Сергей Владимирович, научный сотрудник, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия) (krasnienkos@mail.ru). ORCID: 0000-0001-8912-1092.

© ИВР РАН, 2023

© Красниенко С. В., 2023

Корпус археологических сведений о средневековых народах Южной Сибири начал формироваться практически вместе со становлением науки России. Уже первые академические экспедиции XVIII в. (Д. Г. Мессершмидт¹, П. С. Паллас) проявили интерес к многочисленным погребальным памятникам, являвшимся неотъемлемой частью степных ландшафтов, наскальным изображениям, к найденным в результате грабительских раскопок и найденным случайно древним артефактам. При этом изделия из железа, первые из которых относятся к рубежу — первым векам нашей эры, еще не считались представляющими интерес, прежде всего, в силу плохой сохранности этих предметов. На протяжении XIX — начала XX вв. шел процесс в первую очередь экстенсивного накопления сведений. В этот же период проведены первые в современном понимании

полевые археологические исследования. Во второй половине XIX в. постепенно сформировалось понимание хронологических особенностей различных памятников археологии. Изучению раннесредневековых древностей весьма способствовало открытие и дешифровка эпиграфических памятников древнетюркской (орхоно-енисейской) письменности. Памятники ее стали известны еще со времени экспедиции Д. Г. Мессершмидта, благодаря ему и Ф. Страленбергу. В последующем накопление данных продолжалось, что позволило, в частности, опубликовать в Финляндии атлас этих памятников (1889). В том же году Н. М. Ядринцевым была открыта двуязычная стела, что послужило толчком к дешифровке рунической орхоно-енисейской письменности вначале попыткой В. В. Радлова², затем

¹ Экспедицию Д. Г. Мессершмидта можно назвать «доакадемической», т. е. организованной и начавшей работу до учреждения Академии наук.

² К этому же году относится упоминание Д. А. Клеменцем попытки дешифровки «монгольской Абаканской писаницы» священником отцом А. Орловым из Иркутска [Д. А. Клеменц. Отчет Императорской археологической комиссии за 1889 г. НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1888. Д. 23. Л. 23].

Вильгельмом Томсеном (25.11.1893). Вслед за Орхонской экспедицией В. В. Радлова (1891) последовали публикации (с переводами) в 1894 г. — орхонских и в 1895 г. — 40 енисейских надписей. При этом В. В. Радловым и при его участии были произведены многочисленные раскопки, в том числе и памятников тюркского времени.

Здесь надо отметить одну особенность комплексного изучения этой эпохи. Если открытие памятников скифского времени побудило исследователей усиленно заняться поиском письменных свидетельств об этой эпохе, то в случае археологических памятников раннего средневековья Южной Сибири их поиски и исследование последовало за ознакомлением с письменными свидетельствами о эпохе Великого переселения, введенными в научный оборот во 2-й половине XIX в. (Ж. Дегинь, Н. Я. Бичурин, С. Жульен и др.). В. В. Радловым с 1860-х годов предпринимались попытки связать различные археологические объекты — предметы вооружения, наскальные изображения (Сулекская писаница) — с ранним средневековьем [Радлов, 1888–1902].

Значительным событием в этом смысле стало основание Н. М. Мартыановым Минусинского музея (1877). Собранные в музее коллекции дали толчок систематическим полевым исследованиям А. В. Адрианова (с 1881 г.), Д. А. Клеменца (с 1883 г.), И. П. Кузнецова (с 1884 г.). Они же продолжили работу по сопоставлению археологических данных и сведений из письменных источников.

В 1887–1889 гг. на юге Сибири (и в долине Енисея) работала финская экспедиция И. Р. Аспелина, с участием Я. Аппельгрена-Кивало и А. О. Гейкеля [Appelgren-Kivalo, 1931]. Несмотря на ошибочность поставленной цели — поиск прародины финно-угров — экспедиция внесла значительный вклад в археологическое изучение Южной Сибири.

Продолженные в конце XIX — начале XX в. археологические работы (С. К. Кузнецов, А. М. Тальгрэн и др.) завершили сформированное в дореволюционное время собрание различных сведений о истории, лингвистике, материальной культуре раннесредневекового населения Южной Сибири.

Отчасти подводя итоги этого периода и на основе собственных работ С. А. Теплоухов обобщил имевшиеся данные в виде хронологии культур начиная с раннего бронзового века. Эта периодизация включала и эпоху VII–X вв. («киргизы») [Теплоухов, 1929. С. 57–58].

В 1920-е годы работы на Енисее проводили Г. П. Сосновский, В. Г. Карцов, исследовавшие также и раннесредневековые памятники.

В 1926 и 1929 гг. вышли 2 работы учеников С. А. Теплоухова М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера [Грязнов, Шнейдер, 1926; Грязнов, Шнейдер, 1929], посвященные минусинским каменным изваяниям, как мы теперь называем «окуневским стелам» (XVIII–XIII вв. до н. э.), которая была выделена только в 1960-е годы. Авторы, тем не менее, справедливо разделили время сооружения стел и значительно более поздние сделанные на 3-х из них надписи. С конца 1920-х годов раскопками памятников — (погребальных сооружений (чаатасов) — занимались М. М. Герасимов (1936 г.), С. В. Киселёв, Л. А. Евтюхова, В. П. Левашёва (до 1950-х гг.). Исследования МГУ с начала 1950-х годов были продолжены Л. Р. Кызласовым (вначале в Туве, затем в Хакасии) [Кызласов, 1981]. В эти же годы — 1950–1960-е — в Минусинской котловине работал А. Н. Липский.

Начиная с 1950-х годов происходит переиздание известных и издание ранее не издававшихся источников, содержащих сведения о времени раннего средневековья Южной Сибири. На основе новых данных — данных письменных источников, изобразительных материалов, материалов раскопок — формируется более детальное о этом периоде истории Южной Сибири.

Анализу комплекса источников посвящены работы Н. В. Кюнера, Г. П. Супруненко, А. Г. Малавкина. В основе работ А. П. Окладникова, Л. П. Потапова, Л. Н. Гумилева, С. И. Вайнштейна, В. Г. Карцова, М. П. Грязнова, несколько позже Я. И. Сунчугашева, М. П. Завитухиной и др. лежит анализ археологических источников: наскальных изображений и материалов раскопок.

Информационную базу археологии пополняли раскопки Красноярской экспедиции в

1950–1970-е годы (М. П. Грязнов, Э. Б. Вадецкая, Л. П. Зяблин и др.), Р. В. Николаева (Красноярский музей) (с 1950-х годов) [Археологические экспедиции, 1962]. В 1960-е же годы начались исследования Д. Г. Савинова, сначала в Туве, далее в Минусинской котловине. В 1970-е годы вышли работы С. Г. Кляшторного, посвященные вновь открытым древнетюркским надписям. Тогда же темой комплекса вооружений енисейских кыргызов глубоко занялся Ю. С. Худяков.

Красноярская экспедиция ЛО ИА АН СССР работала в зоне затопления Красноярской ГЭС.

Ей наследовали Средне-Енисейская (в зоне строительства оросительных систем Хакасии), Бейская (окрестности Саяногорска) и Сибирская (в зоне строительства объектов КАТЭК) экспедиции.

Минусинская котловина (или Минусинские котловины) (Рис. 1) — обширная степная территория на двух берегах Енисея, окруженная горными массивами Восточного Саяна (на севере и востоке), Западного Саяна (на юге) и Кузнецкого Алатау (на западе и северо-западе). В системе Минусинских котловин самая северная из них — Назаровская — в настоящее

Рис. 1. Минусинская котловина

время продолжает оставаться наименее исследованной в археологическом отношении. При этом неравномерность исследования наблюдается и в пределах Назаровской котловины. Относительно хорошо изучены юг и юго-запад рассматриваемой территории. Здесь, у подножья северных отрогов Кузнецкого Алатау и были зафиксированы находки датируемые ранним средневековьем.

Большая часть этих находок является случайными. Но в ходе археологических разведок были зафиксированы и 11 археологических памятников (Рис. 2), подъемный материал которых позволил интерпретировать их как поселения и датировать их временем раннего средневековья.

Среди находок серия железных наконечников стрел характерных форм, ряд других предметов из железа, фрагменты керамики. Обнаруженные артефакты имеют достаточно обширные аналогии на территориях, расположенных южнее.

Наиболее многочисленная серия предметов представлена железными наконечниками стрел. Коллекция, хранящаяся в местном музее, состоит из сборов подъемного материала и случайных находок и насчитывает 17 предметов.

На основе типологии Ю. С. Худякова [Худяков, 1980] в коллекции были выявлены наконечники группы I (трехлопастные): тип 2 (удлиненно-шестиугольные; Рис. 4: 12), тип 9 (ярусные; Рис. 4: 13–14); группы VI (плоские): тип 4 (томары, или срезни; Рис. 4: 1–3), тип 5 (овально-крылатые; Рис. 4: 4), тип 2 (асимметрично-ромбические; Рис. 4: 5–10).

Наконечники 1-й группы, тип 2, найдены на широком пространстве, включающем Минусинскую котловину, Туву, Алтай; тип 9 зафиксирован только в Минусинской котловине.

Наконечники группы VI были обнаружены как в Минусинской котловине (все типы), так и в Туве (типы 2, 4) и Казахстане (тип 2).

Наиболее датирующими признаками обладает трехлопастный удлиненно-шестиугольный наконечник. Подобные ему были найдены в впускных захоронениях с конем на юге Минусинской котловины в 1982 г. и опубликованы в 1988 г. [Савинов, Павлов, Паульс 1988].

Кроме наконечников стрел в указанных погребениях найдены топоры-тёсла, предметы конской упряжи, железные ножи, детали луков, берестяные колчаны, детали поясных наборов, китайские монеты «кайюань тунбао».

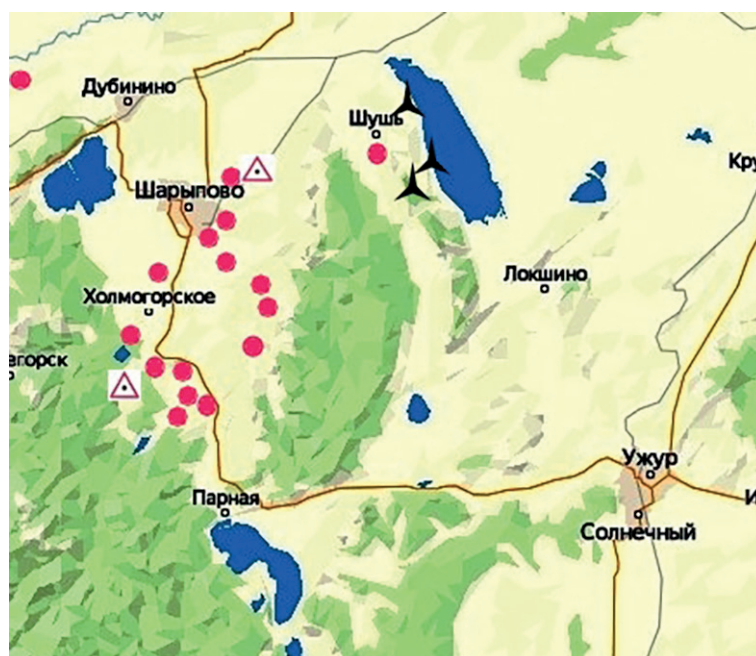

Рис. 2. Находки артефактов раннего средневековья на севере Минусинской котловины (Назаровская котловина)

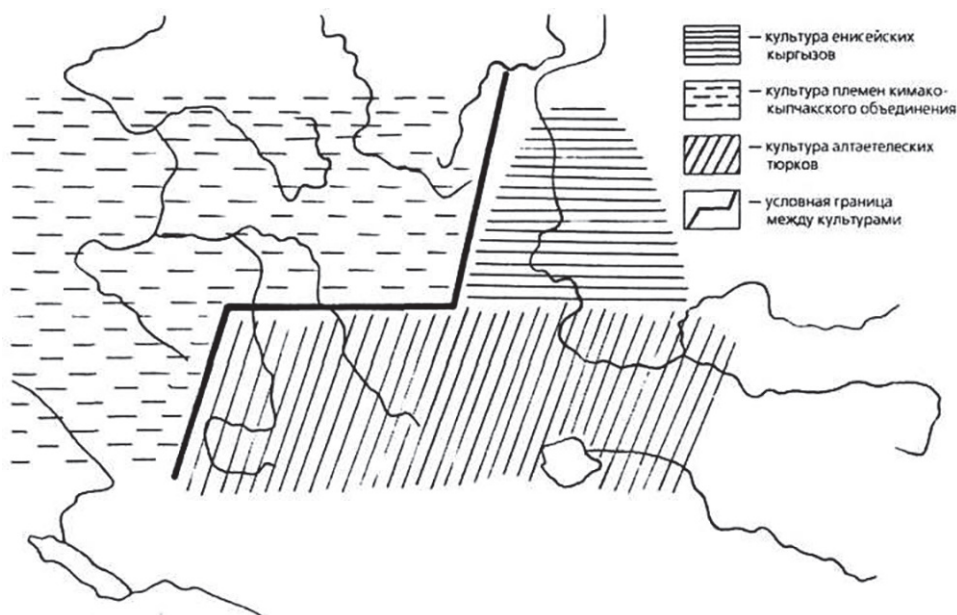

Рис. 3. Культуры тюрков раннего средневековья на юге Сибири, по [Кляшторный, Савинов, 2005]

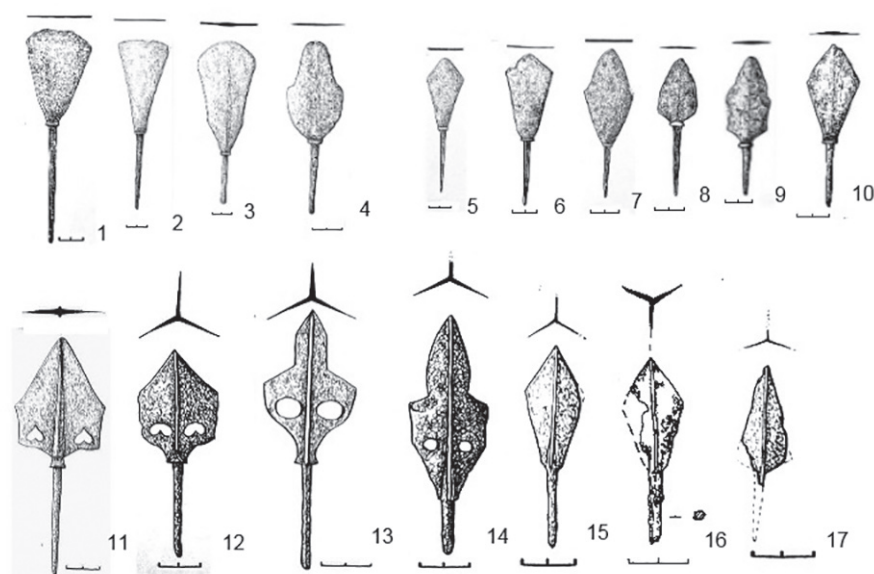

Рис. 4. Назаровская котловина. Наконечники стрел, железо, 2-я половина I тыс. н. э.

Судя по количеству топоров-тёсел, этот предмет был неременной частью походного оснащения воина. Как уже говорилось выше, среди находок в Назаровской котловине также присутствует топор-тесло (Рис. 5).

Также как и наконечники стрел, находящих аналогии на остальной части Минусинской котловины, в Туве, на юге Красноярского края, найденные в Назаровской котловине фрагменты панцирных пластин имеют аналогии на этих тер-

риториях, в меньшей степени известны и западнее — Алтай, Казахстан [Худяков, 1980. С. 119]. Удила, железные ремённые пряжки широко распространены и не имеют узкой датировки.

Интересны находки фрагментов керамики, имеющих штампованный орнамент подобный орнаменту на уйгурских гончарных вазах [Кызласов, 1981a] (Рис. 6).

Железный кинжал (Рис. 5) по оформлению рукояти и навершию ее имеет аналогии в ши-

Рис. 5. Назаровская котловина. Кинжал, железо (конец I тыс. н. э. (?)); топор-тесло, железо (2-я половина I тыс. н. э.)

роком географическом диапазоне от Казахстана до Амура. При этом аналогии размещаются в широком временном диапазоне от IX до XIV вв.

Авторы публикации 1988 г. на основе комплекса погребального инвентаря предложили две версии происхождения этих памятников. Обе они связаны с пограничьем Уйгурского каганата и государства енисейских кыргызов. В одном случае это может быть форпост Уйгурского каганата на северных его рубежах. Второе допущение предполагает существование военного поселения союзных кыргызам племен (возможно, карлуков), основанное для защиты от южных соседей. В любом случае памятники могут быть датированы в пределах 750–840 гг.

В совместном фундаментальном труде С. Г. Кляшторный и Д. Г. Савинов [Кляшторный, Савинов, 1994, 2005] прослеживают динамику расселения тюркских народов, в том числе и в интересующее нас время. На северной границе этого расселения очевиден некоторый разрыв (Рис. 3). Он отражает, с одной стороны, реальную ситуацию со степенью изученности этой территории, с другой стороны, некоторым образом — естественные пределы расселения в

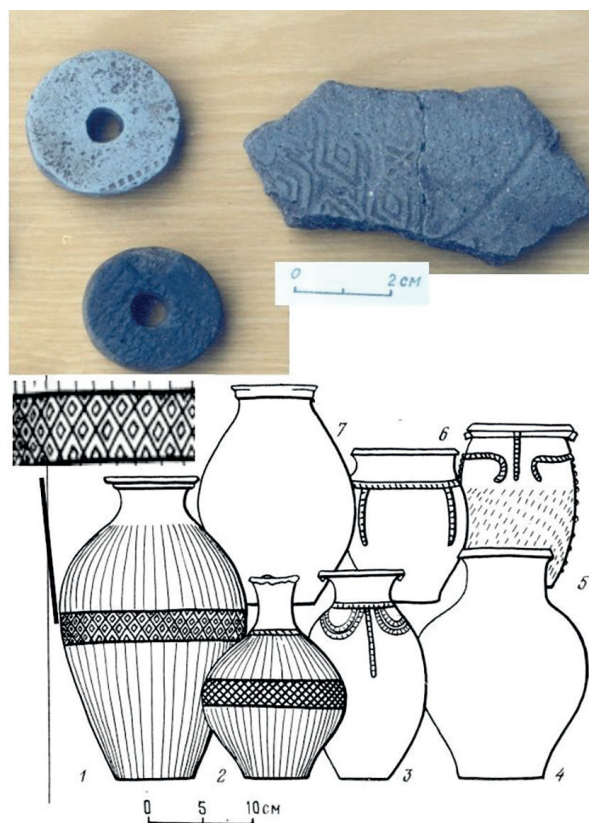

Рис. 6. Назаровская котловина. Фрагменты орнаментированного сосуда эпохи Уйгурского каганата и изделия из них (пряслица). Аналогии, по [Кызласов, 1981б] (2-я половина I тыс. н. э.)

тот или иной период, а именно две волны движения тюркских народов: одна через Восточный Казахстан и Алтай, другая — вдоль Енисея, по Минусинской котловине.

Что касается наших находок, то здесь возможны следующие версии. Известно, что к моменту появления русских по северной окраине Минусинской котловины проходила граница Кыргызского Хонгорая (Хоорая) [Бутанаев, Худяков, 2000]. В районе Божьих озер (Тигирколь) располагался один из четырех улусов — Алтысарский. Население его состояло как из кыргызов, живших вплоть до современного Ачинска, так и из кыштымов (зависимого населения, данников) кыргызских князей. Такая ситуация складывалась на протяжении нескольких столетий. Можно предположить, что освоение кыргызами северных пределов Минусинской котловины проходило постепен-

но: от военных походов периода «кыргызского великодержавия» (VI–XII вв.) до постепенно заселения к XVI в. При этом менялась и этническая картина: небольшие общности местного населения постепенно растворялись в кыргызской среде.

Видимо, один из эпизодов этого движения к северу иллюстрируют три укрепленных сооружения, найденных вблизи юго-западного побережья самого крупного местного озера — Белого (рис. 2). На этих памятниках в 1990-х годах были осуществлены сборы подъемного материала, а также шурфовка и зачистки, подтвердившие предположение о раннесредневековой датировке этих памятников (около середины I тыс. н. э.). Находки фрагментов ке-

рамики, украшенной орнаментом, сделанным с помощью пальцевых зажимов, связывают эти памятники как с более северными городищами Ачинско-Мариинского района [Циркин, 1977. С. 76], так и с некоторыми поселениями Назаровской котловины (Усть-Парная) [Красниенко, Краснолуцкий 1998]. Мнение о предложенной датировке разделяет и С. М. Фокин, автор диссертации о раннесредневековых памятниках данного региона [Фокин, 2007].

Подводя итог, можно констатировать что полученные данные, в том числе и о более северных территориях, позволяют расширить наши представления об этнополитических процессах раннего средневековья в Южной Сибири.

Архивные источники

НА ИИМК РАН. РО — Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Рукописный отдел. Ф. 1. Оп. 1. 1888. Д. 23.

Использованная литература

Археологические экспедиции, 1962: Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР. 1919–1956 гг. Указатель. М., 1962.

Arkheologicheskie ekspeditsii GAIMK i IA AN SSSR. 1919–1956 gg. Ukazatel. [Archaeological Expeditions of the SAHMC and IA of the USSR Academy of Sciences. 1919–1956. Index]. Moscow, 1962.

Бутанаев, Худяков 2000: Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2000.

Butanaev V. Ya., Khudyakov Yu. S. Istorii yenisiskikh kyrgyzov. [History of the Yenisei Kyrgyz]. Abakan: Izdatel'stvo KhGU imeni N. F. Katanova, 2000.

Грязнов, Шнейдер, 1926: Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей // Природа. 1926. № 11–12. С. 100–105.

Griaznov M. P., Shneider E. R. Drevnie izvaiania Minusinskih stepei [Ancient Sculptures of the Minusinsk Steppes] // Priroda [Nature]. 1926. No. 11–12. P. 100–105.

Грязнов, Шнейдер, 1929: Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Том IV. Вып. 2. Л., 1929. С. 63–93.

Griaznov M. P., Shneider E. R. Drevnie izvaiania Minusinskih stepei [Ancient Sculptures of the Minusinsk Steppes] // Materialy po ethnographii [Materials on Ethnography]. Vol. 4. Is. 2. Leningrad, 1929. P. 63–93.

Киселёв, 1949: Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 9).

Kiselev S. V. Drevnie Istoria Iujnoi Sibiri [Ancient History of Southern Siberia]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949.

Кляшторный, Савинов, 1994: Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб.: ФАН, 1994. (Тюркские народы России).

Kliashorny S. G., Savinov D. G. Stepnye imperii Evrasii [Steppe Empires of Eurasia]. St. Petersburg: Farn, 1994.

Кляшторный, Савинов, 2005: Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005. (Исторические исследования).

Kliashorny S. G., Savinov D. G. Stepnye imperii drevnei Evrasii [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. St. Petersburg: Filologicheskii facul'tet SPBGU, 2005.

Красниенко, Краснолуцкий, 1998: *Красниенко С. В., Краснолуцкий С. А.* Поселения Назаровской котловины (предварительный культурно-хронологический анализ) // *Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции.* Санкт-Петербург, 6–9 октября 1998 г. Редакционная коллегия: Д. Г. Савинов (отв. ред.), В. Н. Седых, Н. И. Петров. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 91–93.

Krasnienko S. V., Krasnolutsky S. A. Poseleniia Nazarovskoi kotloviny (predvaritel'nyi kulturno-khronologicheskii analiz) [Settlements of the Nazarov Basin (Preliminary Cultural and Chronological Analysis)] // *Poselenia: sreda, kul'tura, sotsium* [Settlements: Environment, Culture, Social Mind]. Materials of the Thematic Scientific Conference. St. Petersburg, October 6–9, 1998 Editorial Board: D. G. Savinov (ed.), V. N. Sedikh, N. I. Petrov. St. Petersburg: SPbGU, 1998. P. 91–93.

Красниенко, Субботин, 2014: *Красниенко С. В., Субботин А. В.* Новые данные об оборонительных сооружениях у северных предгорий Кузнецкого Алатау // *Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010).* СПб.: ИИМК РАН; «Арт-Экспресс». 2014. С. 440–447.

Krasnienko S. V., Subbotin A. V. Novye dannye ob oboronitel'nykh sooruzheniiakh u severnykh predgorii Kuznetskogo Alatau [New data on defensive structures near the northern foothills of the Kuznetsk Alatau] // *Arkheologiya drevnikh obshchestv Evrazii: hronologiya, kulturogenez, religioznye vozzreniia* [Archaeology of Ancient Societies of Eurasia: Chronology, Cultural Genesis, Religious Views]. In memory of Vadim Mikhailovich Masson (03.05.1929–19.02.2010)]. St. Petersburg: IIMK RAN; "Art-Express", 2014. P. 440–447.

Кызласов, 1981: *Кызласов Л. Р.* Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья.* Отв. ред. тома С. А. Плетнёва. М., 1981. С. 46–52.

Kyzlasov L. R. Drevnekhakasskaia kul'tura chaatas VI–IX vv. [Ancient Khakas Culture Chaatas of the 6th–9th centuries] // *Arkheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia* [Archaeology of the USSR. Steppes of Eurasia in the Middle Ages.]. Ed. by S. A. Pletneva. Moscow, 1981. P. 46–52.

Кызласов, 1981а: *Кызласов Л. Р.* Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья.* Отв. ред. С. А. Плетнёва. М., 1981. С. 52–54.

Kyzlasov L. R. Kul'tura drevnih uighur (VIII–IX vv.) [The Culture of the Ancient Uighurs (8th–9th cc.)] //

Arkheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia [Archaeology of the USSR. Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Ed. by S. A. Pletneva. Moscow, 1981. S. 304. S. 52–54.

Савинов, Павлов, Паульс, 1988: *Савинов Д. Г., Павлов П. Г., Паульс Е. Д.* Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // *Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980–1984 гг.* Л., 1988. С. 83–103.

Savinov D. G., Pavlov P. G., Pauls E. D. Rannesrednevekovye vpusknye zakhoroneniia na iuge Khakasii [Early Medieval Entrance Burials in the South of Khakassia] // *Pamiatniki arkheologii v zonakh melioratsii Iuzhnoi Sibiri. Po materialam raskopok 1980–1984 gg.* [Monuments of Archaeology in the Zones of Restoration of Southern Siberia. According to the Materials of Excavations of 1980–1984]. Leningrad, 1988. P. 83–103.

Теплоухов, 1929: *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // *Материалы по этнографии.* Т. 4. Вып. 2. Л., 1929. С. 41–62.

Teploukhov S. A. Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskih kul'tur Minusinskogo kraia [The Attempt of Classification of Ancient Metal Cultures of the Minusinsk Region] // *Materialy po etnografii* [Materials on Ethnography]. Vol. 4. Is. 2. Leningrad, 1929. P. 41–62.

Фокин, 2007: *Фокин С. М.* Культурно-исторические процессы в раннем и развитом средневековье Красноярской лесостепи. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Кемерово, 2007.

Fokin S. M. Kulturno-istoricheskie protsessy v ranнем i razvitom srednevekov'e Krasnoiarskoi leso-stepi [Cultural and Historical Processes in the Early and Developed Middle Ages of the Krasnoyarsk Forest-Steppe]. Abstract of Cand. Sc. (History) Dissertation. Kemerovo, 2007.

Худяков, 1980: *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука; СО, 1980.

Khudyakov Yu. S. Voorujenie yeniseiskih kyrkyzov VI–XII vv. [The Armament of the Yenisei Kyrgyz of the 6th–12th centuries]. Novosibirsk: Nauka; Sibirskoe ot-delenie, 1980.

Циркин, 1977: *Циркин А. В.* Мариинское городище и его место в материальной культуре Обь-Чулымского междуречья // *Археология Южной Сибири.* Вып. 9. Кемерово, 1977. С. 68–86.

Tsirkin A. V. Mariinskoe gorodishche i ego mesto v material'noi kul'ture Ob'-Shulymskogo mezhhdurech'ia

[The Mariin Settlement and Its Place in the Material Culture of the Ob-Chulyum Interfluvium] // *Arkheologia Iujnoi Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Vol. 9. Kemerovo, 1977. P. 68–86.

Appelgren-Kivalo, 1931: *Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmäler: Briefe und Bildermaterial von I. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei* (1887–1889). Helsingfors, 1931.

ANCIENT TURKS NEAR THE NORTHERN OUTSKIRTS OF THE KUZNETSK ALATAU (ARCHAEOLOGICAL DATA)

Sergey V. KRASNIENKO

Institute of the History of Material Culture RAS

The Minusinsk basin or steppes of the Middle Yenisei is a small territory on the scale of Siberia, but very important from the point of view of understanding the archaeological palette of the “cultures of early nomads”. Exactly here the chronological column of archaeological cultures was formulated for the first time since the 3rd millennium BC. This article is devoted to the few, but very important finds of artifacts of the early Middle Ages of Southern Siberia. The finds were made in the north of the Minusinsk basin, in a part called the Nazarovskaya basin. This is the northern border of the settlement of Turkic tribes in the Yenisei Valley and adjacent territories. The finds are represented by iron products (arrowheads, axe-adze, dagger, bits, belt buckles, etc.), as well as fragments of ornamented ceramics of the era of the Uighur Kaganate. The finds represent collections on the territories of ancient settlements, as well as randomly found objects. In addition, several fortified structures are known on this territory. According to analogies known in the adjacent territories — Altai, the south of the Minusinsk basin, Tuva, the complex of finds dates back to the 2nd half of the 1st millennium AD.

Key words: Minusinsk basin, early Turks, weapon items, Kyrgyz, Karluks, Kyshtyms.

About the author: **Sergey V. KRASNIENKO**, Researcher, Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (krasnienkos@mail.ru). ORCID: 0000-0001-8912-1092.

Dávid SOMFAI KARA
Institute of Ethnology
Research Centre for the Humanities, Hungary

FOLLOWING THE FOOTSTEPS OF V. DIÓSZEGI IN MONGOLIA, 2022

The article is dedicated to the 50th anniversary of Hungarian ethnologist Vilmos Diószegi (1923–1972), prominent researcher of Siberian shamanic folklore. In 2022, the author and two of his Hungarian colleagues (István Sántha and Zsolt Szilágyi) conducted fieldwork among the Khotogoid people of Northern Mongolia (Khöwsgöl). Diószegi visited Mongolia in 1960 and conducted fieldwork among the Buriad, Khamnigan, Uriankhai, Darkhad, Tofa and Khotogoid. The article discusses the political and cultural context of Diószegi's fieldwork in Mongolia and the changes that occurred since the collapse of the Soviet system in 1990.

Key words: shamanic folklore, Southern Siberia, Northern Mongolia, Khotogoid, Darkhad, Tuva, interethnic, fieldwork.

About the author: Dávid SOMFAI KARA, PhD, Senior Research Fellow, Institute of Ethnology, Research Centre for the Humanities (Budapest, Hungary) (somfaikara@gmail.com).

© ИБП РАН, 2023

© Шомфай Кара Д., 2023

On July 22, 2022 we commemorated the 50th anniversary of our late colleague, Vilmos Diószegi's (1923–1972) passing away. He was the founder of the department of ethnology (1967) at our institute, a renowned ethnologist who conducted fieldwork on shamanic traditions of Southern Siberia and Northern Mongolia between 1957 and 1964. He died at the age of 49 and most of his fieldwork materials remained unpublished.

We decided to commemorate his anniversary by visiting some places in Mongolia related to his fieldwork in 1960. In 2022 three senior researchers of the Institute of Ethnology (István Sántha, Zsolt Szilágyi and the author) conducted fieldwork in the Khöwsgöl Region — where Diószegi also conducted his research — collecting data for the upcoming publication of Vilmos Diószegi's 1960 Mongolian fieldwork diary.¹

Diószegi was the student of Lajos Ligeti (1902–1987), the world-famous scholar of Altaic (Mongolic, Turkic and Tungusic) and Tibetan studies who founded the Department of Inner Asian Studies of ELTE University (Budapest) in 1940. Diószegi studied Tungusic Philology at the department between 1940 and 1944 and also worked at the department until 1947 [Hoppál, 1998. P. vii–viii]. Later he started to work at the Museum of Ethnography where he managed the Asian Collection. His major focus was on the Tungusic (Nanai, Ulcha and Uilta) collection by Benedek Baráthosi Balogh (1870–1945) from Amur and Sakhalin regions (1908–1914) and he started to study the shamanic traditions of Northern Eurasia (Inner Asia and Siberia) [Diószegi, 1968a, 1972].

In 1955/56 B. Rinchen (1905–1977) the famous Mongolian writer and scholar defended his D. Sc. degree at the department of Inner Asian Studies and invited Hungarian scholars to Mongolia including Vilmos Diószegi. The first expedition of Hungarian scholars visited Mongolia in 1957 and its members were György Kara, Katalin Kőhalmi and András Róna-Tas [Teleki, 2018]. Diószegi went to the Soviet Union because he wanted to visit the

¹ The first part of his diaries from 1957 and 1958 have been published already [Diószegi, 2002].

Amur region. But he could only conduct fieldwork among the Mongolic and Turkic peoples (Buriad, Khakas, Tuva and Tofa-Tsaatan) of Southern Siberia along the border of Mongolia (1957–58).²

From that point on his attention turned to the shamanic traditions of Northern Mongolia. He was interested in the interethnic relations of the local ethnic groups (Buriad and Khamnigan [Diószegi 1967, 1968a], Darkhad and Uriankhai [Diószegi 1963], Tuva and Tofa-Tsaatan).

A Short description of Diószegi's trip to Mongolia in 1960

By Rinchen's invitation Diószegi arrived in 1960 to Ulaanbaatar via Irkutsk by plane. Unfortunately, that time Rinchen was under investigation for his "nationalistic" views by the communist party. Diószegi had to find others to help him visit regions of Mongolia where shamanic traditions had been preserved. He stayed in Mongolia for more than two months (between May and August) [Diószegi, 1960. P. 195–205], but managed to organize fieldtrips to only three regions:

1) Khor-Buriads and Khamnigans in Dornod Region³ (Bayanuul, Bayandun and Dashbalbar districts) between May 19 and 23 (five days);

2) Arig-Uriankhai in East Khövsgöl Region (Chandmani-Öndör, Tsagaan-Üür districts) between June 1 and 7 (seven days);

3) Darkhad and Toha-Tsaatan (also called Uigur and Uriankhai by Diószegi) in West Khövsgöl (Ulaan-Uul, Richenlhümbе, Tsagaan-Nuur districts) between June 21 and July 8 (19 days).

Diószegi was accompanied by the Mongol ethnologist S. Badamkhatan (1933–1998)⁴ to the first

two expeditions but there was tension between the two scholars and those fieldworks did not last more than a week [Hangartner, 2010. P. 57–59]. Finally Diószegi travelled without him to the Western side of Lake Khövsgöl where he managed to conduct fieldwork for almost three weeks. He was accompanied by a student of Russian philology, Dawaa. In Ulaan-Uul district he met a local Darkhad teacher O. Pürev (1931–2010), who inspired by Diószegi later became an ethnologist conducting research on Darkhad shamanic traditions [Pürev, 2003]. Diószegi and O. Pürev visited several shamanic shrines (*asar ongon*) in the local forest and took pictures of them.⁵

Diószegi had great difficulties collecting shamanic folklore from shamans during his fieldwork because he was usually accompanied by local officials who were ideologically opposed to the traditional spirituality (shamanism). Shamans refused to perform rituals and Diószegi could record only few shamanic texts from them. But he managed to record shamanic songs from the Darkhad *jaarin* J. Damdin⁶ in Möрön and the Khotogoid *jaarin* T. Nanjad.⁷

Damdin *jaarin* was the most famous shaman among the Darkhads and because he refused to cooperate with the communist authorities they put him in the Möрön jail. Diószegi heard about the imprisoned shaman when he travelled through

² Diószegi wrote a book about his fieldwork between 1957 and 1958 in Southern Siberia [Diószegi, 1968b].

He also published several articles related to his fieldwork [Diószegi, 1962a, 1962b, 1970a, 1970b].

The author published materials related to Diószegi's fieldwork [Somfai Kara, 2008, 2012, 2017, 2018].

³ Buyangerel did fieldwork among the Khor-Buriad and wrote a book about his fieldwork where she mentioned Shemed *abgai* famous lady shaman (*udgan*) [Buyangerel, 2013]. Hungarian Mongol philologist Balogh Mátyás also worked with the famous neo-shaman Seren baabai [Balogh, 2007. P. 114].

⁴ Although S. Badamkhatan wrote articles about the Darkhad and Tofa-Tsaatan of Western Khövsgöl he never agreed to take Diószegi to his region of fieldwork [Badamkhatan, 1962, 1965].

⁵ Gábor Wilhem published some pictures of *asar ongon* in an album related to the shamanic paraphernalia obtained by Vilmos Diószegi during his fieldwork in Mongolia [Wilhelm, 1999. P. 24–25].

⁶ Diószegi only mentioned J. Damdin in a footnote among other Darkhad shamans (*jairan*) as his most prominent informant [Diószegi, 1961. P. 198].

He also mentioned Damdin in his article about Darkhad shamanism saying that J. Damdin draw a picture of his horse-headed shamanic staff (*morin tolkaitai tayag*), which probably was and influence by the Burads of East Khövsgöl [Diószegi, 1963. P. 57].

Birtalan mentions Damdin as the ongon "sacred" spirit of a deceased shaman [Birtalan, 2004. P. 44].

⁷ Diószegi wrote that after his fieldwork in West Khövsgöl he went back to Ulaanbaatar and collected material among the Khotogoid living around the capital. He mentioned the name of T. Nanjad only in a footnote as one of the Khotogoid shamans [Diószegi, 1961. P. 200].

I have found T. Nanjad's recordings (22 shamanic songs) and his pictures in the archive of the Museum of Ethnography in Budapest [Somfai Kara, 2017. P. 25].

Fig. 1. Vilmos Diószegi and O. Pürev in Ulaan-Uul, Khövsgöl Region (July, 1960)

Fig. 2. Vilmos Diószegi with the Darkhad *jaarin* J. Damdin in front of the prison in Möron (Khövsgöl Region, 1960, June 7)

Möron during his second fieldtrip to the Uriankhai. On the way back Diószegi was given permission to meet and record Damdin in the Möron prison (June 7). He also took his pictures of him outside the prison.

The other famous informant recorded by Diószegi was the Khotogoid *jaarin* T. Nanjad who according to Diószegi's letters to his wife Judit Morvay (1923–2002), lived not far from Ulaanbaatar. After the failures of Diószegi's fieldwork B. Rinchen found some time to take him to the Khotogoid *jaarin*'s camp on July 15 or 16. Nanjad moved away from his homeland in Tosoncengel, Khövsgöl for political reasons to the vicinity of Ulaanbaatar (Töv Region). They took a

picture of him and his wife in front of Nanjad's felt house (*esgii ger*) with B. Rinchen [Hoppál, 1998. P. xxvii]. Diószegi managed to record more than twenty shamanic songs from Nanjad *jaarin*.

After our arrival in July, 2022 to Ulaanbaatar we made presentations in Mongol (Somfai Kara, Szilágyi) and Russian (Sántha) at the Institute of History and Ethnography of the Mongolian Academy of Sciences about Vilmos Diószegi's fieldwork in Mongolia (1960). My presentation was about the Diószegi's fieldwork conditions, its historical and cultural context.

I) Diószegi's Fieldwork condition

1) 1 or 2 weeks (max 3 weeks) fieldtrips on location

Fig. 3. B. Rinchen with Vilmos Diószegi visiting the Khotogoid *jaarin* T. Nanjad in Töv Region (1960, July 15)

2) Knowledge of Russian (communicating through interpreters)

3) Accompanied by interpreters and local scholars

4) Usually under KGB surveillance

5) Never seen a proper shamanic ritual

6) Political situation: Communist Ideology, Atheism

7) Shamans and other people “pretending”

Despite staying in Mongolia for almost three months Diószegi could only organize short fieldtrips to three locations to various ethnic minorities of Northern Mongolia (Buriad, Uriankhai, Darkhad and Tofa-Tsaatan). His lack of knowledge of Mongol forced him to communicate through interpreters in Russian. Due to the political situation (ideology) surveillance of the local KGB also prevented him to experience a real shamanic ritual and forced the shamans and other people to engage in “pretending” that shamanic traditions were ignored. Diószegi managed to record reliable data in two situations where he could avoid “pretending”:

1) In the prison where the J. Damdin shaman had nothing to lose or hide.

2) In the case of T. Nanjad who was in exile and thus avoiding the surveillance of the local officials.

II) Cultural and Historical Context

1) Regional varieties and no ethnic boundaries
Inter-ethnic and intra-ethnic relations (Tuva-Uriankhai and Darkhad, Buriad and Khamigan)

2) Cultural and Political changes (1990)

3) Pretending and Neo-shamanism

4) The “Missing Link” in the history of Shamanic Folklore (Diary)

5) Taking Diószegi’s materials back to the source community (Diary and Pictures)

But even with the limited information he managed to obtain, Diószegi realized that shamanic traditions in Mongolia were not homogeneous and these were not ethnic but regional varieties (Buriad-Khamnigan and Darkhad-Uriankhai) due to inter-ethnic and intra-ethnic relations. He wrote several articles about these ethnic considerations and how shamanic traditions can be used to map ethnic processes of Southern Siberia and Northern Mongolia.

The democratic changes after 1990 led to era of neo-shamanism where traditional shamanism observed by Diószegi transformed into post-modern cultural phenomena. Shamans went through urbanization and modernization which led to a new form of “pretending”. Neo-shamans “pretend” the rituals of traditional shamans while

many taboos and limitations are being ignored to popularize shamanic activity among the urban population of Mongolia and even international audiences [Somfai Kara, 2017. P. 23]. Due to these changes we can conclude that Diószegi's material can be considered as the "missing link" between the pre-soviet times (1924) and the post-soviet period (1990) [Hangartner, 2010. P. 257].

Finally we have to take Diószegi's materials to the source communities who can provide a lot of additional information to put them into the proper cultural and historical context. In addition, in Ulaanbaatar we met the director of the institute hosting us (C. Batbayar), with whom we discussed future cooperation (historical and scientific background of Vilmos Diószegi's fieldwork). We also met the director of the Institute of Language and Literature (J. Bat-Ireedüi), with whom we also discussed cooperation (Mongolian epic tradition and shamanic folklore). Later we took part in a spirit-evoking and healing ceremony of a Darkhad urban shaman in the suburbs of Ulaanbaatar.

Related Fieldwork

From Ulaanbaatar we travelled to Khöwsgöl County (700 km northwest of Ulaanbaatar). We visited the regional center Mörön, where we interviewed elderly local informants from members of the local minorities (Khotogoid, Darkhad, Buriad). We mainly asked them about the religious and cultural conditions of the 1960s.

We learned a lot about Diószegi's informant, J. Damdin *jaarin* (shaman) of the Darkhad who was in detention at the Mörön prison. We determined the exact location of the prison and met people who saw him during his serving time at Mörön, the regional center of Khöwsgöl. Damdin apparently ended up in the prison because he refused to stop his shamanic activity despite the warnings of the local authorities. Interviewing him during his detention actually help the shaman to avoid further "pretending" and could provide important information about Darkhad shamanic traditions.

We met Khotogoid shamans who are still active today, from whom we inquired important information about their shamanic traditions. Nobody from the local Khotogoid population has

ever heard of Nanjad or his shamanic activity. Later in Ulaanbaatar we met another young Khotogoid shaman. He heard about Nanjad from his master who initiated him to the shamanic activity. According to his master, Nanjad had to flee from his homeland in Khöwsgöl and settled down near Ulaanbaatar where nobody knew him as a shaman and he could lead a peaceful life. The question is: how did Rinchen *bagshi* find him and have the chance to take Diószegi to his home to record shamanic songs while he was under investigation himself for nationalism?

But unfortunately after his return from his second fieldtrip fieldwork to Khöwsgöl the last couple of days of Diószegi's is missing from his diary and letters. Magdolna Tatár apparently conducted research on J. Nanjad and wrote a PhD dissertation in Norway but she could not defend it and it was never published.⁸ So the story of Nanjad *jaarin* remains a mystery. Most likely Rinchen and Diószegi visited him in secret so that they could record his shamanic songs without the interference of the local authorities.

Khotogoid shamans just like other shamans of the Altai-Sayan region were initiated by receiving shamanic devices like jewsharp (*khuur*), drum (*khengger*) and sometimes by a staff (*tayag*). But modern Khotogoid shamans are also going through a cultural transformation. Old-style Khotogoid shamans like Nanjad are gone and most of them are so-called revitalized 'modern' shamans who by ignoring restrictions of clan spirits shamanic traditions are mixing and spreading between various ethnic groups (Khalkha, Buriad, Oirat).

III) Continuous but changing shamanic folklore

1) Old-style shamans: hiding and suspicious shamans living in poverty working inside one clan. Traditionally the ancestor spirit (*ug*) of a clan (*obog*) was responsible for someone to become a shaman (*ugtai*) in most cases.

2) Revitalized or 'modern' shamans who take their shamanic rituals to other clans and villages if requested. By ignoring restriction shamans can initiate unlimited number of disciples who

⁸ She published another article about shamans from Mongolia but Nanjad was not mentioned there [Tatár, 2006].

can work for various clans as well as other ethnic groups, e. g. Khalkha majority. Modern shamans use shamanic tradition to strengthen their ethnic identity, thus they do not limit their activity to their own clan [Shimamura, 2014].

3) Shamans performing for tourists and western anthropologists.

During our field we also met an old Khotogoid epic singer who was a master of *khai* singing in the Western Mongolian (Uriankhai) tradition. The *khai* singing style is practiced among the Turkic Altai-Telengit, Khakas (Yenisei Kyrgys) and Tuva-Tofa, as well as the Mongolic Uriankhai (assimilated Tuva-Tofa). The *khai* epic singing style spreading to other ethnic groups (Khalkha or Khotogoid) is quite a new phenomenon.

We visited a Khotogoid nomadic summer lodge (*juslang*) in the Tosoncengel area, where we also collected information from an elderly informant. During our visit to the Khotogoid nomadic camp we were informed that shamanic traditions were totally absent among them. Even the oldest

generation growing up 1950s — when Diószegi started his fieldwork — did not experience any shamanic activity.

We could only conclude that probably T. Nanjad was one of the last shamans of the Khotogoid who himself was forced out of his community. Modern Khotogoid shamanic activity was a revitalization of the tradition disrupted during the communist times [Shimamura, 2004]. That is why Diószegi's material (recording and pictures) could be a useful tool for modern shamans to revitalize their traditions.

We also collected from a local Buriad lama and visited the buildings of the Khüree (Buddhist monastery) in Mörön as well as Mörön's city museum which has a rich collection of shamanic objects. We finally went to the Bulgan Regional Museum that Diószegi also visited. We would like to thank all our colleagues from Mongolia who helped our work especially M. Enkhebaatar from the Mongolian Academy of Sciences who comes from Mörön.

References

- Badamkhatan, 1962: S. *Badamkhatan* Khöwsgöliin tsaatan ardiin azh-baidaliin toim. Ulaanbaatar, 1962.
- Badamkhatan, 1965: S. *Badamkhatan* Khöwsgöliin darkhad yastan. Ulaanbaatar, 1965.
- Balogh, 2007: *Balogh M.* Shamanic Traditions, Rites and Songs among the Mongolian Buriads: Meeting a Shamaness and her Assistant // *Shaman*. 2007. Vol. 15. P. 87–116.
- Birtalan, 2004: *Birtalan Á. et al.* "Talking to the Ongons" The Invocation Text and Music of a Darkhad Shaman // *Shaman*. 2004. Vol. 12. P. 25–51.
- Buyandelger, 2013: *Buyandelger M.* Tragic Spirits: Shamanism, Memory and Gender in Contemporary Mongolia. Chicago: University of Chicago Press, 2013.
- Diószegi, 1961: *Diószegi V.* Problems of Mongolian Shamanism // *Acta Ethnographica*. 1961. Vol 10. P. 195–205.
- Diószegi, 1962: *Diószegi V.* Tuva Shamanism: Intra-ethnic Differences and Interethnic Analogies // *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1962. Vol. 11. P. 143–190.
- Diószegi, 1963: *Diószegi V.* Ethogenic Aspects of Darkhad Shamanism // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1963. Vol 16. P. 55–81.
- Diószegi, 1967: *Diószegi V.* The Origins of the Evenki "Shaman Mask" of Transbaikalia // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1967. Vol 20. P. 171–201.
- Diószegi, 1968a: *Diószegi V.* Tracing Shamans in Siberia. The Story of an Ethnographical Research Expedition / Transl. from Hungarian by Anita Rajkay Babó. Oosterhout: Anthropological Publications, 1968.
- Diószegi, 1968b: *Diószegi V.* The Origin of the Evenki Shamanic Instruments (Stick, Knout) of Transbaikalia // *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1968. Vol. 17. P. 265–311.
- Diószegi, 2002: Halkuló Sámándobok. Diószegi Vilmos naplói, levelei [Fading Shamanic Drums: Vilmos Diószegi's Diaries and Letters]. Ed. by István Sántha. Budapest: L'Harmattan, 2002.
- Wilhelm, 2016: *Wilhelm Gábor* Shamanic Objects. Vilmos Diószegi's Collection. Museum of Ethnography. Budapest, 2016.

Hangartner, 2010: *Hangartner J.* The Contribution of Socialist Ethnography to Darkhad 'Shamanism' // Inner Asia. 2010. Vol. 12. P. 253–270.

Hoppál, 1998: *Hoppál M.* Introduction: The Life and Works of Vilmos Diószegi // Shamanism: Selected Writings of Vilmos Diószegi. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1998 P. vii–xxix.

Pürev, 2003: *O. Pürev.* Mongolian Shamanism. Ulaanbatar, 2003.

Shimamura, 2004: *Shimamura I.* The Movement for Reconstructing Identity through Shamanism: A Case Study of the Aga-Buryats in Post-socialist Mongolia // Inner Asia. 2004. Vol 6/2. P. 197–214.

Shimamura, 2014: *Shimamura I.* The Roots Seekers: Shamanism and ethnicity among the Mongol Buryats. Yokohama: Shumpusha Publishing (春風社), 2014.

Somfai Kara, 2008: *Somfai Kara Dávid* Rediscovered Buriad Shamanic Texts in Vilmos Diószegi's Manuscript Legacy. 2008. Shaman. Vol. 16. P. 89–106.

Somfai Kara, 2012: *Somfai Kara D.* Rediscovered Tuva Shamanic Songs in Vilmos Diószegi's Manuscript // Shaman. 2012. Vol. 20. P. 109–138.

Somfai Kara, 2017: *Somfai Kara D.* In the Wake of Vilmos Diószegi: Problems of Shamanism in Mongolia in the 1960s and Nowadays // Ningen Bunka (人間文化). 2017. Vol. 24. P. 143–190.

Somfai Kara, 2018: *Somfai Kara D.* Rediscovered Kumandy Shamanic Texts in Vilmos Diószegi's Manuscript Legacy // Shaman. 2018. Vol. 26. P. 107–133.

Tatár, 2006: *Tatár M.* The Ancient and New Representations of the Northern Mongol Shamans // Shamans Unbound. Ed. by Hoppál Mihály. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2006. P. 133–143.

Teleki, 2018: *Teleki K.* Hungarian Travellers in Inner Asia and in the Area of the Mongols // Mongolica Pragensia. 2018. Vol. 1. P. 61–75.

ПО СТОПАМ В. ДИОСЕГИ В МОНГОЛИИ В 2022 ГОДУ

Давид ШОМФАИ КАРА

Институт этнологии

Исследовательский центр гуманитарных наук (Венгрия)

Статья посвящена 50-летию со дня смерти выдающегося исследователя сибирского шаманского фольклора венгерского этнолога Вильмоша Диосеги (1923–1972). В 2022 г. автор и двое его венгерских коллег (Иштван Шанта и Жольт Силадьи) провели полевые исследования среди хотогойтов Северной Монголии (Хувсгел). Диосеги посетил Монголию в 1960 г. и провел полевые исследования среди бурят, хамниган, урянхайцев, дархатов, тофаларов и хотогойтов. В статье рассматриваются политический и культурный контекст проведенных Диосеги полевых исследований в Монголии и изменения, произошедшие после распада советской системы в 1990 г.

Ключевые слова: шаманский фольклор, Южная Сибирь, Северная Монголия, хотогойты, дархаты, Тува, межэтнический, полевые исследования.

Об авторе: ШОМФАИ КАРА Давид, PhD, старший научный сотрудник Института этнологии Исследовательского центра гуманитарных наук (Будапешт, Венгрия) (somfaikara@gmail.com).

В. Ю. КЛИМОВ
Институт восточных рукописей РАН

АДМИРАЛ ИВАН ФЕДОРОВИЧ ЛИХАЧЕВ (1826–1907) (ПОЛУЗАБЫТЫЕ ВРЕМЕНА)

Тема настоящей статьи — жизнь-служение Отечеству адмирала Ивана Федоровича Лихачева (1826–1907). С детских лет он был приучен к повседневному труду, умственному и физическому. Закончил морское училище. Во время Крымской войны (1853–1856) в возрасте 27–28 лет И. Ф. Лихачев состоял флаг-офицером при самом В. А. Корнилове (1806–1854). Первое появление значительных русских морских сил в Тихом океане связано с его именем. 2 ноября 1860 г. в немалой степени благодаря усилиям Ивана Федоровича был заключен Пекинский договор, по которому за Россией признавалось право владения Амурского и Уссурийского края. 21 мая 1860 г. И. Ф. Лихачев посылает докладную записку генерал-адмиралу, в которой указывает на стратегическое значение острова Цусима. Он предложил опередить англичан, стремившихся создать там базу. Иван Федорович — яркий представитель славного рода Лихачевых, который оставил глубокий след в науке и в ратном труде.

Ключевые слова: адмирал Иван Федорович Лихачев, эскадра российских кораблей под командованием Лихачева в Тихом океане, стратегическое положение острова Цусима, Цусимский инцидент, российско-японские отношения.

Об авторе: Климов Вадим Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел стран Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (klimovvadim26@gmail.com). ORCID: 0000-0002-0182-3872.

© ИВР РАН, 2023
© Климов В. Ю., 2023

Имя Ивана Федоровича Лихачева достаточно хорошо известно в России и Японии среди историков, занимающихся изучением международных отношений во второй половине XIX в. на Дальнем Востоке и, прежде всего, в связи с инцидентом на острове Цусима в 1861 г. [Файнберг, 1960. С. 193–197; Кутаков, 1988. С. 144–145; Черевко, 2010. С. 314–316; Русские, 2021. С. 1–386; Смирнов, 2017. С. 41–58; Накамура, 1983. С. 199–200; Ясуда, 1995. С. 1–239; Хоя, 2004. С. 16–21]¹.

Иван Федорович Лихачев представитель старого, уважаемого в России дворянского рода. Все представители которого, без исключения, были тружениками. С ранних лет дети приучались к труду, ежедневным занятиям, росли в атмосфере уважения к науке, искус-

¹ В 2010 г. в Историографическом институте Токийского университета был сделан фундированный доклад по этой теме почетным профессором Миядзи Масато 宮地 正人.

ству, не знали праздности и пустого времяпрепровождения. Все из рода Лихачевых служили Отечеству — либо на гражданской, либо на военной службе, либо на научном поприще.

Отец — Лихачев Федор Семенович (1795–1835), казанский помещик, в 1815 г. был направлен по воле отца Семена Александровича в Петербург служить в престижный среди дворян Кавалергардский полк. В 1822 г. он дослужился до ротмистра, был награжден орденом святого Владимира IV степени. Но вскоре оставил удачно складывающуюся службу, несмотря на уговоры начальников и друзей, по настоянию жены, Панаевой Глафиры Ивановны. В 1822 г. молодые поселились в Полянках Казанской губернии. Федор Семенович стал восстанавливать имение, пришедшее в упадок, был избран предводителем дворянства Спасского уезда. Таким образом, он продолжил дело деда Александра Логиновича Лихачева (1753?–1814), предводителя дворян Мамадышского уезда Казанской губернии с 1807 по 1811 г., страстного библиофила, нумизмата [Русский, 1914. С. 480–482]. Федор Семенович выписывал себе книги и журналы, собирал коллекцию древнего оружия, чубуков и трубок всевозможных видов. Он скончался в довольно молодом возрасте на сороковом году жизни 14 октября 1835 г. по старому стилю² от воспаления легких. Осталась многочисленная семья малолетних сирот [Русский, 1914. С. 495–496].

Андрей Федорович Лихачев (1832–1890), брат Ивана Федоровича, был нумизматом, археологом, действительным членом императорского Российского археологического общества, страстным собирателем монет, фамильных портретов, картин, гравюр, фарфора, крестов, икон и оружия. После него осталась прекрасная библиотека, в которой хранились редкие книги и документы [Русский, 1914. С. 483–485].

Федор Семенович за год до смерти, следуя примеру своего отца, решил определить сына Ивана в морское училище, а не в Кавалергардский полк. Отец обратился с просьбой к императору Николаю I: «Всепресветлейший Державнейший Великий Государь Император

Николай Павлович, Самодержец Всероссийский, Государь Всемиловитейший просит отставной Российский дворянин, Гвардии Штабс Ротмистр Федор Семенов сын Лихачев» определить на службу в морское училище сына Ивана [РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 3719. Л. 1]. При этом отец заверил, что сын Иван, «коему от роду семь лет, ... обучен Российской грамоте, арифметике и чтению на французском и немецком языках», он «есть мой законный сын, ... в удостоверение сего представляю свидетельства». Ходатайство было подано директору морского училища вице-адмиралу И. Ф. Крузенштерну и заканчивалось словами: «Сие прошение писал проситель Гвардии отставной Штаб Ротмистр Федор Семенов сын Лихачев, руку приложил. Жительство имею Казанской Губернии Спасском уезде» [Там же. Л. 1–1 об.]. Кроме того, была представлена справка, что сыну была сделана прививка от оспы. «Свидетельство. 1829-го года Августа 10-го дня дано сие свидетельство сыну, отставного Гвардии Штабротмистра Федора Семеновича Лихачева, Ивану в том, что мною ему была привита предохранительная оспа, в чем свидетельствую подписуюсь. ... уездный Штаб Лекарь Крамер» [Там же. Л. 5]. Помимо этого, отец приложил к ходатайству документы, свидетельствующие о дворянском происхождении его, а значит и его законного сына. «1833 года 13 Июля в Казанском Депутатском собрании слушали прошение Гвардии Штабс Ротмистра Федора Семенова сына Лихачева, при котором представляя пять свидетельств, выданных ему Казанской Духовной Консисторией о рождении детей его сыновей Ивана, Бориса, Логина и Андрея и дочери Екатерины, просит записать их в Дворянскую Родословную книгу Казанской Губернии к его роду. По означенным свидетельствам Казанской Духовной Консистории дети Гвардии Штабс Ротмистра Федора Семенова Лихачева значатся рожденными от законного брака, сыновья Иван 1826 года Марта 31, Борис 1830 года Генваря 19, Логин 1831 года Февреля 9...» [Там же. Л. 2; РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5].

Из представленных документов, свидетельствующих о благородном, дворянском происхождении, явствует, что «Род Дворян Лихачевых

² Датировка везде дана по юлианскому календарю.

внесен в Дворянской Родословной книги Казанской Губернии в 4 часть по определению сего Собрания 1793 года» и что Лихачевы ведут свою родословную от польских дворян. В «6934 г. (1427 г. — В. К.) выехал из Польши в Московское государство Шляхтич православной веры Алексей, званием Олег Богуславич Лиховский, который по въезде своем зван был Лихач, и от того пошли Лихачевы» [РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 3719. Л. 2]. Однако, в авторитетном энциклопедическом биографическом словаре Брокгауза и Ефрона уточняется, что Олег Богуславич выехал из Литвы: «Лихачевы — древний русский дворянский род. Родоначальник их, Олег Богуславич Лиховский, а по выезде в Россию прозванный Лихач..., литовский шляхтич, православной веры, выехал из Литвы к вел. князю Василию Темному» [Энциклопедический, 1997. Т. 6. С. 736–737]. Иными словами, от польской фамилии Лиховский образовали вначале укороченное Лихач, а затем, позже, добавили к нему привычное для русских фамилий окончание *-ев* и получилась фамилия Лихачев. Итак, из вышеизложенного явствует, что для поступления в морской кадетский корпус потребовалось свидетельствовать, что 1) Иван является законнорожденным в браке сыном, 2) имеет дворянское происхождение, 3) получил первоначальное образование, то есть, обучен «российской грамоте», арифметике, французскому и немецкому языкам, 4) сделана прививка от оспы и 5) и сын, и родители придерживаются православного вероисповедания.

Послужной список Ивана Федоровича впечатляет, далеко не каждому морскому офицеру удастся добиться таких успехов в служебной карьере. 8 марта 1839 г. он поступает в Морской корпус кадетом, а 1 января 1874 г. произведен в вице-адмиралы. За это время Лихачев награжден орденами: 1) Св. Станислава 2 степ. с императорскою короною и мечами (1855 г.), 2) турецким орденом Меджидие (1859), 3) Св. Владимиром 4 степени с бантом (1859), 4) Св. Владимиром 3 степени (1860), 5) Св. Станислава 1 степени с мечами (1864), 6) шведским орденом Олафа (1865), 7) датским орденом Данеброге (1865), 8) Св. Анны 1 степени с мечами (1866), 9) Белого орла (1877), 10) Св. Алексан-

дра Невского (1880), 11) пожалованы алмазные знаки того же ордена (1883).

В приведенном послужном списке [Общий, 1898. С. 588–591; РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–19 об.] не отмечено, что в 1867 г. И. Ф. Лихачев был назначен морским агентом в Англию и Францию. На этой должности он прослужил 17 лет до ухода в отставку 26 августа 1883 г. А через несколько дней, 1 сентября, ему была назначена пенсия в размере 2587 рублей в год, которые он получал по месту жительства в Париже через посольство России [РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–2 об.].

Большое влияние на становление характера и взглядов оказала Крымская война (1853–1856), во время которой он состоял флаг-офицером при самом В. А. Корнилове. Ему было 27–28 лет. Во время обороны Севастополя Иван Федорович отвечал за все логистические цепочки в Севастопольской бухте, все переправочные средства контролировались им. За боевые подвиги при обороне Севастополя досрочно был произведен в капитаны 2 ранга, а затем и в капитаны 1 ранга, награжден орденами Святой Анны 2-й степени и Святого Станислава 2 степени с мечами [Морской, 1993. Т. 2. С. 215]. Поражение России в войне, которую она одновременно вела против трех государств: Англии, Франции и Турции, оставило глубокий след в его душе и побуждало мысленно возвращаться, анализировать причины неуспеха. Так или иначе, все наиболее значимые его публикации можно считать плодом этих размышлений. В 1856 г. он издает в «Морском сборнике» статью, посвященную герою обороны Севастополя, своему учителю «Несколько слов о В. А. Корнилове» [Несколько, 1856. С. 272–286]. В 1888 г. Иван Федорович публикует основополагающий научный труд «Служба генерального штаба во флоте» в журнале «Русское судоходство» [Служба, 1888. С. 3–44]. Учитывая горький опыт поражения, Лихачев первым в России заявил о необходимости создания особого органа для стратегического руководства флота. К сожалению, он не был вовремя услышан. Через 16 лет во время русско-японской войны идеи его, изложенные в этой работе, стали очевидны и для российского правительства, и для правительств других государств. В 1901 г. И. Ф. Лихачев написал

статью «Роль Черноморского флота в Крымскую войну и затопление наших судов в Севастопольской бухте в 1854 г.». Однако цензура запретила публиковать эту работу. Только три года спустя после внесения правок вышла статья под названием «В Севастополе 50 лет тому назад». Можно считать, что фраза из его работы «Служба Генерального штаба во флоте»: «Больше и лучше любит свое Отечество тот, кто имеет дух раскрывать ему его ошибки и недостатки» — была выстрадана Иваном Федоровичем.

Впервые И. Ф. Лихачев оказался на Дальнем Востоке в 1850 г., совершив дальний переход из Кронштадта в Петропавловск на корвете «Оливуц», стал его командиром 14 октября 1851 г. в возрасте 25 лет, посетил Новоархангельск. На этом корвете Лихачев совершил кругосветное путешествие, вышел из Кронштадта, пересек Атлантику, обогнул в тумане мыс Горн, вышел в Тихий океан, побывал в Русской Америке и на Камчатке [Болгурцев, 1998. С. 76–78]. В это время И. Ф. Лихачев познакомился с Геннадием Ивановичем Невельском (1813–1876), который находился в довольно затруднительном положении: не хватало людей, средств. И Невельской хотел, видимо, использовать команду корабля для выполнения дополнительных задач. Но Иван Федорович отказался выходить за рамки данной ему инструкции. Невельской только сухо упоминает об этом: «18 июля (1852 г. — В. К.) пришел на петровский рейд корвет „Оливуц“; это было первое наше военное судно, посетившее Петровск. На нем находились мичманы Петров³ и Разградский⁴,

назначенные на службу в Петропавловск. Командир корвета Лихачев, представляя мне бумаги от Завойко, Кашеварова, от Главного правления Российско-американской компании и от генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, заявил, что ему строго приказано быть в Петропавловске никак не позже 1 августа и что он для экспедиции ничего не привез. ...Лейтенант Лихачев заменил достойного командира корвета И. Н. Суцёва, утонувшего в Петропавловске» [Невельской, 2009. С. 165]. В возрасте 27 лет, в 1853 г. Лихачев на короткое время в чине капитан-лейтенанта стал помощником редактора «Морского сборника», в котором позже опубликует несколько статей. К 1860 г., когда вновь появится в водах Дальнего Востока во главе эскадры, он пройдет большой путь от морского офицера к флотоводцу. В частности, в «Записке о состоянии флота», написанной в январе 1859 г. И. Ф. Лихачев указывал на необходимость дальних плаваний в самостоятельных эскадрах для становления настоящих моряков, а также на значение больших фрегатов, которые могут оказывать большое влияние на ход морской войны. Он говорил, что нельзя только держать эти корабли в российских замкнутых морях, «где они, как рыба, вытасченная на берег. ... Задавайте им беспрестанно дальние плавания, хотя бы и ненужные..., не ограничивайте их поприща дорогою к Амуру и обратно..., держите их в океане, в Китайском и Индийском морях, естественном поприще их военных подвигов в случае войны» [Неофициальный, 1912. С. 12]. Экипажи кораблей, приобретая неоценимый опыт в таких плаваниях, привыкают принимать самостоятельные решения, не обращаясь каждый раз по пустякам к вышестоящим начальникам в Санкт-Петербург, приучаются нести ответственность перед Отечеством. Далее в записке, представленной Генерал-Адмиралу, Лихачев отмечает: «Морской офицер, адмирал, живущий на берегу и кумулирующий в своей особе и сухопутное, и гражданское управление, никогда не в состоянии распоряжаться морскими силами так, как требуют истинные морские интересы. Дуализм его положения никогда не допустит его посвятить все усилия и все помышления свои

³ Петров Александр Иванович (1828–1899) — контр-адмирал, исследователь Дальнего Востока. В 1852–1855 гг. под руководством Невельского занимался исследованием Амура и Амурского залива. В 1856 г. — командир Николаевского порта. В 1857–1863 гг. ходил на судах Амурской компании и Сибирской военной флотилии. С 1863 г. на Балтийском флоте. Похоронен на Смоленском кладбище в С.-Петербурге.

⁴ Разградский Григорий Данилович (1830–1899) — капитан 2-го ранга. С 1852 по 1856 г. исследовал Амур и Амурский лиман, был в составе Амурской экспедиции Г. И. Невельского. Был начальником Александровского, Мариинского и Муравьевского постов на Сахалине, Усть-Стрелочного поста на Амуре. В 1858–1865 проходил службу на пароходоходоходе «Америка», командовал шхуной «Восток». Прослужил на Дальнем Востоке 15 лет.

морскому делу» [Неофициальный, 1912. С. 7]. И если, по его мнению, правительство четко осознает и правильно понимает интересы государства, то неизбежно должно поддерживать на должном уровне военно-морской флот страны; престиж, интересы государства можно отстаивать разными средствами. «Понятно какие средства должны быть для этого выбраны: миссионерство, торговля, преимущественно морская, вообще умножение всякого рода сношений, и, наконец, постоянное присутствие значительной силы, внушающей и вкореняющей уважение к нации, и всегда готово грозным видом своим поддержать и доставить защиту нашим интересам, духовным и торговым. И так не одно только предвидение войны с одною из морских держав, войны, которая может и никогда не случиться, но более осязаемые и существенные интересы побуждают нас держать значительные силы в тех морях, и для распоряжения ими, по нашему мнению, необходимо учредить звание Начальника станции, в чем мы имеем готовый пример всех других наций. Флагман, находящийся сам на месте, успеет в мирное время следить за всеми нашими интересами, успеет достаточно познакомиться с местными обстоятельствами и, составив наперед план действий, в случае войны вероятно извлечет возможную пользу из находящихся на месте сил». И далее, развивая свою мысль, И. Ф. Лихачев говорит о необходимости совершенствования систем управления, разработок и построек новых более мощных кораблей, постоянного их обновления, замены старых на современные суда. В частности, он обращает внимание на новый тип грозных кораблей — блиндированные фрегаты, иными словами защищенные броней фрегаты. Важно, чтоб российский флот располагал такими соединениями современных фрегатов, чтоб приступил к созданию броненосного флота. «Нет сомнения, что та нация, которая успеет опередить другие в этом отношении, будет иметь огромный перевес в морской войне». И на этом нельзя успокаиваться. «В наш век бескончаемых совершенствований и преобразований в морском искусстве единственное средство не быть позади других, — это стремиться быть впер-

еди всех» [Неофициальный, 1912. С. 8]. Лихачев подчеркивал, что, экономя денежные средства, строя вслед за Англией или другими странами корабли сегодняшнего дня, можно разом потратить все вложения, проиграв войну на море. К постройке броненосных судов приступили в 1863 г. после восстания в Польше и явной активизации Франции и Англии в этой связи. Боясь вмешательства во внутренние дела, русское правительство отказалось от политики жесткой экономии расходов на содержание флота и постройке современных кораблей и приступило к созданию броненосцев, как и советовал И. Ф. Лихачев. Он же и возглавил отряд броненосцев в Балтийском море, тем самым встал у истоков броненосного флота в России. Годом позже адмирал Лихачев поделится опытом управления бронированных кораблей в статье «Обзор практического плавания броненосных судов в 1864 г.» За проявленное усердие, целеустремленность при организации броненосной эскадры 17 апреля 1864 г. адмирал Лихачев был награжден орденом Св. Станислава 1 степ. с мечами.

10 марта 1858 г. в возрасте 30 лет Иван Федорович в чине капитана 1 ранга стал адъютантом генерал-адъютанта Великого Князя Константина Николаевича. Между ними устанавливаются доверительные отношения. Генерал-адмирал имел большой интерес к внешней политике Российской империи, особенно на Востоке, поэтому ему всегда доставляли конфиденциальные документы из министерства иностранных дел, в частности из Азиатского департамента. Как правило, Константин Николаевич советовался с Лихачевым по разным вопросам, просил его высказать личное мнение. В то время Англия и Франция пытались установить военно-политический контроль над Китаем. И. Ф. Лихачев не сомневался, что союзники попытаются, если им представится такая возможность, испытать на прочность российские позиции в Приморском крае, на землях южнее Амура, о которых вел как раз в это время переговоры Н. П. Игнатьев в Пекине. В начале января 1860 г. Великий Князь вместе с И. Ф. Лихачевым был в Кронштадте с очередной инспекцией, была достав-

лена депеша из Азиатского департамента. В ней содержалось подробное донесение от генерал-майора Николая Павловича Игнатьева, находящегося с середины 1859 г. в Китае для заключения договора о границах. Переговоры шли тяжело и зашли практически в тупик. Игнатьев для того, чтобы оказать давление на китайское правительство, просил разрешения покинуть Пекин, вернуться в Восточную Сибирь и продемонстрировать военную силу у границы. И. Ф. Лихачев высказал свое мнение по этому вопросу: с одной стороны, нельзя оставаться в Пекине, но, с другой стороны, не следует и выезжать в Сибирь, поскольку в Восточной Сибири нет достаточных средств и сил и, мало того, демонстрация силы в очень большой удаленности от Пекина будет иметь малую силу воздействия. Кроме того, время отъезда Н. П. Игнатьева из столицы Китая крайне неподходящее. Как раз в это время англичане и французы готовили совместную экспедицию против Китая. Поэтому нетрудно предвидеть, что китайцы будут разбиты наголову и проявят большую уступчивость. Русский посланник, сохраняя строгий нейтралитет, но оставаясь на месте, в Китае, будет наблюдать за развитием событий со стороны и в нужный момент сможет предложить посреднические услуги для достижения мира с западными державами. И тогда с минимальными усилиями можно будет достичь желаемого соглашения с Китаем по границе. Поэтому Лихачев предложил не уезжать русскому посланнику из Китая, а просто переехать на один из кораблей русской эскадры, которую для этих целей и надо будет собрать в китайских водах. Генералу-адмиралу это предложение понравилось, он решил доложить о нем Александру II. Состоялось заседание Особого комитета под председательством императора. Государь согласился с доводами И. Ф. Лихачева. На следующий день Великий Князь пригласил его в свою резиденцию, в Мраморный дворец, где огласил волю императора: Ивану Федоровичу как человеку, выдвигнувшему эту идею, поручили собрать отряд кораблей у берегов Китая. В это время у России в водах Тихого океана и прилегающих морей было один корвет, два клипера и несколько

мелких судов. Было решено перебросить из Средиземного моря один фрегат. 27 января 1860 г. Лихачев отбыл из Санкт-Петербурга, прибыл во Францию, где 31 января сел на пассажирский пароход, следующий из Марселя в Шанхай, и отправился на Дальний Восток. В Шанхае он зафрахтовал французский пароход «Реми» и прибыл в Хакодатэ, где застал клипер «Джигит» и транспорт «Японец». 11 апреля он в Новгородской гавани залива Посьета, выбрав удобное место для военного поста, высадил на берег команду во главе с лейтенантом П. Н. Назимовым, снабдив их провизией на два с половиной месяца. Лихачев приказал Назимову в случае появления иностранных кораблей, имелись в виду прежде всего английские и французские суда, поднимать российский флаг и объявлять пришедшим англичанам или французам, что бухта Новгородская и залив Посьета являются территорией Российской империи. И. Ф. Лихачев взял в этом случае всю ответственность на себя, официально объявляя, что залив Посьета является территорией России [Неофициальный, 1912. С. 9–12]. Впрочем, его действия согласовывались с распоряжениями графа Муравьева-Амурского (1809–1881), который отдал приказ военному губернатору Приморской области от 15 ноября 1859 г. следующего содержания: «Значительные приготовления, делаемые в Англии и Франции к новой войне с Китаем, поставляют и нас иметь в готовности все суда вверенной вам флотилии к выступлению в море... эскадра наша должна будет... исполнить нижеследующие главнейшие предположения: 1) занять и укрепить два пункта для небольших команд в гаванях Новгородской и Владивостоке, в заливе Петра Великого; ... соединенные силы Англии и Франции будут в Печелийском заливе самою раннею весною, и, вероятно, не позже начала июня, крейсера их покажутся около наших южных берегов, а нам следует там уже встретить и иметь десанты на назначенных пунктах...» [138. Господину, Книга 2, 1891. С. 280–281]. Кроме того, граф Муравьев-Амурский был оперативно извещен о том, «что Новгородская гавань в заливе Посьета, в конце минувшего апреля месяца, занята адъютантом Великого Князя гене-

рал-адмирала капитаном 1-го ранга Лихачевым, который на берегу оной основал военный пост и водрузил Русский флаг» [145. Господину, 1891. Книга 2. С. 294]. В письме от 29 октября 1860 г. из Иркутска граф Муравьев-Амурский писал Ивану Федоровичу: «С величайшем удовольствием получил я известие о быстром и необыкновенно раннем занятии Вами весною нынешнего года Новгородской гавани в заливе Посьета. Совершив это важное дело, особенно при современных обстоятельствах и взаимных отношениях Европейцев на Тихом Океане, Вы сделали важную услугу в вопросе нашего влияния на крайнем Востоке. Тринадцатилетние постоянные стремления мои к достижению тех видов, которые должна иметь Россия на Восточном Океане, дают мне некоторое право и поставляют меня в обязанность искренне благодарить Вас Милостивый Государь Иван Федорович, за занятие Новгородской гавани, как за важное содействие к исполнению Правительственных видов в стране, устройство и развитие которой обязано постоянному покровительству и деятельности Государя Великого Князя, Которого Вы имеете счастье быть Адъютантом» [РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–1 об.]. В конце апреля 1860 г. Лихачеву удалось собрать отряд в Пичелийском заливе (залив Бохайвань) у реки Пейхо. Сообщили об этом Н. П. Игнатьеву, и он 20 мая прибыл на эскадру и пробыл вместе с И. Ф. Лихачевым около двух с половиной месяцев. «Совместное пребывание» нашло отражение на страницах дневника Николая Павловича. Они вдвоем посещали Нагасаки, гуляли по городу, посещали японские дома, в которых было так чисто, «что совестно [было] не снимать сапог, когда входили в комнату..., везде чисто-белые циновки на полу» [ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 114 об.].⁵ Граф Игнатьев отмечал в дневнике, что Лихачев «под влиянием событий прошлой войны, чрезвычайно опасается повторения Севастополя». Николай Павлович в записи от 30 мая 1859 г. сообщает, что «Лихачев прочел мне записку докладную на имя Константина Нико-

лаевича Генерала-Адмирала о значении для Русского флота острова Чу-сима (Цусима. — В. К.), на который обращает особое внимание Англичане. Лихачев доказывает, что, заняв Манджурский берег, мы все тогда будем находиться во Внутреннем море..., потому что стоит только занять Англичанами проливы Сангарский, Лаперуза и Чу-сима..., ведущие в Океан, чтобы не выпустить эскадру нашу из портов. Он понимает, что Англичане [планируют] занять остров Чу-сима, заключающий всепогодную гавань и потому предлагает учредить там нашу станцию морскую. Затруднение [состоит] в том, что остров населен, принадлежит Японии, управляется феодальным Князем и по трактату мы не имеем права туда заходить. Хотя эти сомнения, что нам полезно было бы поставить крепость в Чу-сима и предупредить заведение оным. Англичане (...по словам Японцев уже заявляли свои виды на остров; они говорили Гошкевичу)...» [Там же. Л. 54–54 об.]. На все рассуждения Лихачева, граф Игнатьев отметил, что для реализации такого проекта нужно всенепременно соблюсти три условия. И самым важным из них является первое. «Я заметил ему [Лихачеву], что во-1^х для того, чтобы учредить [станцию] на о. Чу-сима, необходимо заключить новый трактат в Японии» [Там же. Л. 55 об.]. Иными словами, Николай Павлович дал четко понять, что без заключения нового трактата с Японией, в котором было бы прописано право России учредить военно-морскую базу на острове Цусима, поставленных целей достичь практически невозможно.

В остальном же все шло, как и предполагал Лихачев. 2 ноября 1860 г. был заключен Пекинский договор под названием «Дополнительный договор, заключенный 2-го (14) Ноября 1860 г. в Пекине» [Сборник, 1891. С. 200–210]. За Россией признавалось право владения Амурского и Уссурийского краями. Ивану Федоровичу было 35 лет. Ему было присвоено звание контр-адмирала и пожалован орден Святого Владимира 3 степени. Александр II высоко оценил вклад Лихачева в заключение трактата с Китаем.

Тем не менее, сам И. Ф. Лихачев испытывал недовольство тем, что общественность по

⁵ В описи значится, что дневник без датировки, но на самом деле, даты сравнительно легко устанавливаются по дневным записям Николая Павловича Игнатьева.

достоинству не оценила заслуги Российского флота в заключении столь выгодного для России Пекинского договора, что в России, традиционно сухопутной державе, недооценивают роль военно-морского флота в современном мире. В письме, датированном 9 апреля 1861 г. он писал Великому Князю Константину Николаевичу: «Я думаю, что мой долг как Начальника эскадры и как Русского, доложить теперь Вашему высочеству, что благополучным исходом дела Россия обязана ничему иному, как идее перенести пребывание Посольства на эскадру и тому энергичному усердию, с которым эскадра эта выполнила Ваши предначертания. С апреля по декабрь месяц, толкаясь на самой негостеприимной и заразной якорной стоянке, я должен доложить Вам, что подчиненные мои хорошо и честно исполнили свой долг, и считал бы достаточным ограничиться этим, но боюсь, что этот факт пройдет незамеченным и общественное мнение никогда не узнает, что флоту Россия обязана трактатом 60 года. В России даже и государственные люди не верят и не понимают значения и пользы морской силы. В этом отношении нам еще, к сожалению, нужны убеждения и доказательства, которые бы бросались в глаза толпе, и были доступны и слепым. Если истинные и тяжелые подчас (как например настоящая) заслуги наши будут проходить незамеченными, то этого убеждения в пользу флота никогда не народится в нации, а без него и развитие флота, лишенное поддержки общественного мнения, будет всегда трудною и непрочною затеей» [Неофициальный, 1912. С. 15].

В это же время, сначала от русского консула в Хакодате, потом от некоторых японских чиновников (фамилии не удалось установить. — В. К.) И. Ф. Лихачев узнает, что англичане проявляют интерес к острову Цусима, как возможной пункту базирования английской эскадры. Он приходит к мысли, что их надо опередить. 21 мая 1860 г. Иван Федорович посылает докладную записку генерал-адмиралу, в которой указывает на стратегическое значение острова и его желание опередить англичан. В частности, он пишет, что в дальневосточных владениях Россия столкнется с той же ситуа-

цией, что и в Европе: ее военно-морские силы могут быть заперты в Охотском и Японском морях. Цитата, хотя и пространная, дает более точное представление о взгляде Лихачева на ситуацию, чем короткий пересказ. «Три прохода ведут отсюда в океан: пролив Лаперуза между островами Сахалином и Матсмаем (Хоккайдо. — В. К.); Сангарский между Матсмаем и Нипоном (Хонсю. — В. К.); наконец Корейский между Нипоном и Кореей. В первом из них находится бухта Анава (Анива. — В. К.), во втором Хакодате, третьим командует остров Тсу-Сима (Цусима. — В. К.), лежащий средине пролива. Из такого географического положения истекает важность для нас этих пунктов и объясняется почему мы обратили рано наше внимание на Анаву и Хакодате. Третий же и самый важный до сих пор остается незамеченным. Если каждому из трех проливов может быть присвоено название дверей в наше новое внутреннее море, то дозволив себе провести сравнение несколько далее нельзя не признать Анаву и Хакодате только боковыми дверями, а главные ворота будут те посередине коих, как часовой на страже, стоит остров Тсу-Сима. В самом деле здесь идет прямой путь и к Китаю, где мы не раз будем призваны играть какую-нибудь роль, и к важнейшим пунктам Японской империи, главные города и главные силы которой сгруппированы в южной части ее владения. Оба северные прохода ведут в самую пустынную часть Великого Океана, которая никем не посещается, кроме нескольких китобоев; чрез Корейский пролив мы выходим прямо в море чрезвычайно оживленные и богатые движением и торговлею. Самое невыгодное для России условие было бы, если б эти пункты находились в руках сильной и враждебной державы. Затем было бы лучше, если б они могли оставаться всегда нейтральными, но нейтралитет такого государства как Япония не может иметь никакого политического веса и никогда не будет уважен. Логическая последовательность заставляет сказать, что для отвращения в будущем того невыгодного положения, от которого мы страдаем в Европе, остается желать одного: утвердить эти выходы за собой, и если не все три, то по крайней мере

более важные для нас. Я осмеливаюсь выразить свое мнение, что хотя бы мы купили новое приобретение и несколько дорогою ценой, оно не будет напрасно потому, что без этого все усилия к развитию морского значения нашего на Восточном океане могут оказаться тщетною и напрасною тратой капитала, времени и трудов». Далее Лихачев пишет о том, что этот вопрос можно решить путем переговоров. Задача состоит в том, «чтобы не допустить ни Англичан, ни какую-либо другую нацию утвердиться на этом пункте во вред нам. Этого можно достигнуть более или менее следующими способами: 1) приобрести весь остров или часть во владение Государя Императора, или 2) добиться по крайней мере уступки некоторого места на берегу для наших магазинов, госпиталей и пр. и устроить тут пребывание наших судов и эскадр, или, наконец, 3) настоять на том, чтобы этот остров оставался закрытым для всех Европейцев. Японцы, вероятно, согласились бы охотно на последнее, но не надо обольщать себя верою в солидности такого обещания. При слабости правительства и боязни Европейцев оно менее всего представляет обеспечение в будущем. Со своей стороны, я полагаю себя в праве только отправить к о-ву Тсу-Симе одно из судов эскадры для описи и продолжить его занятия там сколь возможно долее, что и будет мною исполнено как скоро китайские дела дозволят это» [Там же. С. 19–20].

И. Ф. Лихачев с нетерпением ждал ответа из С.-Петербурга. Письмо, отправленное 26 июля из столицы Российской империи, пришло только 12 декабря. Генерал-адмирал разделял мысли командующего эскадры. Великий князь сообщил, что в присутствии министра иностранных дел князя Горчакова он зачитал сообщение Лихачева, что Государь сразу понял ценность его идей. «Горчаков тоже не мог не признать этой важности, но по своей обыкновенной привычке побоялся, чтобы из этого не вышло политического вопроса, а главное, чтоб нам из-за этого не перессориться с Японцами». И далее сошлись во мнении, что «дело это должно иметь характер морской сделки, а не дипломатического трактата».

1 марта 1861 г. корвет «Посадник» под командой флигель-адъютанта Н. А. Бирелева прибыл к берегам Цусима⁶. 27 марта Лихачев совершил инспекционную поездку, остался недоволен результатами проверки. 16 апреля еще раз посетил остров Цусима. На этот раз командующий эскадрой был удовлетворен увиденным. Он, конечно, отдавал отчет, что невозможно на протяжении долгого времени удерживать пребывание русского корабля на острове. Лихачев сообщал в Петербург свое мнение по поводу того, что с точки зрения права позиция России по вопросу русской станции на острове Цусима уязвима, что необходимо приступить к переговорам с военным правительством (бакуфу) в Эдо, и чем позже начнутся переговоры, тем труднее будет получить согласия от японской стороны, что невозможно удержать это в тайне. Он добивался скорейшего назначения «аккредитованного министра» в Японию, чтобы более активно отстаивать позиции России при дворе тайкуна. Англичане, обнаружив русский корабль на острове Цусима, подняли политический скандал. 13 октября 1861 г. Лихачев отбыл в Санкт-Петербург и прибыл в столицу в декабре. Государь его принял и имел с ним откровенную беседу. Александр II задал в конце беседы один вопрос и потребовал ответить на него честно: стоит ли рисковать России до разрыва с Англией, а может быть, до войны ради базы на Цусиме. На что молодой адмирал ответил отрицательно. Вскоре, 23 декабря, на заседании особого комитета в Высочайшем присутствии был рассмотрен вопрос по поводу Цусимы [РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 43. Л. 6–8 об.]. Князь Горчаков, министр иностранных дел горячо выступал против. Великий Князь защищал Лихачева. Прочие участники заседания молчали. Александр II опять, как и накануне, задал тот же вопрос: а стоит ли рисковать России в Цусимском вопросе? После этого было принято решение отказаться от военно-морской станции на острове Цусима. Однако, новому начальнику Тихоокеанской

⁶ В дореволюционной России рассмотрена деятельность И. Ф. Лихачева по занятию острова А. Беломором в статье «Тсусимский эпизод» в журнале «Русский Вестник» за 1897 г., № 4 и № 5.

эскадры было предписано «наблюдать за действиями Англичан, в случае если бы они устроили станцию на острове Цусима и поставил нас о том в известность, а также и Консула нашего в Хакодате. Если бы Японцы пожелали бы в наших портах подобного же рода строения, какие возведены Флигель-Адъютантом Бирилевым на острове Цу-сима, то мы охотно предоставили им это право» [Там же. Л. 7–7 об.]. Позже Иван Федорович писал: «Одного только мы, может быть, достигли: не дали Англии захватить этот остров... Предположение вовсе не невероятное, если взглянуть на положение Гонконга или на захват ими п. Гамильтона в 1885 г.» [Файнберг, 1960. С. 197]. По приказу Александра II И. Ф. Лихачев был отстранен от должности со следующей формулировкой:

«№ 393.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, в присутствии Своем в С. Петербурге, Января 8-го дня 1862 года, соизволил отдать следующий Приказ:

Увольняются

в отпуск:

Состоящий при Его Императорском Высочестве Генерал-Адмирале, Член Морского Ученого и Кораблестроительного Технического Комитетов, Контр-Адмирал Иван Лихачев, по домашним обстоятельствам, внутри Империи и за границу, на шесть месяцев». Отпуск по неволе длился до начала октября, а потом его отправили «лечиться» с отчислением от всех занимаемых должностей».

Позже император отправил опального адмирала в длительный отпуск по причине «болезни» с тем, чтобы «поправил свое здоровье» подальше от Санкт-Петербурга.

«№ 434

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, в присутствии Своем в Гатчине, Октября 8-го дня 1862 года, соизволил отдать следующий Приказ:

... ..

Увольняются

в отпуск:

Состоящий при Его Императорском Высочестве Генерал-Адмирале, Члене Морского

Ученого и Кораблестроительного Технического Комитетов, Контр-Адмирал Лихачев, для излечения болезни, за границу, на один год, с отчислением от занимаемых Должностей и с зачислением его Резервному Флоту.

... ..

Подписал: Управляющий Морским Министерством, Генерал-Адъютант Н. Краббе» [Приказы, 1862. РГА ВМФ, библиотека. Д. 741].

Сам же Великий князь, покровитель и защитник И. Ф. Лихачева, в конце мая 1862 г. в связи с польскими событиями был отправлен в Польшу на укрепление местной администрации.

«№ 415.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, в присутствии Своем в Царском Селе, Мая 27-го дня 1862 года соизволил отдать следующий Приказ:

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великий Князь Генерал-Адмирал, назначается Наместником ЕГО ИМПЕРАТОРСКО-ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в Царстве Польском, с подчинением ЕМУ, на правах Главнокомандующего, расположенных в Царстве войск, и с оставлением в звании Генерал-Адмирала.

Подписал: Генерал-Адмирал КОНСТАНТИН» [Там же].

Лихачев, стремясь как можно лучше и быстрее добиться поставленной задачи и оправдать надежды Великого Князя, вышел за рамки данных ему полномочий. Попытка создать военно-морскую станцию на острове Цусима получила широкий политический резонанс. Дело это перестало иметь характер морской сделки, князь Горчаков, министр иностранных дел России, оказался прав и, говоря его словами, «чтобы из этого не вышло политического вопроса, а главное, чтоб нам из-за этого не перессориться с Японцами» сочли за благо отказаться от идеи создания военно-морской станции на острове.

Иван Федорович, прежде всего, стремился не допустить захвата острова англичанами и не позволить перерезать коммуникации морских судов России для выхода в Тихий океан и южные моря, он не хотел повторения судьбы

Севастополя для владений России на Дальнем Востоке. В этой связи трудно не согласиться с мнением американского историка Ленсена, отнюдь не питавшего особой симпатии к России, который писал, в частности, что первоначально у России к Японии был исключительно торговый интерес. Но после того, как Англия, США, Франция и другие западные страны начали утверждаться в Китае, на Дальнем Востоке, Россия начала рассматривать свои отношения с Японией с политической и военной точек зрения [Lensen, 1950. Р. 37], что вынудило, добавим от себя, принимать превентивные меры по защите своих владений на Дальнем Востоке от возможных вторжений.

8 августа 1863 г. опальный адмирал был возвращен на действительную службу. Он получил назначение на пост командующего отрядом клиперов в Балтийском море. А 1867 г. был назначен морским агентом в Англии и Франции.

В 1882 г. И. Ф. Лихачеву было сделано предложение возглавить Морской технический комитет. Учитывая его огромный опыт, подкрепленный на протяжении значительного времени работой морского агента в Англии и Франции, где он хорошо познакомился с последними достижениями в этих странах, предполагаемое назначение выглядело предрешенным. Однако, убедившись в том, что он как председатель комитета не будет наделен практически никакими серьезными полномочиями, а мечтал Иван Федорович о создании административной структуры, схожей с Генеральным штабом в сухопутных войсках, для того, чтобы способствовать созданию мощного флота. Лихачев в возрасте 57 лет предпочел уйти в отставку в чине вице-адмирала.

Уехал в Париж. Семейой он не был обременен, получал хорошую пенсию и все время отдавал научной деятельности. Публиковал свои работы в «Морском сборнике», газете «Кронштадтский вестник», в других изданиях. Теперь, уже не стесненный рамками субординации и дисциплины, он открыто критиковал недостатки российского флота. А его критика всегда носила конструктивный характер, направлена была на исправление существующих

недостатков и не была отмечена безответственными популистскими заявлениями. В качестве примера можно привести его доклад генералу-адмиралу Великому Князю, когда последний хотел узнать истинные причины задержки строительства корабля «Смелый», который в 1862 г. был задействован для перевозки японского посольства из Германии в Россию (Кронштадт). Вот только несколько выдержек из доклада: «При настоящем устройстве нельзя ожидать успешных действий от завода. Рабочие получают такую малую плату (жалованье рабочих экипажей... 3 коп. в сутки...), что невозможно ожидать успешной работы. ... Один рабочий, который вышел в отставку и ... поступил на завод к Путилову с жалованьем 1200 рублей, и других средств поощрения у начальника завода нет. ... Количество производства ничем не определено; никто не справляется, может ли завод выполнить какую-нибудь работу, а наряды поступают один за другим и всегда в большем количестве, чем завод в состоянии сделать, и Начальнику завода ничего не остается делать, как выбирать, какую работу откладывать, чтоб удовлетворять более настоятельным требованиям. С начала завода переменялось несколько Начальников, которые все выбирались из людей замечательных, и всегда были недовольны: следовательно есть рациональный недостаток в самом устройстве» [РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 43. Л. 78–79]. И далее указываются конкретные причины и меры по их исправлению. И. Ф. Лихачев продолжал думать о флоте. В 1888 г. в журнале «Русское судоходство», № 24, вышла большая статья без указания имени автора «Служба генерального штаба во флоте», начинающая с метафоры: «Имеющий армию — одну руку имеет, а имеющий армию и флот, две руки имеет». Так думал великий император, создавший нашу «армию» в настоящем смысле, и основатель нашего флота» (Служба, 1888. С. 3). Его идеи не были в то время услышаны в России, и только после его смерти были воплощены в жизнь.

И. Ф. Лихачев был членом российского (с 1853 г.) и французского (с 1879 г.) географических обществ, Московского сельскохозяйственного (с 1860 г.), Международного инсти-

тута морских арбитров (с 1886 г.) [РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–7]. В 1894 г. он подарил свою научную библиотеку морскому корпусу [РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–4]. Передавая книги, Иван Федорович объяснил причину своего поступка: «ибо я причисляю себя... к числу его выпускников, и если я что-нибудь знаю, то обязан всеми своими знаниями Мор[скому] Корпусу» [Там же. Л. 2]. Начальник же Морской Академии и Директор Морского кадетского Корпуса заявил: «Я был глубоко обрадован и польщен намерением глубокочтимого адм[ирала] Ив. Фед. Л[ихачева] принести в дар Мор[скому] Кад[етскому] Корп[усу] свою библиотеку. Это пожертвование будет в высшей степени полезно и М[орскому] Корпу[су] и Мор[ской] Академии» [Там же. Л. 3]. Он инициировал создание в Казани музея в честь брата Андрея Федоровича Лихачева, археолога и нумизмата. В письме, адресованном Сергею Викторовичу Дьяченко, Казанскому городскому голове, он пишет, что для создания музея умершего брата Андрея Федоровича («Музей А. Ф. Лихачева») жертвуется 30000 рублей, что «вдова покойного брата моего... обязалась уступить в пользу города все вообще оставшиеся после покойного ученые и художественные его коллекции в полном их составе, в том числе картинную галерею и обширную его библиотеку... одним словом, все, что составляет или может считаться духовным его наследием. ... Я же желаю только, чтобы город принял на себя обязательства приготовить для музея вполне приличное его назначению помещение, с внутренним устройством и обстановкою; чтобы музей этот всегда составлял отдельное целое, под именем „Музей А. Ф. Лихачева“, — никогда не смешивался с другими музеями, собраниями и учреждениями, принадлежащими городу» [РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–1 об.].

Позже Иван Федорович пожертвовал еще 14000 рублей [Там же. Л. 7 об.]. Музей был размещен в части здания Гостиного двора, занятого Казанским городским научно-художественным музеем. Только картин было передано 435 полотен [Там же. Л. 11; РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–9]. Также были представлены китайский фарфор и богатая коллекция восточных монет. Этот музей сейчас является основой музея Татарской республики. Глава города сообщил И. Ф. Лихачеву, что «Городская Дума, проникнувшись глубочайшею благодарностью к Вашему Превосходительству и желая оказать Вам высшую почесть к своим согражданам, закрытою баллотировкою единогласно избрала Вас Почетным Гражданином родного Вам города, поручила мне лично благодарить Вас от имени Думы за сделанное пожертвование» [РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 3 об.–4].

Когда началась русско-японская война (1904–1905) И. Ф. Лихачев обратился к Николаю II с предложением основать военный порт на острове Цусима: «Если Россия по окончании войны займет упомянутый остров и обратит его в первостепенный военный порт, то мы отрезаем Японию от материка и делаем немислимым в будущем ее военные предприятия. Вместе с тем мы достигнем преобладающего положения в этой части Тихого океана, при условии, конечно, иметь значительный перед соседями перевес в морской силе» [РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 251. Л. 4–4 об.].

16 ноября 1907 г., не пережив потрясения от поражения России в русско-японской войне, в Париже в возрасте 82-х лет вице-адмирал Иван Федорович Лихачев ушел из жизни. Тело было перевезено на Родину и погребено в монастыре в Свияжске. К сожалению, могила не сохранилась.

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 730. Описание 1. Ед. хр. 125. Дневник Игнатьева Николая Павловича, б/д. 143 л.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Фонд 16. Описание 1.

Дело 1. Свидетельство о рождении Лихачева И. Ф. и копия 1847 г. Крайне даты 1847 г. 10 марта. 5 л.

РГА ВМФ. Фонд 16. Описание 1. Дело 3. Формулярный и послужной списки. Подлинники.

РГА ВМФ. Фонд 16. Описание 1. Дело 4. Дипломы об избрании Русского географического общества,

Московского общества сельского хозяйства и других научных обществ. Крайние даты: 1853 г. 30 декабря — 1886 г. 5 октября. 7 л.

РГА ВМФ. Фонд 16. Опись 1. Дело 12. *Quelques notices sur mer tableaux*. 1890-е г. 9 л.

РГА ВМФ. Фонд 16. Опись 1. Дело 13. Переписка с казанским городским головою об организации в Казани музея А.Ф. Лихачева. Крайние даты: 1891 г. 25 июня — 1905 г. 26 августа. 12 л.

РГА ВМФ. Фонд 16. Опись 1. Дело 14. Письмо Арсеньеву Дмитрию Сергеевичу, вице-адмиралу, директору Морского кадетского корпуса. Отпуск. Крайние даты: 1894 г. 10/22 ноября. 4 л.

РГА ВМФ. Фонд 16. Опись 1. Дело 15. Письма Прейс Вильгельм Иванович к И. Ф. Лихачеву. 2 письма из Петербурга. Крайние даты 1898 г. 26 августа — 13 сентября. 2 л.

РГА ВМФ. Фонд 16. Опись 1. Дело 43. О причинах медленного хода работ по достройке в Кронштадте фрегата “Смелый” (расследование, проведенное Лихачевым И. Ф. по поручению генерал-адмирала). 81 л.

РГА ВМФ. Фонд 16. Опись 1. Дело 51. Письма генерал-адмирала Великого Князя Константина

Николаевича, графа Муравьева-Амурского Н. Н. и управляющего Морским министерством Краббе Н. К. с оценкой заслуг Лихачева И. Ф. и его дальнейших задачах на Дальнем Востоке. Начато: 1860 г. Кончено: 1861 г. 27 л.

РГА ВМФ. Фонд 16. Опись 1. Дело 179. О политическом положении России на Дальнем Востоке — записки и заметки И. Ф. Лихачева, зачитанные Генералу-Адмиралу Великому Князю Константину Николаевичу. Начато: 1859. Кончено: 1860. 29 л.

РГА ВМФ. Фонд 16. Опись 1. Дело 194. Записки И. Ф. Лихачева о стратегическом значении острова Цусима и русско-японских отношениях с 1858 г. Кончено 1861 г. 5 л.

РГА ВМФ. Фонд 432, опись 5, дело 3719. Морское училище. Петроград (14 января 1701 г. — 9 марта 1918 г.). 349 л.

РГА ВМФ. Фонд 1191. Опись 1. Дело 43. Докладная записка П. В. Казакевича, указание Министерства Иностранных дел и журнал заседания Особого комитета о взаимоотношениях с Японией и разделе острова Сахалина. Начато: 1861 г. Кончено: 1862 г. 14 л.

Опубликованные источники

138. Господину, 1891: 138. Господину военному губернатору Приморской области и командиру Сибирской флотилии и портов Восточного океана, контр-адмиралу Казакевичу. (1859 г., 15-го ноября, № 279, Благовещенск) // Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. (Материалы для биографии). Ивана Барсукова. Книга 2. М., 1891 г. С. 280–281.

138. *Gospodinu voennomu gubernatoru Primorskoi oblasti i komandiru Sibirskoi flotilii i portov Vostochnogo okeana, kontr-admiralu Kazakevichu*. (1859 g., 15 go noiabria, № 279, Blagoveshchensk) [To Mr. Military Governor of the Primorsky Region and Commander of the Siberian Flotilla and of the Ports of the Eastern Ocean, Rear Admiral Kazakevich. (November 15th, 1859, No. 279, Blagoveshchensk)] // Graf Nikolai Nikolaevich Murav'ev-Amurskii po ego pis'mam, ofitsial'nym dokumentam, rasskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam. (Materialy dlia biografii). Ivana Barsukova [Count Nikolai Nikolaevich Muravyov-Amursky According to His Letters, Official Documents, Stories of Contemporaries and Printed Sources. (Materials for the Biography). By Ivan Barsukov]. Book 2. Moscow, 1891. P. 280–281.

145. Господину, 1891: 145. Господину военному губернатору Амурской области. (1860 г., июня 15-го, № 585. Иркутск) // Граф Николай Николаевич Му-

равьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. (Материалы для биографии). Ивана Барсукова. Книга 2. М., 1891 г. С. 294.

145. *Gospodinu voennomu gubernatoru Amurskoi oblasti*. (1860 g., iunია 15 go, № 585. Irkutsk) [To Mr. Military Governor of the Amur Region. (June 15th, 1860, No. 585. Irkutsk)] // Graf Nikolai Nikolaevich Murav'ev-Amurskii po ego pis'mam, ofitsial'nym dokumentam, rasskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam. (Materialy dlia biografii). Ivana Barsukova [Count Nikolai Nikolaevich Muravyov-Amursky According to His Letters, Official Documents, Stories of Contemporaries and Printed Sources. (Materials for the Biography). By Ivan Barsukov]. Book 2. Moscow, 1891. P. 294.

Невельской, 2009: Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855. М., 2009. С. 165.

Nevel'skoi G. I. Podvigi russkikh morskikh ofitserov na kraĭnem vostoке Rossi. 1849–1855 [Heroic Deeds of Russian Naval Officers in the Far East of Russia. 1849–1855]. Moscow, 2009. P. 165.

Общий, 1898: Общий морской список. Часть X. Царствование Николая I. Д-М. Санкт-Петербург, 1898. С. 588–591.

Obshchii morskoi spisok. Chast' X. Tsarstvovanie Nikolaia I. D-M [General Maritime List. Part 10. The

Reign of Nicholas I. D-M]. St. Petersburg, 1898. P. 588–591.

Приказы, 1862: Приказы по личному составу 1862 г. РГА ВМФ, библиотека, Д. 741.

Prikazy po lichnomu sostavu 1862 g. RGA VMF, biblioteka, D. 741 [Orders on the Personnel of the 1862. Russian State Archive of the Navy, library, Item 741].

Русские, 2021: Русские моряки на Дальнем Востоке: дневник начальника эскадры в Китайском море И. Ф. Лихачева. 1860–1861 гг. / Под ред. В. Г. Смирнова; отв. сост. В. П. Ципленков; сост.: М. Е. Малевинская, С. В. Теренина. М.: Паулсен, 2021. 386 с., 40 илл.

Russkie moriaki na Dal'nem Vostoke: dnevnik nachal'nika eskadry v Kitaiskom more I. F. Likhacheva.

1860–1861 gg. [Russian Sailors in the Far East: the Diary of the Squadron Chief in the China Sea I. F. Likhachev. 1860–1861]. Ed. by V. G. Smirnova; Compiled by V. P. Tsiplenkov, M. E. Malevinskaya, S. V. Terenina. Moscow: Paulsen, 2021. 386 p., 40 pics.

Сборник 1891: Сборник пограничных договоров, заключенных с соседними государствами. Издано по распоряжению г. министра иностранных дел. С.-Петербург, 1891. С. 200–210.

Sbornik pograniichnykh dogovorov, zakliuchennykh s sosednimi gosudarstvami. Izdano po rasporyazheniiu g. ministra inostrannykh del [Collection of Border Treaties Concluded with Neighboring States. Issued by the Order of the Minister of Foreign Affairs.]. St. Petersburg, 1891. P. 200–210.

Использованная литература

Беломор, 1897: Беломор А. Тсу-симский эпизод // Русский Вестник 1897. Т. 248. № 4 и № 5.

Belomor A. Tsu-simskii epizod [Tsushima Incident] // Russkii Vestnik [Russian Reporter 1897. Vol. 248. № 4 & № 5].

Болгурцев, 1993: Болгурцев Б. Н. Стратегическая ошибка князя Горчакова // Гангут. № 5. СПб., 1993. С. 76–78.

Bolgurtsev B. N. Stratedicheskia oshibka kniazia Gorchakova // Gangut. № 5. SPb., 1993. P. 76–78. [Duke Gorchakov's Strategic Mistake] // Gangut. No. 5. St. Petersburg, 1993. P. 76–78.

Кутаков, 1988: Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 144–145.

Kutakov L. N. Rossia i Yaponiya [Russia and Japan]. Moscow, 1988. P. 144–145.

Морской, 1993: Морской энциклопедический словарь. В 3 томах. Т. 2. М., 1993. С. 215.

Morskoi entsiklopedicheskii slovar'. V 3 tomakh. T. 2 [Marine Encyclopaedic Dictionary]. In 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg, 1993. P. 215.

Накамура, 1983: Накамура Синтаро. Японцы и русские: Из истории контактов. М: Прогресс, 1983. С. 199–200.

Nakamura Shintaro. Yapontsy i russkie: iz istorii kontaktov [Japanese and Russians: from the History of Contacts]. Moscow: Progress, 1983. P. 199–200.

Неофициальный, 1907: Неофициальный отдел. Вице-адмирал Иван Федорович Лихачев. (К пятилетию со дня смерти) 1907 15/XI 1912 // Морской сборник. И.Д. Редактора — лейтенант Житков. Том

CCCLXX, № 11, ноябрь. СПб., 1912.

Neofitsial'nyi otдел. Vitse-admiral Ivan Phedorovich Likhachev. (K piatiletiiu so dnia smerti) [Unofficial section. Vice-Admiral Ivan Phedorovich Likhachev. (To the Fifth Year from the Day of his Death)] 1907 15/XI 1912 // Morskoi sbornik. Acting editor — Lieutenant Zhitkov]. Vol. CCCLXX, No. 11, November. St. Petersburg, 1912.

Несколько, 1856: Несколько слов о Владимире Алексеевиче Корнилове. Статья И. Лихачева // Морской сборник. Т. XXII. № 7. Май. СПб., 1856. III. Часть неофициальная. С. 272–286.

Neskol'ko slov o Vladimere Alekseeviche Kornilove. Stat'ia I. Likhacheva [Several words about Vladimir Alekseevich Kornilov. The article of I. Likhachev] // Morskoi sbornik Vol. 22. No. 7. May. St. Petersburg, 1856. Pt. 3. Unofficial section. P. 272–286.

Русский, 1914: Русский биографический словарь. Лабзина-Лященко. СПб., 1914. С. 480–482.

Russkii biograficheskii slovar'. Labzina-Lyachshenro. [Russian Biographical Dictionary. Labzina-Lyachshenro]. St. Petersburg, 1914. P. 480–482.

Служба, 1888: Служба генерального штаба во флоте // Русское судоходство. Еженедельный журнал. № 24. СПб., 1888. С. 3–44.

Sluzhba general'nogo shtaba vo flote [General Staff Service in the Navy] // Russkoe sudohodstvo. No. 24. St. Petersburg, 1888. P. 3–44.

Смирнов, 2017: Смирнов В. Г. Цусимский проект И. Ф. Лихачева. 1860–1904 // Нитиро канкэй сирё: о мэгуру кокусай кэнкю: сю:кай. ёко:сю: 2017-нэн 5-гацу 23-нити (日露関係史料をめぐり国際研究集

会。予稿集。2017年5月23日 = Научная международная конференция, посвященная историческим материалам по российско-японским отношениям. Сборник статей. 23 мая 2017 г.). Токио, 2017. С. 41–58.

TSusimskii proekt I. F. Likhacheva. 1860–1904 [The Tsushima project of I. F. Likhachev. 1860–1904] // 日露関係史料をめぐる国際研究集会。予稿集。2017年5月23日 = International Scientific Conference Dedicated to Historical Materials on Russian-Japanese Relations. Collection of Articles. May 23, 2017. Tokio, 2017. P. 41–58.

Файнберг, 1960: *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. С. 193–197.

Fainberg E. Ya. Russko-yaponskie otnosheniya v 1697–1875 gg. [Russian-Japanese Relations, 1697–1875]. Moscow, 1960. P. 193–197.

Хоя, 2004: *Хоя То:ру* 保谷徹. О:руккокку-ва Цусима сэнрё:-о иванакатта-ка 1861 нэн Посадоникку дзикэн-ни окэру эйкоку-но тайо:-ни цуитэ (オールコックは対馬占領を言わなかったか — 1861年ボサドニック号事件における英国の対応について — Олок не говорил о занятии острова Цусима? — О реакции Англии на инцидент с “Посадником” в 1861 г.) // *Рэкисигаку кэнкю*: (歴史学研究 = Исторические исследования), № 796. 2004–12. С. 16–21.

保谷徹. Оオールコックは対馬占領を言わなかったか — 1861年ボサドニック号事件における英国の対応について = Didn't Alcock Mention the Occupation of Tsushima Island? — About the Reaction

of England to the Incident with the “Posadnik” in 1861 // *歴史学研究* = Historical researches, No. 796. 2004–12. P. 16–21.

Черевко, 2010: *Черевко К. Е.* Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII — начало XXI века). М., 2010. С. 314–316.

Chterecko K. E. Rossiya na rubezhah Yaponii, Kitaia i SSHA (2-ya polovina XVII — nachalo XXI veka. [Russia on the Borders of Japan, China and the USA (the Second Half of the 17th — early 21st century)]. Moscow, 2010. P. 314–316.

Энциклопедический, 1997: *Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии.* В 12 томах: т. 6. М., 1997. С. 736–737.

Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauz i Efron: Biografii [Encyclopedic Dictionary Brockhaus and Efron: Biographies]. In 12 vols. Vol. 6. Moscow, 1997. P. 736–737.

Ясуда, 1995: *Ясуда Ко:ити* 保田孝一. Бункю: ган-нэн-но тайро гайко:-то Си:боруто (文久元年の対露外交とシーボルト = Внешняя политика по отношению к России в первом году эры Бункю: и Зибольд). Окаяма, 1995.

保田孝一. 文久元年の対露外交とシーボルト = Foreign Policy towards Russia in the First Year of the Bunkyu: Era and Siebold. Okayama, 1995.

Lensen, 1950: *Lensen George Alexander* Early Russo-Japanese Relations // *The Far Eastern Quarterly*, Vol. 10. No. 1 (Nov., 1950). P. 37.

ADMIRAL IVAN FEDOROVICH LIKHACHEV (1826–1907) (HALF-FORGOTTEN NAMES)

Vadim Yu. KLIMOV

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

The article is dedicated to the life-service to the Motherland by Ivan Phedorovich Likhachev (1826–1907). From his childhood, he was accustomed to everyday work, mental and physical. He graduated from Maritime Institute. During the Crimean War (1853–1856) at the age of 27–28 I. F. Likhachev was a flag officer under V. A. Kornilov (1806–1854). The first appearance of significant Russian forces in the Pacific Ocean is associated with his name. On November 2, 1860, to a large extent thanks to the efforts of Ivan Phedorovich, the Beijing Treaty was concluded. According to the treaty Russia was recognized the right to own the Amur and Ussuri Territories. On May 21, 1860, Likhachev sent a memorandum to the Admiral General, in which he pointed out the strategic importance of Tsushima Island. He offered to get ahead of British, who were striving to establish a naval base there. Ivan Phedorovich is a bright representative of the glorious Likhachev family, who left a deep mark on science and military labor.

Key words: Admiral Ivan Fedorovich Likhachev, squadron of Russian ships under Likhachev's command in the Pacific Ocean, strategic position of Tsushima Island, Tsushima incident, Russian-Japanese relations.

About the author: **Vadim Yu. KLIMOV**, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (klimovvadim26@gmail.com). ORCID: 0000-0002-0182-3872.

А. М. МОКЕЕВ

Кыргызско-Турецкий университет «Манас»

К. БЕЛЕК

Кыргызско-Турецкий университет «Манас»

Н. АБДИМИТАЛИП УУЛУ

Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Ошский государственный университет

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БУДДИЗМА СРЕДИ КЫРГЫЗОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В статье на основе сопоставительного изучения сведений письменных источников с данными археологии, эпиграфики, этнографии, материалов кыргызского языка, и фольклора рассматриваются основные этапы распространения буддизма в Кыргызстане в эпоху средневековья. Особое внимание уделяется доисламским верованиям кыргызов, среди которых определенное место занимали пережитки буддизма. Показаны основные формы распространения буддизма в Кыргызстане, где наряду с миссионерской деятельности проявлялись насильственные методы, в особенности, в период кратковременного правления найманского принца Кучлука, а также в эпоху Джунгарского ханства. Впервые уделяется внимание вопросам отражения отдельных положений буддизма и некоторых терминов из санскрита в кыргызском языке, а также в фольклоре кыргызского народа.

Ключевые слова: Кыргызстан, буддизм, ламаизм, манас, кут, монах (лама), религия.

Об авторах:

МОКЕЕВ Анварбек Мокеевич, доктор исторических наук, профессор отделения истории, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Бишкек, Кыргызстан) (anvar.mokeyev@manas.edu.kg). ORCID: 0000-0002-0381-6975.

БЕЛЕК Кайрат, Ph.D. (Philosophy), старший преподаватель, и. о. доцента отделения истории, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Бишкек, Кыргызстан) (kairat.belek@manas.edu.kg). ORCID: 0000-0003-0495-9182.

АБДИМИТАЛИП УУЛУ Нурсултан, докторант, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Бишкек, Кыргызстан); преподаватель, Высшая школа международных образовательных программ Ошского государственного университета (Ош, Кыргызстан) (abdimalipuuulu@oshsu.kg). ORCID: 0000-0002-5651-5236.

© ИВР РАН, 2023

© Мокеев А. М., Белек К.,

Абдимиталип уулу Н., 2023

Одной из актуальных проблем истории культуры Центральной Азии в целом, и Кыргызстана в частности, является история распространения буддийской религии в этом регионе в древности и средневековье. Несмотря на наличие значительной литературы по данной проблеме, вопросы распространения буддийского учения среди кыргызов Южной Сибири в древности и кыргызского народа Средней Азии в эпоху средневековья остаются недостаточно разработанными. Это связано с фрагментарностью и противоречивостью сведений письменных источников о проникновении и

распространении буддизма в Кыргызстане. К тому же некоторые материалы кыргызского языка и литературы, где нашли отражение отдельные понятия буддийского учения, до сих пор практически не привлекались для освещения рассматриваемой проблемы.

Исходя из этого, в настоящей статье принята попытка проследить основные этапы распространения буддизма в Кыргызстане в средние века на основе сопоставительного анализа отрывочных сообщений письменных источников, данных этнографии, археологии, а также материалов кыргызского языка и

фольклора, где нашли отражение некоторые термины буддийского учения, привлечены также отдельные слова социально-экономического значения, заимствованные из санскрита.

Центральная Азия, издревле являясь важнейшим узлом Великого Шёлкового пути, всегда выступала мостом между Востоком и Западом, где пересекались люди, товары и идеи с разных концов Евразийского континента — Европы, Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии. Вплоть до монгольских завоеваний Центральная Азия была одним из самых экономически и культурно развитых регионов мира.

В середине II века Кушанская империя расширилась в Центральную Азию и дошла до Кашгара, Хотана и Яркенда в Таримской котловине, современного Синьцзяна [Бируни, 1995. С. 66, 545].¹ Как следствие, значительно расширился культурный обмен, и буддийские миссионеры из Индии начали подвижническую деятельность в южных и юго-западных регионах Центральной Азии, где они особенно отличались своей переводческой работой буддийских канонических текстов на местные языки. Из Средней Азии учение Будды, а вместе с ним идеи и произведения индийских и среднеазиатских ученых, художников, ремесленников распространились в Восточный Туркестан и далее — на Восток, обогатив материальную и духовную культуру народов Центральной Азии, Китая, Кореи и Японии [Восточный, 1992. С. 427; Tremblay, 2007. Р. 84–88].

На годы тибетского владычества в Восточном Туркестане в VIII–IX вв. приходится утверждение буддизма и в Тибете. Большую роль в этом сыграла возможность познакомиться тибетцам с крупнейшим китайским буддийским центром в Дунхуане и перенять

опыт организации библиотечного дела и размножения буддийских текстов.²

Примерно в этот же период происходит проникновение в Восточный Туркестан кыргызов Южной Сибири, которые уже в VIII в. появились в районах к северу от Куку-Нора и на северо-востоке Тибета среди племен туюхунь в местности Хаза [Thomas, 1927. Р. 817; Бернштам, 1956. № 4]. Во второй половине IX в. кыргызы на некоторое время сумели установить свой контроль над городом Пенчул, по местоположению соответствующему современному Уч-Турфану [Бартольд, 1963. С. 492]. Представляется, что здесь предки кыргызов впервые стали знакомиться с основами буддизма.

Определенную информацию о том, что древние кыргызы были приобщены к индо-буддийской культуре на исторической родине в Южной Сибири, дают памятники материальной культуры. Так, в Туве, на землях бывшего Уйгурского (VI–IX вв.), затем Кыргызского (IX–X вв.) каганатов, а также в монгольское время существовали буддийские храмы с квадратными залами и монументальными скульптурами будды и бодхисатв, часовни и пагоды, нарисованные на скалах изображения божеств, которых чтили кыргызы, проживавшие там наряду с монголами и бурятами. Это почтение к индийским богам сохранялось у кыргызов и в последующие века [Горячева, 2017. С. 39]. Как показывают памятники письменности древних кыргызов, в этот же период буддийские мотивы появляются в кыргызских эпитафиях на енисейских стелах [Арсланова и Кляшторный, 1973. С. 315; Восточный, 1992, 339].

В этом отношении представляет большой интерес сообщение персидского автора XI в. о том, что «киргизы подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: огонь-самая чистая вещь, все, что попадает в огонь очищается» [Бартольд, 1973. С. 48]. Хотя обряд кремации покойников у кыргызов Южной Сибири существовал гораздо раньше до распространения

¹ Выдающийся ученый и мыслитель средневековья Абу Рейхан Бируни утверждал, что в древние времена в Хорасане, Фарсе и Ираке вплоть до границ Сирии была распространена буддийская религия. Эта ситуация сохранялась до той поры, пока Заратуштра не стал проповедовать здесь маздеизм. Однако по справедливому замечанию А. Б. Халидова, реформа Заратуштры имело место гораздо раньше зарождения буддизма в Индии, и версия о вытеснении буддизма из указанных стран зороастризмом совершенно невероятна.

² Как будет показано ниже, именно тибетские монахи в XVII–XVIII вв. при поддержке джунгарских правителей предпринимали попытки распространения среди кыргызов Тянь-Шаня и других народов Средней Азии буддизм ламаистского толка.

буддизма в этом регионе, указание Гардизи на связь этой традиции с индусами намекает на вероятность определенного влияния буддизма на культуру кыргызов в IX–X вв., когда они вышли на широкие просторы Центральной Азии, включая регион Восточного Туркестана [Мокеев и Жапаров, 2022. С. 148–156].

В Центральной Азии до прихода буддизма был очень развит культ зороастризма, поэтому индийская религия тесно переплелась с иранским верованием огнепоклонников. Общие с зороастризмом традиции встречались в хинаянском направлении буддизма, которое процветало в Бактрии, Согдиане и Куче. По мнению специалистов, есть вероятность, что буддийские миссионеры вели активную пропаганду в Монголии уже в эпоху Жужаньского (Аварского) каганата [Porció, 2015. P. 19], перенявшего смесь хотанского буддизма, на который оказали сильное влияние иранская культура и зороастризм [Liu, 2011. P. 55–81].

В середине VI века Жужаньский каганат пал перед натиском восточных тюрков. Новые властелины Центральной Азии сохранили религию, которую обнаружили в пределах завоеванного государства. В это же время на территории Тюркского каганата стали появляться буддийские храмы, где осуществлялись переводы большого количества буддийских текстов на древнетюркский язык. В самом раннем памятнике тюркской государственности, согдоязычной Бугутской надписи (ок. 582 г.), упомянуто создание Таспар-каганом «великой новой Сангхи», т. е. буддийской общины. По определению известного российского тюрколога С. Г. Кляшторного, в буддизме, тюркские каганы видели ту форму универсальной религии, которая могла помочь созданию идеологической общности в весьма разнородной по этническому составу державе [Кляшторный, 1973. С. 263; Восточный., 1992. С. 339].

Первые шаги для официального внедрения буддизма в религиозную практику тюрков были сделаны Мухан-каганом (553–572). Однако лишь Таспар-каган придал буддийской миссии размах, который смог обеспечить сторонникам этой религии культурный и политический приоритет в каганской ставке. При нем согдийца-

ми были переведены на тюркский язык и записаны отдельные сутры [Кляшторный, Лившиц, 1971. С. 140].

Исследователи обращают внимание на роль правящей элиты кочевых народов Евразии в распространении мировых религий в степи. В этой связи А. Хазанов отмечает, что переход рядовых кочевников к новой универсальной религии происходил только после принятия ее кочевой элитой. Это занимало довольно длительный период, и, как правило, сопровождалось острыми внутренними распрями на религиозной почве [Khazanov, 1994. P. 15].

Данный процесс можно проиллюстрировать на примере идеологической борьбы между правителем Второго Восточнотюркского каганата Бильге-каганом и его мудрым советником Тоньюкуком, которую те вели в вопросах распространения буддизма среди кочевых тюркских племен. Бильге-каган, исходя из внешнеполитических соображений, оказывал покровительство буддийским монахам из Китая, тогда как Тоньюкук считал, что буддизм не соответствует военному духу и образу жизни кочевников и, следовательно, не сможет являться основой государства [Дашковский, 2009. С. 68]. В данном случае Бильге-каган последовал разумному совету Тоньюкука, и спор решился мирным путем; в то же время буддизм стал закрепляться в Западнотюркском каганате, где шел процесс перехода тюркских племен к оседлой и городской жизни под влиянием многочисленных колоний согдийского населения. На происхождение и развитие древнетюркской скульптуры-каменных балбалов большое влияние оказали канонизированные образы буддийского искусства, которые в значительной мере были распространены прежде всего в согдийском искусстве. По мнению археологов, древнетюркский изобразительный канон корнями уходит в буддийскую иконографию, где каждый жест имеет определённый смысл [Кубарев, 1984].

Буддийские монахи из Индии быстро усвоили согдийский алфавит, который широко применялся среди тюркских народов Центральной Азии, что в немалой степени способ-

ствовало распространению учения буддизма в степи [Бартольд, 1968. С. 27]. Благодаря тому, что на Великом Шелковом пути преобладали согдийцы, именно они и стали первыми монахами в многочисленных монастырях и храмах во владениях Тюркского каганата [Tremblay, 2007. P. 107–108].

Основной чертой буддизма древних тюрков стало его обращение к простым людям, а также включение в пантеон Будды местных — шаманских и зороастрийских божеств, что также способствовало широкому распространению в степи этой религии. Немаловажную роль сыграло также толерантное отношение правителей древнетюркских правителей представителям различных религий, включая буддизм. В связи с этим некоторые свободные исследователи считают, что, возможно, буддизм — это более осмысленное тенгрианство. Предполагается, что даже основополагающая идея учения буддизма о реинкарнации была заимствована у тенгрианства, что научно не доказано [Никонов, 2014].

Относительно главных проводников идеи буддизма в Семиречье среди исследователей нет единого мнения. Некоторые ученые предполагают, что большую роль в этом сыграли буддисты-паломники из Северной Индии, тогда как, другие отдают предпочтение согдийским колониям, расположенным вдоль Великого Шелкового пути. Нам представляется более аргументированным мнение Т. К. Мкртычева, который считает, что эту роль выполняли буддисты из Китая, поскольку победа арабов над китайцами в Таласской битве 751 году имела фатальное значение не только для китайской политики в западном крае, но для большой буддийской общины в самом Согде [Мкртычев, 2002. С. 42].

На это указывает и визит китайского монаха Сюань-Цзая в 630 году в Западнотюркский каганат, где он был принят Тон Ябгу каганом, а также сообщение китайских письменных источников, рассказывающих о строительстве буддийского монастыря Даюнь в Суябе (Ак-Бешиме), который являлся неотъемлемой частью китайского оборонительного сооружения — гарнизона в Чуйской долине [Forte, 1994. P. 41–57].

Действительно, более близкий круг знакомства с памятниками буддийской культуры Кыргызстана уводит нас к северным регионам Китая, а именно — к буддийским скульптурам Северной Цзинь (550–577), Северной Вэй (553–557), (550–577), Северной Чжоу (557–581) и династии Тан (618–907). В скульптуре этих китайских династий кроме основных персонажей буддизма, их поз, оформления деталей характерно присутствие симметрично расположенных львов в одинаковых позах. В этой связи представляет большой интерес буддийская плита, найденная на городище Ак-Бешим в 1987 г. и переданная в музей-лабораторию Кыргызского национального университета [Табалдиев, 1988. С. 371–373]. Учитывая схожесть мотивов и техники их изготовления, можно предположить, что плита из Ак-Бешима связана с деятельностью носителей северокитайской буддийской культуры. Об этом свидетельствует буддийская стела из белого мрамора, из Китая, датированная 678 годом, которая хранится в Королевском музее Онтарио и другая плита из коллекции провинциального музея Шанси (Shanxi) с изображением Шакьямуни и сопровождающими персонажами [Haussig, 1988. P. 174; Brinker, 1998; Selections., 1989. P. 24; Vollmer et al., 1983. P. 236; Liu, 1999. P. 49].

Исходя из культовой практики на сопредельных территориях, политической и религиозной ситуации в регионе, можно предполагать следующие пути проникновения буддизма на территорию Кыргызстана. Характерно, что представители каждого религиозного направления через своих последователей, миссионерской деятельности паломников расширяли свое влияние. В сферу подобного влияния буддистов попадает Чуйская долина, где имелись десятки одиночных городов, подчиненных тюркам, и где жили торговцы из разных стран, а также местные согдийцы и осевшие тюркские племена. Для того, чтобы обеспечить свое политическое влияние в Чуйской долине танские власти Китая были очень заинтересованы в распространении здесь буддийской религии.

При распространении буддийской культуры на север и запад китайская власть старалась использовать различные средства. В этом пла-

не представляет оределенный интерес следующее известие китайского источников о том, что в 574 г., «согласно пожеланию одного из тюркских каганов, император Северного Цзин приказал буддийскому монаху перевести на язык тюрков «Нирвана сутру» и распространить ее перевод среди них, дабы способствовать обращению тюрков в буддизм» [Васильев, 1983. С. 11]. Как видно, религиозная пропаганда среди тюрков осуществлялась не только миссионерским путем, но и через переводную литературу, составленной, очевидно, на согдийском и тюркских языках, по просьбе грамотных представителей политической элиты Древнетюркского каганата.

После VII века, когда в регион пришли арабы-мусульмане, буддизм постепенно стал терять свои позиции, уступая место исламу [Бартольд, 1968. С. 60].³ Тем не менее, на территории Кыргызстана при археологических раскопках открыты буддийские храмовые постройки VIII–X вв., когда здесь основной религией населения была ислам — на городище Ак-Бешим выше Токмака, на Краснореченском городище, на городище древнего Джуля и др. [Джумагулов, 1982. С. 47]. Выявленные в Чуйской долине развалины буддийских монастырей и храмов в Краснореченской и Ак-Бешимской городищах показывают, что последователи буддизма сумели сохранить здесь свои религиозные центры, которые мирно сосуществовали с мусульманскими общинами Семиречья. Об этом красноречиво свидетельствует сообщение сочинения арабского географа X в. ал-Макдиси «Ахсан ат-такасим фи-марифат ал-акалим», где отмечается, что в Невакете преобладают неверные, а его султан мусульманин [Волин, 1960. С. 82]. В мусульманских сочинениях этой эпохи «неверными» из числа городских жителей Семиречья назывались, как правило, буддисты, а христиан и иудеев обозначали термином *зимми*.

³ По определению академика В. В. Бартольда буддизм исчез под влиянием ислама не бесследно, по-видимому, в подражание буддийской вихаре возник тип мусульманский высшей богословской школы-медресе, которая упоминается прежде всего на восточной окраине мусульманского мира и только в XI в. появляется в западном Иране и в столице халифата, Багдаде.

Со временем, когда в середине X в. в Караханидском государстве ислам становится государственной религией, правители этого каганата начали священную войну против неверных (газават) кочевых племен, проживавших на востоке Семиречья, а также уйгуров-буддистов региона Бешбалыка с центром в городе Турфан (Кочо). Некоторые подробности этой войны приводятся в сочинении «Диван лугат ат-Тюрк» Махмуда Кашгарского, согласно которому караханидские войска совершали походы до региона Минглак, а также города Катун Сыны, расположенного на границе государства Тангутов. По рассказам автора, во время походов был взят город Кочо и разрушены буддийские храмы уйгуров [Кляшторный и Султанов, 2009. С. 156–157; Dankoff, 2008. P. 27; Dust., 2006. P. 479; Мудрак, 2012. С. 7–46; Genç, 1981. S. 58–59]. Судя по всему, именно тогда пришли в упадок и центры буддийской культуры, расположенные в Чуйской и Илийской долинах Семиречья.

Рис. 1: Общий вид на городище Невакет. Красная речка, Кыргызстан. Фото археолога К. Табалдыева.

Рис. 2: Древний буддийский храм в Красной речке (Невакет). Источник фото: <https://kg.akipress.org/news:1919537?place=share-fab>

Памятники буддийской культуры Кыргызстана известны по данным раскопок развалин буддийских храмов, исследованных на средневековых городищах Ак-Бешим (Суяб) и Красная речка (Невакет) (Рис. 1–2). Результаты археологических исследований опубликованы в виде монографий и научных статей, в которых содержатся детальные характеристики результатов раскопок [Труды., 1950. С. 48–55, 131–133; Кызласов, 1959. С. 160–227; Кызласов и др., 1959. С. 514–561; Зяблин, 1961; Кожемяко, 1989. С. 17–24, 73–78; Горячева и Перегудова, 1983. С. 167–195].

В последние годы круг памятников буддийской культуры на территории Кыргызстана и на сопредельных территориях расширяется. Организуются совместные экспедиции с зарубежными специалистами и готовятся оригинальные публикации [Hayashi, 1996. С. 154–178]. Изыскания исследователей сосредоточены на изучении архитектуры и элементов буддизма, поиске направлений проникновения буддизма на территорию современного Кыргызстана, особенностях буддийских памятников этого региона, изучении вопросов идейно-художественного и стилистового порядка и т. д.

Здесь обнаружены остатки древнего города Невакет (Новый город), одного из крупных городов на Великом Шелковом Пути, который существовал в VI–XII веках. Невакет был

крупным торговым и культурным центром всего региона Семиречья. Через него проходила северная ветвь Великого Шелкового пути. Со второй половины XII века город стал приходить в упадок и к началу монгольских завоеваний практически опустел. Несмотря на то, что в отличие от Согда, позиции буддизма, как и христианства в Семиречье были сильны, но они не занимали государственного статуса ни у согдийских, ни у тюркских правителей городов [Горячева, 2017. С. 45].

Тем не менее центры буддийской культуры продолжали существовать в Семиречье и в монгольский период [Горячева, 1988. С. 48; Ведутова, 2015. С. 125–133]. В середине XIII века о трех буддийских храмах северо-восточного Семиречья сообщает Гийом де Рубрук — посол Людовика IX к монгольскому хану Мункэ. В этих храмах богослужение осуществляли уйгуры-буддисты [Путешествия., 1993. С. 111–113; Бартольд, 1968. С. 108].

Как показывают материалы археологии и сведения письменных источников, возрождение буддизма в Семиречье в предмонгольский период было связано с вторжением сюда из Монголии каракитаев, а затем найманов во главе с Кучлуком. Анализ археологических материалов позволяет говорить, что новый этап буддизма в Кыргызстане начался с приходом каракитаев в XII в. [Кольченко, 2019: 162–163].

Рис. 3-4-5. Золотая маска, сетчатый костюм и череп со следами сильно зелеными отметинами. Источник: [Biran et al., 2023. P. 24–25].

В этом отношении представляет большой интерес, вновь открытый в 2017–2018 годах в Кочкорской долине Кыргызстана подземный мавзолей-усыпальница членов семьи каракитайской знати, тела которых были обернуты медными проволоками, что является характерной особенностью киданьских захоронений Восточной Монголии. Детальный анализ всей совокупности обнаруженных предметов сопроводительного инвентаря мавзолея свидетельствует о принадлежности семейной четы к буддийской конфессии Семиречья второй половины XIII в. [Табалдиев и др., 2019. С. 48–69; Biran et al., 2023. P. 1–33] (Рис. 3–4–5).

Но наиболее сильный всплеск распространению буддизма в Семиречье относится кратковременному периоду правления здесь найманского принца Кучлука в начале XIII в., который захватил власть у каракитайского Гурхана. Автор сочинения XVI в. «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммед Хайдар со ссылкой на «Тарих-и Джахангушай» Джувейни (XIII в.) описывает ожесточенную борьбу между Кучлуком и Гурханом каракитаев, в которой первый одержал победу. Кучлук захватил Кашгар и Хотан, его племена расселились по Эмилю и Каялыку. Затем он принудил жителей этих регионов отказаться от религии Мухаммеда и выбрать другую религию. «Люди, — пишет Мухаммед Хайдар, — выбрали одежду китайскую», то есть буддизм [Хайдар, 2016. С. 396]. По-видимому, к этому времени и относится строительство буддийского храма в Каялыке [Бартольд, 1968. С. 108; Мухтарова и Железняков, 2021. С. 145–160].

По сведениям автора сочинения на персидском языке, «Мунтахаб ат-таварих Муини» Муин ад-Дина Натанзи, еще в первой половине XIV в. правитель Чагатайского улуса Дженкши устраивал в орде передвижные капища, и с одобрения уйгурских писцов (бахши) повелел во всех мечетях Мавераннахре и Уйгуристана установить изображения идолов [Натанзи, 1957. С. 112]. Он также активно покровительствовал буддийским жрецам и имел сношения с китайским правительством [Бартольд, 1968. С. 77]. Из-за симпатии к идолопоклонникам, Муин ад-Дин Натанзи и другие мусульманские

авторы обвиняли Дженкши в вероотступничестве, хотя достоверно не известно был ли он правоверным мусульманином. Сообщения источников о роли уйгурских бахши в организации передвижных капищ идолов в Средней Азии и Восточном Туркестане, а также о тесных связях Дженкши с Китаем ясно показывают о намерениях этого правителя поднять статус буддизма в регионе в угоду интересам кочевой элиты восточной части Чагатайского улуса.

Подобная религиозная политика Дженкши, направленная на повышение статуса буддизма среди других религиозных конфессий Семиречья была продиктована тем, что он пришел к власти после очередного дворцового переворота в Чагатайском улусе, устроенного кочевой элитой, которая сопротивлялась против всевозрастающего влияния оседлой культуры и исламской религии. Тем не менее, с течением времени во второй половине XIV века происходит возрождение религии ислама в государстве Моголистан в состав которого входила и территория Кыргызстана, где значительная часть кочевых племен кыргызов той эпохи продолжала сохранять древние верования шаманизма, манихейства, а также буддизма [Мокеев, 2010. С. 168].

Только благодаря активной миссионерской деятельности суфийских отшельников мощного и разветвленного ордена Накшбандия была предпринята попытка покончить с остатками буддизма и шаманизма в Восточном Туркестане. Однако несмотря на усилия подвижников ислама, определенная часть кочевого населения Семиречья еще долго оставалась под влиянием буддизма и других традиционных верований древности [Нуртазина, 2000. С. 80].

В агиографическом сочинении XVI века «Зийа ал-кулуб» (Сияние сердец) Мухаммеда Аваза при описании миссионерской деятельности известного подвижника ислама Ходжи Исхака среди кыргызских племен Тянь-Шаня встречаются заслуживающие внимания подробности, например, о доисламских верованиях кыргызов. В частности, рассказывается о поклонении кыргызов перед идолом с человеческим обликом, изготовленным из

серебра и повешенного на дереве. Вокруг него были расположены другие идолы в количестве двух тысяч, вытесанные из дерева и камня [Материалы., 1973. С. 183]. Известный исследователь этнографии кыргызского народа С. М. Абрамзон рассматривал эту информацию автора «Зийа ал-кулуб» только как пережитки фетишизма и культа онгонов у кыргызов, которые для изготовления онгонов использовали серебро, камень и дерево. А серебряного идола он считал, как антропоморфной формой изображения онгона- фетиша [Абрамзон, 1971. С. 204].

Однако более внимательное исследование вышеприведенной информации «Зийа ал-кулуб» на основе анализа сведений аутентичных источников показывает, что настоящий идол с человеческим обликом, которому поклонялись кыргызы, фактически является пережитком буддизма в сочетании с некоторыми деталями древнего фетишизма.

По словам автора сочинения, название того идола, сделанного из серебра, было *طالبية جقر* «талбийа-и джакар». В свое время, извлечения из этого источника были опубликованы в первом выпуске сборника «Материалы по истории киргизов и Киргизии» (Москва, 1973 г.) под редакцией В. А. Ромодина. Автор перевода этих извлечений З. Н. Ворожейкина в примечании отмечала, что название идола «в тексте сочинения *т.л.бйа(йи) дж.к.р*; расшифровать настоящий термин пока не удалось, и его чтение может быть только предположительным» [Материалы., 1973. С. 183].

Позже известный востоковед Т. И. Султанов в своей рецензии на вышеупомянутый сборник, опубликованной в журнале «Народы Азии и Африки» предложил альтернативное чтение названия серебряного идола, опираясь на текст ташкентского списка рукописи «Зийа ал кулуб», где этот термин читается как *تلبیسہ حقیر* «талбиса-и хакир» [Султанов, 1976. С. 193–194]. Исходя из этого, Т. И. Султанов расшифровал его как термин в значении «презренный обман», что не соответствует к контексту вышеприведенной информации о серебряном идоле с человеческим обликом, которому поклонялись кыргызы.

Представляется, что ключ к правильному чтению этого термина можно найти в работе выдающегося французского синоведа П. Пелльо «А propos de Tokharien», где он отмечает, что у уйгуров Восточного Туркестана имеется слово в форме «čäkür» и употребляется ими в значении «шпиль буддийского надгробного памятника» [Pelliot, 1936. Р. 284]. Поскольку сочинение «Зийа ал-кулуб» было написано в уйгурской среде Восточного Туркестана, представляется вполне возможным употребление этого термина для обозначения буддийского идола с человеческим обликом, которому поклонялись отдельные группы кыргызов до принятия ими религии ислама.

Следует отметить, что вышеприведенная информация «Зийа ал-кулуб» относительно устройства капища кыргызов практически полностью совпадает с описанием буддийского идола у калмаков Джунгарии в первой четверти XVIII века в дневнике российского посла Ивана Унковского при ставке правителя Джунгарии. В этой связи И. Унковский пишет, что «7-июня 1723 г. Хунтайши (Цеван Рабдан) принял личное участие в церемонии поклонения буддийским идолам в присутствии огромного количества народа. Для отправления молитвы была подготовлена большая площадь, где на вершинах деревянных столбов были повешены изображения и скульптуры буддийских идолов. Напротив, главного идола поставили стол, а на четырех углах этого стола стояли многочисленные мелкие идолы, вытесанные из различных камней» [Посольство Унковского, 1887. С. 95–96; Buyar, 2012. S. 105–106].

Эта информация Ивана Унковского о буддийских идолах калмаков Джунгарии абсолютно созвучно с вышеприведенным сообщением автора «Зийа ал-кулуб» о капище отдельной группы кыргызов Тянь-Шаня до начала принятия ими религии ислама, и не оставляет сомнения в буддийском характере доисламских верований этих кыргызов. Поэтому мы предлагаем читать вышеприведенное название главного идола кыргызов как «талбийа-и джекур», что буквально означает «идолопоклонник». Очевидно, вышеизложенное Т. И. Султановым чтение данного текста «Зийа ал-кулуб» связано с

ошибкой, допущенной переписчиком ташкентского списка этого сочинения.

Следующий, третий этап развития буддизма в нашем регионе связан с экспансией Джунгарского ханства (1635–1757 гг.) и стремлением джунгарских феодалов завоевать земли Кыргызстана и Казахстана. Джунгары, будучи ревностными адептами ламаистского толка буддизма, стали активно строить в вновь захваченных территориях оборонительные сооружения из кирпичных и сырцовых построек, которые как правило использовались одновременно в качестве храмами и кумирнями, а также жилыми помещениями для лам-представителей буддийского духовенства [Аныракайский., 2008. С. 35].

Однако, судя по полевым материалам, собранным российским путешественником и этнографом П. С. Палласом среди калмыков Поволжья во второй половине XVIII в., и опубликованным в его книге «Собрания исторических сведений о монгольских народностях», монастыри и моленные дома калмаков, как правило, размещались в переносных юртах, изготовленных из легких конструкций (Рис. 6) [Pallas, 1776. P. 154–155]. О существовании стационарных и юрточных кумирнях в Джунгарии в рассматриваемый период показывает карта, составленная в 1716–1733 годах, где нанесено около 50 буддийских храмов и монастырей. Основа этой карты была выполнена в конце XVII — начале XVIII веках европейски-

ми иезуитами, служащими при дворе Цинского императора Канси, и затем после приобретения ее копии джунгарами во время войны с китайскими войсками была дополнена шведским офицером Ренатом, находившимся в калмакском плену [Baddeley, 1912].

По сведениям аутентичных источников, джунгарские правители не ограничивались захватом новых земель, а попутно пытались обратить в буддизм попавших в плен детей кыргызов, передавая их на попечение ламаистских монахов. Автор биографии крупного буддийского религиозного деятеля и просветителя калмаков Джунгарии Зая Пандиты Сакбон Раднабатор при описании результатов очередного похода джунгарского войска под предводительством Цецен-хана зимой 1652 года против (бурутов) кыргызов Тянь-Шаня сообщает: «...покорив бурутов прибыл Цецен-хан. В этом походе, в семнадцать лет, Галдамба поразил Янгир-хана. В честь умершей матери Цецен-хан приказал собрать 100 мальчиков, из них 50 подарил хутухте для посвящения их в банди. Других подарил Ачиту Цорджи и прочим ламам, хуvaraкам отдал в банди 100 бурутских мальчиков из 100 отоков» [Раднабатор, С. 37 Baddeley, 1912].⁴

⁴ *Хутухта* — святой, один из важнейших титулов, которые жалуются в Монголии буддийским *хубилганам* — «перерожденцам»; *Банди* — низшая монашеская степень в ламаизме, послушник; *Хуварак*-послушник буддийского монастыря, ученик ламы.

Рис. 6. Калмакский передвижной монастырь (Зарисовка из книги П. С. Палласа).

Этот интересный факт аутентичного источника о попытках обращения в буддизм пленных кыргызских детей со стороны военно-политической элиты Джунгарии находит косвенное подтверждение в материалах эпоса «Манас», где в рассказе о детстве Манаса говорится, что правитель калмаков, услышав о рождении среди кыргызов необыкновенного мальчика отправляет людей на поимки этого младенца-богатыря, вероятно, для обращения его в буддизм [Манас, 1. 1958]. В одном из вариантов эпоса «Манас», имеется также рассказ, где близкий родственник эпического героя, оставшийся среди калмаков Джунгарии, принимает религии буддизма: «Усен свое имя поменял, Назвали его Кезкаманом, Веру калмаков принял, Буркана, находящегося в углу, Стал называть своим богом». Как отсюда явствует, в эпосе термином Буркан называется изготовленный из бронзы идол, которому поклонялись некоторая часть кыргызов, принявшие веру калмаков [Манас, 2010. С. 253].

В связи с этим следует также отметить, что по сведениям аутентичных источников в результате одного из походов Галдан-Бошох-ту-хана (1678–1697) против южных казахов, кыргызов и городского населения Сайрама и Андижана, состоявшегося в 1683 году в ходе сражений в плен к нему попал и сын правителя Казахского ханства Тауке-хана, который был отправлен Галданом в Тибет к Далай-ламе с

целью обращения его в ламаизм [Материалы., 2000. С. 344; Ерофеева, 24.01.2023].

Как показывают вышеприведенные факты источников, буддийские монастыри Джунгарии и Тибета целенаправленно принимали в качестве послушников детей из числа попавших в плен мусульманского населения Семиречья с целью распространения ламаистского толка буддизма в Средней Азии [Мокеев, 2003. С. 172–173]. Попытки распространения буддизма в Кыргызстане со стороны джунгарской военно-политической элиты и высшего духовенства не ограничивалось воспитанием попавших в плен детей кыргызов в ламаистских монастырях в духе буддийской религии. В захваченных во время военных действий районах Кыргызстана ламаистская духовенство развернуло активную деятельность по увековечиванию основных положений буддийского учения и образы Будды путем изображения их на каменных валунах и скалах.

В северных районах Кыргызстана, которые в свое время оказались долгое время под оккупацией джунгаров, исследователи обнаружили многочисленные надписи священные для буддистов формулой на каменных валунах и на скалах тесных ущелий, расположенных вдоль рек и небольших речек. Эти надписи, высеченные на камнях, содержат слова «Ом мани падме хум» (Нет благодати выше лотоса, что буквально означает — О! Жемчужина в цветке лотоса!)» (Рис. 7–8).

Рис. 7. Общий вид памятника с буддийской надписью. Фото из книги [Табалдиев и Белек, 2008. С. 124].

Рис. 8. Надпись на камне с буддийской формулой «Ом мани падме хум». Зарисовка из книги [Табалдиев и Белек, 2008. С. 122].

На некоторых валунах и скалах, кроме надписи имеются также изображения Будды. Подобные надписи и изображения обнаружены практически повсеместно в Иссык-Кульской и Чуйской долинах Кыргызстана [Джумагулов, 1982; Табалдиев и Белек, 2008]. По определению знатока древностей Кыргызстана О.Пояркова, некоторые богатые тибетские буддисты содержали профессиональные артели лам-скульпторов, обязанность которых состояло в том, чтобы, странствуя с резцом по горам, долинам и пустыням, всюду вырезать священное изречение «Om mani padme hum» на камнях и скалах [Поярков, 1898. С. 61].

По словам О. Пояркова, все увиденные им буддийские надписи и изображения богов на Иссык-Куле, в ущельях Александровского хребта и в Чуйской долине, сделаны весьма тщательно и аккуратно, очевидно, что судя по тонкой и отчетливой работе вышеупомянутых надписей, мастера, их воспроизводившие, обладали по своему времени совершенными инструментами [Поярков, 1898. С. 61].

Насколько позволяют судить дошедшие до наших дней надписи на лопатке и нижней челюсти барана формулы «Om mani padme hum!» (Рис. 9), ламаистские монахи попытались распространить эту молитву среди широкой массы кыргызов Тянь-Шаня путем нанесения ее на компактных предметах быта кыргызов, которые можно было носить за пазухой постоянно [Джумагулов, 1982. С. 56. 201–202].

Длительное политическое господство джунгаров в северных районах Кыргызстана

и усилия тибетских лам по распространению ламаистского толка буддизма среди кыргызов не прошли бесследно. Небольшая группа кыргызов из числа кыргызских племен мундуз, баарын, сарыбагыш, сарт, найман, саяк и др. в свое время принявшие религию буддизма, и по религиозным мотивам присоединившиеся к джунгарам, до сих пор проживают в аймаке Тарбагатай Синьцзян-Уйгурской автономной области КНР [Асанканов, 2010. С. 21].

Однако старания правителей Джунгарского ханства и настоятелей ламаистских монастырей по распространению религии буддизма среди всего мусульманского населения Кыргызстана, очевидно, не принесли им ощутимых результатов. Как показывает религиозная ситуация в Средней Азии в XVII–XIX веках, кыргызы Тянь-Шаня стали ревностными последователями ханафитского мазхаба суннитского толка исламской религии, что нашло отражение и в эпосе «Манас», где главный герой объявляет священную войну «газават» против калмаков Джунгарии, которые исповедовали ламаистский толк буддизма.

На наличие религиозных мотивов в эпических сказаниях кыргызов впервые обратил внимание академик В. В. Радлов. В этой связи он пишет, что несмотря на свои скудные познания в догматах ислама, они относятся к инаковерующим с большим фанатизмом, чем казаки (казахи), и в их сказаниях повествуется о войнах за веру. Такой религиозный фанатизм кыргызов В. В. Радлов объясняет тем, что они живут в тесном соседстве с неверными китай-

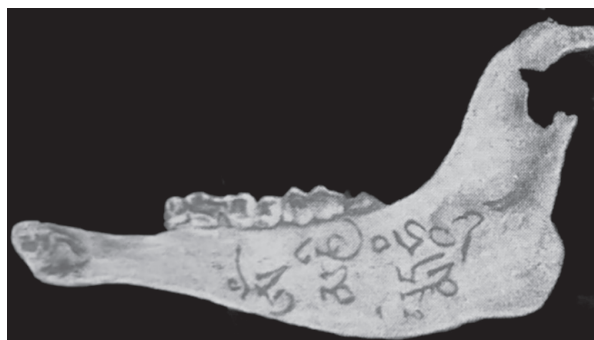
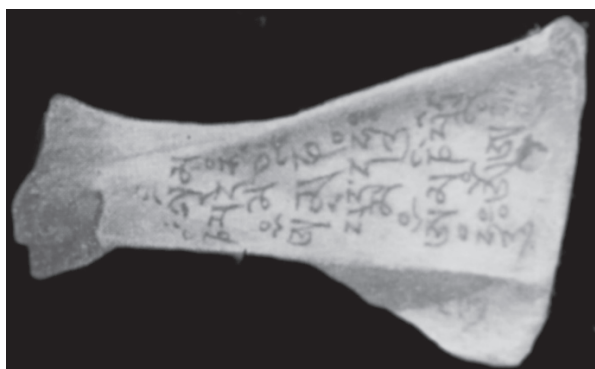

Рис. 9. Надпись на правой лопатке, а также на нижней челюсти барана с буддийской формулой: «Om mani padme hum!» [Джумагулов, 1982. Илл., XXXI].

цами и калмаками, которые исповедуют буддизм [Радлов, 1989. С. 349–352].

Тем не менее в результате распространения буддизма в ранние этапы истории Кыргызстана и соседних регионов Центральной Азии, а также в период позднего средневековья вплоть до середины XVIII в., когда здесь шла активная пропаганда буддизма среди северо-кыргызских племен Тянь-Шаня, некоторые термины буддийского учения и отдельные понятия социально-экономического и культурного характера нашли отражение в кыргызском языке и литературе [Горячева, 2017]. Например, в кыргызской пословице «турмушун эшек араба, туулдуң калдың балаага» (жизнь тяжелая штука, с рождения начинаются мучения) нашло отражение буддийское философское учение «рождение грех».

В народной памяти сохранились изречения средневекового мудреца и степного философа Асан Кайгы (Асан Горемычный, который предположительно жил во второй половине XIV в.), которые созвучны буддийскому состраданию к живым существам [Кебекова, 2009. С. 496]. По легенде, однажды, когда случился в степи великий джунт-весенний заморозок, сопровождаемый обильными снегопадами, Асан Кайгы в своих философских стихах сокрушается о незащищенных животных, которые могут погибнуть от сильного мороза и отсутствия крова: «Куйругу жок, жалы жок, Кулан байкуш кантти экен. Боорунда буту жок, Жылан байкуш кантти экен» [Тоголок Молдо, 1970. С. 124–126.] (*Без пышного хвоста и гривы, Каково же положение бедолаги онагры. Без ноги на животе, Каково же положение бедолаги змеи*).

В научной литературе предполагается, что имя главного героя выдающегося кыргызского эпоса Манас образовано от санскритского слова *मनस्* — разум, дух, сила. В действительности, этимология имени Манас невозможно объяснить через ресурсы тюркских языков. Однако до сих пор остается неизвестным, каким образом и когда это санскритское слово вошло в кыргызский язык в качестве имени главного героя популярного героического эпоса кыргызского народа. Если имя Манас имеет какое-то отношение к учению буддийской религии, то

оно, скорее всего, было заимствовано нашими отдаленными предками на ранних этапах распространения этой религии в Центральной Азии, что показывают некоторые древние географические названия в Синьцзяне (город Манас и река Манас), высокогорная вершина Манаслу в Непале, а также многочисленные священные места в Казахстане и Кыргызстане, названия которых связываются с местом погребения или предметами и атрибутами эпического героя Манаса [Мокеев, 2010. С. 104].

В кыргызском языке имеется также целый ряд слов, заимствованные из санскрита или из терминологии буддийского учения: *аруу* (чистый), *буркан* (идол), *бут* (будда, идол), *бутпарас* (идолопоклонник), *бакишы* (санскр. бхикшу: 1. жрец, 2. наставник), *арашан* (теплый источник), *кечил* (калмыцкий монах), *кут* (1. фигурка человека из свинца или олова-оберег. 2. маленький идол у калмыков) [Потапов, 1973. С. 265–286]⁵, *сарт* (торговец), *төрө* (закон, обычай), *түмөн* (десять тысяч), *манас* (человеческий разум), *манжа* (пятерна, палец), *мечин* (1. обезьяна, 2. год обезьяны), *миск* (мускус), *чатыр* (санскр. чатра: 1. палатка, зонтик, 2. крыша), *черик* (войско), *эштек* (кшатрий-всадник), *лаанат* (буддийское божество), *лайлама* (1. далай лама, 2. божество у калмаков), *ылама* (1. лама — служитель культа у буддистов ламаистов, 2. название местности в Джумгалском районе Кыргызстана) и т. д. [Юдахин, 1965].

Большинство этих слов, такие как *аруу*, *бакишы*, *бут*, *манас*, *манжа*, *мечин*, *миск*, *сарт*, *төрө*, *түмөн*, *черик*, *эштек*, очевидно, было заимствовано еще в древнетюркский период через тохарский и сако-хотанские языки региона Восточного Туркестана, который в VIII–X вв. превратился в оплот буддизма в Центральной Азии. Именно через эти языки переводились первые буддийские канонические тексты на согдийский и тюркские языки той эпохи [Вос-

⁵ По материалам этнографии «кут» сохранился и у кыргызов в значении зародыша детей и скота, как и у алтайцев. Кут, по народным представлениям, падал сверху через дымовое отверстие. Этим термином кыргызы называли и идолов из свинца или олова, хранившихся в семье старшей женщины.

точный., 1992. С. 6–31, 157–193]. В то же время отдельные слова (*буркан, бут, кут, кечил, лаанат, ылама, лайлама*), связанные с калмаками Джунгарии и ламаизмом, свидетельствует о пережитках последнего этапа распространения ламаистского толка религии буддизма в Кыргызстане в XVII — первой половине XVIII вв.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что распространение буддизма среди кыргызов и в Кыргызстане началось в эпоху древнетюркских государств, и если в начальный период ее пропаганда шла из Индии через Восточный Туркестан, то уже в древнетюркский период усиливается влияние китайского варианта буддизма. Причем наряду с деятельностью миссионеров, начинается распространение через письменные переводы канонических буддийских сутр на тюркские языки.

Несмотря на постепенное ослабление влияния буддизма после активного распространения религии ислама в Средней Азии в VIII–XI вв., в определенной степени, получило дальнейшее развитие распространения буддийского учения в Семиречье в период монгольского владычества. Хотя во время краткосрочного господства здесь найманского правителя Кучлука наблюдались

попытки силой заставить мусульманского населения перейти к буддизму, в целом, в эпоху раннего средневековья не отмечались факты насильственного насаждения буддизма в Кыргызстане.

Последний третий этап активного распространения ламаистского толка буддизма относится к периоду экспансии Джунгарского ханства в Среднюю Азию в XVII — первой половине XVIII вв., когда стратегия обращения в ислам мусульманского населения региона силой оружия и активной пропаганды среди мирного населения встречала упорное сопротивление со стороны кыргызов против калмаков Джунгарии под лозунгами ислама в форме священной войны — казат (газават), что в немалой степени способствовало сохранению исламской самоидентификации народа.

В целом можно отметить, что буддизм, имевший почти тысячелетнюю историю своего существования на территории Центральной Азии, оставил определенный след в материальной и духовной культуре кыргызского народа. Дальнейшие исследования языковых и археологических артефактов позволят глубже понять проблемы идентичности культуры и менталитета кыргызов в контексте мировой истории.

Источники и материалы

Раднабатор: *Раднабатор С.* «Лунный свет — история Раб-Джам Зая Пандиты». Пер. с ойратского Г. Н. Румянцев. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук. Раз. 1. Оп. 3. Ед. хр. 44. С. 37.

Radnabator S. «Lunnyj svet — istoriya Rab-Dzham Zaya Pandity». Perevod s ojratskogo G. N. Rumyantseva [“Moonlight — the story of Rab-Jam Zaya Pandita”. Translation from Oirat by G. N. Rumyantsev]. Arhiv vostokovedov Instituta vostochnyh rukopisej Rossijskoj Akademii Nauk. Raz. 1. Op. 3. Ed. hr. 44. S. 37.

Использованная литература

Абрамзон, 1971: *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Ленинград, 1971.

Abramzon S. M. Kirgizy i ih etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi [Kirghiz and their ethnogenetic and historical-cultural relations]. Leningrad, 1971.

Аныракайский, 2008: Аныракайский треугольник: Историко-географический ареал и хроника Великого сражения. Авторы: И. В. Ерофеева, Б. Ж. Аубекеров, А. Е. Рогожинский. Алматы, 2008.

Anyrakayskii treugol'nik: Istoriko-geograficheskii areal i hronika Velikogo srajenia. [The Anyrakay Triangle: The Chronicle of the Great Battle and Its

Historical and Geographical Area]. Avtory: I. V. Erofeeva, B. J. Aubekеров, A. E. Rogojinskii. Almaty, 2008.

Арсланова и Кляшторный, 1973: *Арсланова Ф. Х. Кляшторный С. Г.* Руническая надпись на зеркале из верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972. М., 1973.

Arslanova F. Kh., Klyashpornyj S. G. Runicheskaya nadpis' na zerkale iz verhnego Priirtyshya [Runic inscription on the mirror from the Upper Priirtysh] // Tyurkologicheskij sbornik 1971. Moscow, 1973.

Асанканов, 2010: *Асанканов А.* Кыргызы Синь-цзяня (КНР). Бишкек, 2010.

Asankanov A. Kyrgyzy Sin'tziana (KNR) [Kyrgyz of Xinjiang (PRC)]. Bishkek, 2010.

Бартольд, 1963: Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.

Bartold V. V. Oчерk istorii Semirechye [A short History of the Semirechye] // Soch. T. II. Ch. 1. Moscow, 1963.

Бартольд, 1968: Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т. V. М., 1968.

Bartold V. V. Dvenatsat' Iektzii po Istorii Turetskikh Narodov [Twelve Lectures on the History of the Turks of Central Asia] // Sochineniya. T. V. Moscow, 1968.

Бартольд, 1973: Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Собр. соч. Т. VIII. М., 1973.

Bartold V. V. Izvlechenie iz Sochineniya Gardizi "Zain al-ahbar" [Extract from the work of Gardizi's *Zayn al-akhbar*] // Sochineniya. Vol. VIII. Moscow, 1973.

Бернштам, 1956: Бернштам А. Н. О появлении киргизов на Тянь-Шане в IX–X вв. // Советское востоковедение. 1956. № 4.

Bernshtam A. N. O poavlenii kirgizov na Tyan-Shane v IX–X vv. [On the Origin of the Kirgiz People in the Tien Shan in the IX–X centuries] // Sovetskoe vostokovedenie. 1956. № 4.

Бируни, 1995: Абу Рейхан Бируни. Индия / Издание подготовили Халидов А. Б. Завадовский Ю. Н. Эрман Г. В. М., 1995.

Abu Reyhan Biruni. India [India] / Izdanie podgotovili Halidov A. B. Zavadovskiy Yu. N. Erman G. V. Moscow, 1995.

Васильев, 1983: Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М., 1983.

Vasilyev D. D. Graficheskiy fond pamyatnikov tyurkskoi runicheskoi pis'mennosti Aziatskogo areala (opyt sistemizatsii) [Graphic fund of monuments of the Turkic runic script of the Asian area (experience of systematization)]. Moscow, 1983.

Ведутова, 2015: Ведутова Л. М. Третий буддийский храм на городище Ак-Бешим // Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики. 2015. № 4. С. 125–133.

Vedutova L. M. Tretiy buddiyskiy hram na gorodishe Ak-Beshim [The Third Buddhist Temple on the Site of Ak-Beshim] // Izvestiya Natsional'noy Akademii Nauk Kyrgyzskoy Respubliki. 2015. No. 4. S. 125–133.

Волин, 1960: Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных

районах // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. 1960, № 8.

Volin S. Svedenia arabских istochnikov IX–XVI vv. o doline reki Talas i smezhnyh raionah [Information of Arabic sources of the IX–XVI centuries about the Talas River valley and adjacent areas] // Trudy Instituta istorii, arheologii etnografii AN Kazahskoi SSR. 1960, No 8.

Восточный, 1992: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.

Vostochny Turkestan v drevnosti i rannem srednekovye [Eastern Turkestan in Antiquity and the Early Middle Ages]. Moscow, 1992.

Горячева, 1988: Горячева В. Д. Город Золотого верблюда (Краснореченское городище). Фрунзе, «Илим», 1988.

Goryacheva V. D. Gorod Zolotogo verbyluda (Krasnorechenskoe gorodishe) [The City of the Golden Camel (Krasnorechenskoye settlement)]. Frunze: Ilim, 1988.

Горячева, 2017: Горячева В. Д. Следы ведизма, индуизма и буддизма в культуре кыргызов и Кыргызстане // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. Вып. 26. Самарканд, 2017.

Goryacheva V. D. Sledy vedizma, induizma i buddizma v kulture kyrgyzov i Kyrgyzstane [Traces of Vedism, Hinduism and Buddhism in the culture of the Kyrgyz and Kyrgyzstan] // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta centralnoaziatskikh issledovaniy. Vyp. 26. Samarkand, 2017.

Горячева и Перегудова 1983: Горячева В. Д. Перегудова С. Я. Буддийские памятники Киргизии // Памятники культуры (ПК). Вып. 7. Фрунзе, 1983.

Goryacheva V. D., Peregudova S. Ya. Buddiyskie pamyatniki Kirgizii [Buddhist monuments of Kyrgyzstan] // Pamyatniki kultury (PK). Vyp. 7. Frunze, 1983. S. 167–195.

Дашковский, 2009: Дашковский П. К. Служители культов у тюрков Центральной Азии в эпоху Средневековья // Известия Алтайского государственного университета, 4–1(64), 2009.

Dashkovskiy P. K. Sluzhiteli kultov u tyurok Centralnoj Azii v epohu Srednekovya [Cult servants among the Turks of Central Asia in the Middle Ages] // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 4–1(64), 2009.

Джумагулов, 1982: Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. Фрунзе: Илим, 1982.

Dzhumagulov Ch. Epigrafika Kirgizii [Epigraphy of Kyrgyzstan]. Vyp. 2. Frunze: Ilim, 1982.

Ерофеева, 2023: *Ерофеева И. В.* Абулхаир и Абылай — вечные жертвы политической конъюнктуры. Часть 2. <https://365info.kz/2015/07/abulxair-abyлай-vechnye-zhertvy-politicheskoy-konyunktury> (дата обращения: 24.01.2023).

Erofeeva I. V. Abulhair i Abylay — vechnye zhertvy politicheskoy konyunktury xAbulkhair and Abylai — eternal victims of political conjuncture. Chast 2. <https://365info.kz/2015/07/abulxair-abyлай-vechnye-zhertvy-politicheskoy-konyunktury> (data obraszhenia: 24.01.2023).

Зяблин, 1961: *Зяблин Л. П.* Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961.

Zyablin L. P. Vtoroj buddijskij hram Ak-Beshimskogo gorodisha [Second Buddhist temple of Ak-Beshim settlement]. Frunze, 1961.

Кебекова, 2009: *Кебекова Б. К.* Кыргыз эл ырчыларынын тарыхынын очерктери. Т. 1. Бишкек, 2009.

Kebekova B. K. Kyrgyz el ырчыларынын taryhynyn ocherkteri [Essays on the history of Kyrgyz folklore]. Vol. 1. Bishkek, 2009.

Кляшторный и Лившиц, 1971: *Кляшторный С. Г. Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Т. 10. М., 1971.

Klyashtorny S. G., Livshic V. A. Sogdijskaya nadpis iz Buguta [Sogdian inscription from Bugut] // Strany i narody Vostoka. Vol. 10. Moscow, 1971.

Кляшторный, 1973: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии // Тюркологический сборник 1972. М., 1973.

Klyashtorny S. G. Drevnetyurkskaya pismennost i kultura narodov Centralnoj Azii [The ancient Turkic writing and culture of the peoples of Central Asia] // Tyurkologicheskij sbornik 1972. Moscow, 1973.

Кляшторный и Савинов, 2009: *Кляшторный С. Г. Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей: от древности к новому времени. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009

Klyashtorny S. G. Sultanov T. I. Gosudarstva i narody evraziyskih stepey: ot drevnosti k novomu vremeni [States and peoples of the Eurasian steppe: from antiquity to modern age]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009.

Кожемяко, 1989: *Кожемяко П. Н.* Отчет о раскопочных работах на Краснореченском городище в 1961; 1962–1963 гг. // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989.

Kozhemyako P. N. Otchet o raskopochnyh rabotah na Krasnorechenskom gorodishe v 1961; 1962–1963 gg. [Report on excavation work at Krasnorechenskoye

settlement in 1961; 1962–1963] // Krasnaya Rechka i Burana. Frunze, 1989.

Кольченко, 2019: *Кольченко В. А.* Буддизм и «индийские» религии Кыргызстана // Религии Центральной Азии. Т. III: Буддизм. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 57–163.

Kolchenko V. A. Buddizm i «indijskie» religii Kyrgyzstana [The Buddhism and “Indian” Religions of Kyrgyzstan] // Religii Centralnoj Azii. T. III: Buddizm. Samarkand: MICAИ, 2019. S. 57–163.

Кубарев, 1984: *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.

Kubarev V. D. Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya [Ancient Turkic sculptures of Altai]. Novosibirsk, 1984.

Кызласов, 1959: *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ, Т. 2. М., 1959. С. 160–227.

Kyzlasov L. R. Arheologicheskie issledovaniya na gorodishe Ak-Beshim v 1953–1954 gg. [Archaeological research on the site of Ak-Beshim in 1953–1954] // TKAEE. Vol. 2. Moscow, 1959. S. 160–227.

Кызласов и др., 1959: *Кызласов Л. Р. Смирнова О. И. Щербак А. М.* Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Кыргызская ССР) в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ, Т. 2. М., 1959.

Kyzlasov L. R. Smirnova O. I., Sherbak A. M. Monety iz raskopok gorodisha Ak-Beshim (Kyrgyzskaya SSR) v 1953–1954 gg. [Coins from the excavations of the Ak-Beshim settlement (Kyrgyz SSR) in 1953–1954] // TKAEE. Vol. 2. Moscow, 1959.

Манас, 1958: *Манас. Биринчи бөлүк, 1 китеп.* Фрунзе, 1958.

Manas. Birinchi boluk, 1 kitep [Vol. 1. Part 1]. Frunze, 1958.

Манас, 2010: *Манас: С. Каралаевдин варианты б-ча / Түз.: А. Жайнакова, А. Акматалиев.* Бишкек: «Турар», 2010. С. 253.

Manas: S. Karalaevdin varianty b-cha [Version by S. Karalaev] / Tuz.: A. Zhaynakova, A. Akmataliev. Bishkek: Turar, 2010. S. 253.

Материалы, 1973: *Материалы по истории киргизов и Киргизии.* Вып. 1. М., 1973.

Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii. [Materials on the History of the Kirghiz and Kirghizia] Vyp. 1. Moscow, 1973.

Материалы, 2000: *Материалы по истории русско-монгольских отношений.* Т. 4. М., 2000.

Materialy po istorii russko-mongolskih otnosheniy. [Materials on the History of Russian-Mongolian Relations]. Vol. 4. Moscow, 2000.

Мкртычев, 2002: *Мкртычев Т. К.* Буддийское искусство Средней Азии в I–X вв. М., 2002.

Mkrtychev T. K. Buddhiyskoe iskusstvo Sredney Azii v I–X vv. [Buddhist art of Central Asia in the 1th–10th centuries]. Moscow, 2002.

Мокеев, 2003: *Мокеев А.* Факты обращения в буддизм кыргызов Тянь-Шаня в XVII–XVIII вв. (по материалам биографии Зая Пандиты и эпоса «Манас») // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003.

Mokeyev A. Fakty obrasheniya v buddizm kyrgyzov Tyan-Shanya v XVII–XVIII vv. (po materialam biografii Zaya Pandity i eposa «Manas») [The facts of conversion to Buddhism of the Kyrgyzs of Tien-Shan in the XVII–XVIII centuries (on the materials of the biography of Zai Pandita and the epos “Manas”)] // Buddizm i hristianstvo v kulturnom nasledii Centralnoj Azii. Bishkek, 2003.

Мокеев, 2010: *Мокеев А.* Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. Бишкек, 2010.

Mokeyev A. Kyrgyzy na Altae i na Tyan-Shane [The Kyrgyz in the Altai and Tien-Shan]. Bishkek, 2010.

Мокеев и Жапаров 2022: *Мокеев А. М., Жапаров А. З.* Эволюция похоронных обрядов кыргызского народа // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 148–156.

Mokeyev A. M., Zhaparov A. Z. Evolyutsiya pohoronnyh obryadov kyrgyzskogo naroda [Evolution of funeral rites of the Kyrgyz people] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2022. № 75. S. 148–156.

Мудрак, 2012: *Мудрак О. А.* Поэзия у Махмуда Кашгарского как свидетельство тюрко-монгольских языковых контактов // Вопросы Тюркологии. М., 2012. № 2. С. 7–46.

Mudrak O. A. Poeziya u Mahmuda Kashkarskogo kak svidetel'stvo tyurko-mongol'skih jazykovyh kontaktov [Poetry of Mahmud of Kashgar as evidence of Turkic-Mongolian language contacts] // Voprosy Tyrkologii. Moscow, 2012. No. 2. S. 7–46.

Мухтарова и Железняков, 2021: *Мухтарова Г. Р. Железняков Б. А.* Буддизм Илийской долины XII — начала XIII в. О находках предметов буддийского культа на городище Талгар И. И. Копыловым // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 3. С. 145–160.

Mukhtarova G. R. Zheleznyakov B. A. Buddhizm Iliyskoy Doliny XII — nachala XIII v. O nahodkakh predmetov buddhiyskogo kul'ta na gorodishe Talgar I. I. Kopylovym [Buddhism of the Ili Valley of the XII — beginning of the XIII century. On the Finds of Buddhist Cult Items at the Talgar Site by I. I. Kopylov] // Narody i Religii Evrazii. 2021. Vol. 26. No. 3. S. 145–160.

Натанзи, 1957: *Муин ад-Дин Натанзи.* Мунтахаб ат-таварих-и Муини. Издание Ж. Обэна. Тегеран, 1957.

Muin ad-Din Natanzi Muntahab at-tavarih-i Muini [Muntahab at-tawarikh-i Muini] / Izdanie Zh. Obena. Tegeran, 1957.

Никонов, 2014: *Никонов А.* Тенгрианство. У истоков духовности человечества. Алматы, 2014.

Nikonov A. Tengrianstvo. U istokov duhovnosti che-lovechestva [At the Origins of Humanity's Spirituality]. Almaty, 2014.

Нуртазина, 2000: *Нуртазина Н. Д.* Ислам в истории средневекового Казахстана. Алматы, 2000.

Nurtazina N. D. Islam v istorii srednevekovogo Kazahstana [Islam in the History of Medieval Kazakhstan]. Almaty, 2000.

Потапов, 1973: *Потапов Л. П.* Умай — Божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник, 1972. М., 1973.

Potapov L. P. Umaj — Bozhestvo drevnih tyurkov v svete etnograficheskikh dannyh [Umai — The Deity of the ancient Turks in the light of ethnographic data] // Tyurkologicheskiy sbornik, 1972. Moscow, 1973.

Поярков, 1898: *Поярков О.* Из археологических экскурсий по Пишпекскому уезду и по берегам Иссык-Куля // Памятная книжка Семиреченского областного Статистического комитета на 1898 г. Верный, 1898.

Poyarkov O. Iz arheologicheskikh ekskursij po Pishpekskomu uezdu i po beregam Issyk-Kulya [From archaeological excursions in Pishpeksky uyezd and along the shores of Issyk-Kul] // Pamyatnaya knizhka Semirechenskogo oblastnogo Statisticheskogo komiteta na 1898 g. Vernyj, 1898.

Посольство Унковского, 1887: Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану Капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы / Документы, изданные с предисловием и примечаниями д. чл. Н. Ив. Веселовского. СПб., 1887.

Posol'stvo k Zyungarskonu Hun-Taizhi Tsevan Rabtanu Kapitana ot artillerii Ivana Unkovskogo i putevoy zhurnal iego za 1722–1724 gody [The Embassy to Zyungar Hong-Taizhi Tsevan Rabtan of Captain of Artillery Ivan Unkovsky and his travel journal for the years 1722–1724] / Dokumenty, izdannye s predislovиеm i primechaniami d.chl. N. Iv. Veselovskogo. St. Petersburg, 1887.

Путешествия, 1993: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы 1993.

Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Giloma de Rubruka [Travels to the East by Plano Carpini and Guillaume de Rubruk]. Almaty, 1993.

Радлов, 1989: Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989. С. 349–352.

Radlov V. V. Iz Sibiri [From Siberia]. Moscow, 1989. S. 349–352.

Султанов, 1976: Султанов Т. И. Материалы по истории киргизов и Киргизии // Народы Азии и Африки. 1976. № 4. С. 193–194.

Sultanov T. I. Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii [Review to Materials on the History of the Kirghiz and Kirghizia] // *Narody Azii i Afriki*. 1976. No. 4. S. 193–194.

Табалдиев и др, 2019: Табалдиев К., Акматов К., Ашык А., Белек К. Результаты археологических раскопок на мавзолее Көк-Таш в полевом сезоне 2017–2018 гг. в Кыргызстане // Народы и религии Евразии. Барнаул, 2019. № 4(21). С. 48–69.

Tabaldiev K., Akmatov K., Ashyk A., Belek K. Rezul'taty arheologicheskikh raskopok na mavzolee Kyok-Tash v polevom sezone 2017–2018 gg. v Kyrgyzstane [Results of the Archaeological Excavations at the Kyok-Tash Mausoleum in the 2017–2018 Field Season in Kyrgyzstan] // *Narody i religii Evrazii*, Barnaul, 2019. No. 4(21). S. 48–69.

Табалдиев и Белек, 2008: Табалдиев К., Кайрат Белек. Памятники письменности на камне Кыргызстана. Бишкек, 2008.

Tabaldiev K., Kajrat Belek. Pamyatniki pismennosti na kamne Kyrgyzstana [Monuments of writing on the stone of Kyrgyzstan]. Bishkek, 2008.

Табалдиев, 1988: Табалдиев К. Ш. О новой находке буддийской скульптуры в районе городища Ак-Бешим // Материалы IX межреспубликанской научной конференции молодых ученых. Фрунзе, 1988. С. 371–373.

Tabaldiev K. Sh. O novoi nahodke buddijskoi skulptury v rayone gorodischa Ak-Beshim [On a new discovery of Buddhist sculpture in the area of Ak-Beshim settlement] // *Materialy IX mezhrespublikanskoi nauchnoi konferentsii molodyh uchenyh*. Frunze, 1988. S. 371–373.

Тоголок Молдо, 1970: Тоголок Молдо. Чыгармалар жыйнагы. Т. 1. Фрунзе, 1970. С. 124–126.

Togolok Moldo. Chygarmalar zhyjnagy [A collection of works]. Vol. 1. Frunze, 1970. S. 124–126.

Труды, 1950: Труды семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». Сост. под рук. А. Н. Бернштама // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА), № 14. Москва, Ленинград, 1950.

Trudy semirechenskoj arheologicheskoy ekspedicii «Chujskaya dolina». Sost.pod ruk. A. N. Bernshtama [Proceedings of the Semirechensk archaeological expedition “Chui Valley”. Comp.under the direction of A.N. Bernshtam] // *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (MIA)*. No. 14. Moscow; Leningrad, 1950.

Хайдар, 2016: Мирза Мухаммед Хайдар. История Рашиди / Введение, пер. с персидского А. Урунбаева, Р. Джалиловой, Л. Епифановой. Отв. ред. В. Рахманов. Ташкент: Sharq, 2016.

Mirza Muhammed Hajdar. Istoriya Rashidi. Vvedenie, perevod s persidskogo A. Urumbaeva, R. Dzhaliilovoj, L. Epifanovoj. Otв. red. V. Rahmanov [Rashidi's story. Introduction, translated from Persian by A. Urumbaev, R. Jalilova, L. Epifanova. Ed. by V. Rakhmanov]. Tashkent: Sharq, 2016.

Юдахин, 1965: Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Yudahin K. K. Kirgizsko-russkij slovar [Kyrgyz-Russian Dictionary]. Moscow, 1965.

Baddeley, 1912: *Baddeley J. Russia, Mongolia, China*. Vol. I. P. CLXVIII. London, 1912.

Biran et al., 2023: *Biran M., Shenkar M., Tabaldiev K., Akmatov K., Kolchenko V. The Kök-Tash underground mausoleum in north-eastern Kyrgyzstan: the first-ever identified Qara Khitai elite tomb?* // *JRAS. Series 3* (2023). P. 1–33.

Buyar, 2012: *Buyar C. Cungan Hanlığının Sosyal ve Kültürel Tarihi. Doktora Tezi*. Bişkek, 2012.

Buyar C. Social and Cultural History of Cungan Khanate. Unpublished Doctoral Thesis. Bishkek, 2012.

Genç, 1981: *Genç R. Karahanlı Devlet Teşkilâtı (XI. Yüzyıl) (Türk Hâkimiyet Anlayışı ve Karahanlılar)*. Kültür Bakanlığı Yayınları; 373. Araştırma ve inceleme eserleri serisi; 9. İstanbul, 1981.

Dankoff, 2008: *Dankoff R. From Mahmud Kaşgari to Evliya Çelebi: studies in middle Turkic and Ottoman literatures*. Istanbul: Isis Press, 2008. P. 27.

Dust., 2006: *Dust in the Wind: Retracing Dharma Master Xuanzang's Western Pilgrimage*, *Rhythms Monthly*. 2006.

Forte, 1994: *Forte A. An Ancient Chinese Monastery excavated in Kirgiziya* // *Central Asiatic Journal*. 1994. Vol. 38. No. 1. P. 41–57.

Haussig, 1988: *Haussig W. Arhaologie und Kunst des Seidenstrase*. Berlin, 1988.

Helmud, 1998: *Helmud B. Transfiguring Divinities Buddhist Sculpture in China* // *CHINA: 5000 years*. 1998.

Khazanov, 1994: *Khazanov A. M. The Spread of World Religions in Medieval Nomadic Societies of the Eurasian Steppes // Nomadic Diplomacy, Destruction and Religion from the Pacific to the Adriatic. Papers prepared for the Central and Inner Asian Seminar University of Toronto, 1992–93 Ed. by Michael Gervers and Wayne Schlepp. Toronto, 1994.*

Liu, 1999: *Liu Sh. Copper Buddhist Statues of the Sui and Tang Period Kept in the Institute of Archaeology of Hebei Province // Wen Wu Chun Qiu, 1999.*

Liu, 2011: *Liu X. Silk Road Legacy: The Spread of Buddhism and Islam // Journal of World History. Vol. 22. No. 1 (March 2011). P. 55–81.*

Pallas, 1776: *Pallas P. S. Sammlungen Historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, I–II, St. Petersburg, 1776.*

Pelliot, 1936: *Pelliot P. A propos du "tokharien" // Toung Pao. Second Series. Vol. 32, Livr. 4. 1936.*

Porció, 2015: *Porció T. Turkic peoples of Central Asia and Buddhism // Mongolica Pragensia 15. Linguistics, Ethnolinguistics, Religion and Culture. Vol. 8, No. 2 (2015). Selections., 1989: Selections of Shanxi Cultural Relics. Preface Jia Liye. 1989.*

Thomas, 1927: *Thomas F. W. Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan. T. II: The Sa-cu Region // Journal of the Royal Asiatic Society. October 1927.*

Toshio, 1996: *Toshio H. Buddhist Temple Sites on North of the Tien Shan Mountain // Далверзинтепа шахристони (Dalverzintepa) (1989–1993). Хамза номидаги санатшуносли институти, Сока университети, 1996.*

Tremblay, 2007: *Tremblay Xavier (Köln) The Spread of Buddhism in Serindia: Buddhism among Iranians, Tocharians and Turks before the 13th Century // The Spread of Buddhism. Handbook of Oriental Studies. Section Eight, Central Asia. Edited by Denis Sinor, Nicola Di Cosmo. Leiden–Boston, 2007. Vol. 16. P. 75–129.*

Vollmer et al., 1983: *Vollmer J. E., Keall E. J., Nagal-Berthrong E. Silk Roads, China Ships: An Exhibition of East-West Trade. 1983.*

TO THE QUESTION OF THE SPREAD OF BUDDHISM IN KYRGYZSTAN IN THE MIDDLE AGES

Anvarbek M. MOKEEV

Kyrgyz-Turkish Manas University

Kayrat BELEK

Kyrgyz-Turkish Manas University

Nursultan ABDIMITALIP UULU

Kyrgyz-Turkish Manas University, Osh State University

Based on the comparative study of written sources with the data of archaeology, epigraphy, ethnography, Kyrgyz language materials, and folklore, The article considers the main stages of the spread of Buddhism in Kyrgyzstan in the Middle Ages. A special attention is paid to pre-Islamic beliefs of the Kyrgyz, among which the remnants of Buddhism have a certain place. The main forms of dissemination of Buddhism in Kyrgyzstan are analyzed, where along with missionary activity, violent methods were manifested, especially during the short reign of the Naiman prince Kuchluk, as well as during the Jungar Khanate period. For the first time, attention is paid to the reflection of certain provisions of Buddhist and some terms from Sanskrit in the Kyrgyz language and as well as in the folklore of the Kyrgyz people.

Key words: Kyrgyzstan, Buddhism, Manas, lama, Lamaism, qut, Buddhist monk, religion.

About the authors:

Anvarbek MOKEEV, Dr. Sci. (History), Professor Department of History, Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan) (anvar.mokeev@manas.edu.kg). ORCID: 0000-0002-0381-6975.

Kayrat BELEK, Ph.D. (Philosophy), Assistant Professor Department of History, Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan) (kairat.belek@manas.edu.kg). ORCID: 0000-0003-0495-9182.

Nursultan ABDIMITALIP UULU, Doctoral student, Kyrgyz-Turkish Manas University; Teacher, Higher School of International Educational Programs (HSIEP), Osh State University (Osh, Kyrgyzstan) (nabdimitalu@oshu.kg). ORCID: 0000-0002-5651-5236.

Ю. А. ИОАННЕСЯН

Институт восточных рукописей РАН

«ЧЕТВЕРТЫЙ СТОЛП» В УЧЕНИИ ШЕЙХИЗМА

В статье освещается шейхитская концепция «четвертого столпа» и опровергается мнение некоторых исследователей о том, что она была впервые ясно сформулирована, введена в оборот и превращена в один из четырех столпов учения шейхизма Хаджжи Мухаммадом Карим-ханом Кирмани и не была присуща основоположникам школы — Шайху Ахмаду Ахса'и и Сайиду Казиму Рашти. На базе первичных источников — рукописных и литографских материалов, в том числе представленных в собрании ИВР РАН, автор статьи доказывает, что независимо от того, в какой формулировке данная концепция окончательно утвердилась в указанной шиитской религиозно-правовой школе, она по своей сути восходит к учению Шайха Ахмада Ахса'и и Сайида Казима Рашти, свидетельством чему выступают многочисленные цитаты из их трудов, приводимые автором в статье.

Ключевые слова: шиизм, шейхизм, совершенный шиит.

Об авторе: ИОАННЕСЯН Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия) (youli19@gmail.com). ORCID: 0000-0003-2936-1128.

© ИВР РАН, 2023

© Иоаннесян Ю. А., 2023

Настоящая статья посвящена одному из краеугольных положений шейхизма — учению о «четвертом столпе», о котором мы уже писали в ряде работ. Вернуться к этой неисчерпаемой теме в очередной раз побудила нас попавшаяся нам на глаза интересная статья иранских авторов Д. Рахманийана и М. Сераджа «*Асл-е ма'рифат бе “рокн-е рабе” дар андише-йе шейхиййе*» («Основа познания „четвертого столпа“ в шейхитской мысли»). В ней, в частности, говорится:

«„Четвертый столп“ — одно из ключевых понятий шейхитской школы. В общепринятом представлении это понятие ввели в оборот лично Шайх Ахмад Ахса'и — основатель шейхизма, а затем его распространитель, непосредственный преемник Шайха Ахмада Ахса'и — Сайид Казим Рашти. Однако в свете точных исследований, основных и первичных источников шейхитской школы, на которые будет указано в этой статье, представляется, что первым, кто ясно заявил об этом понятии как об одном из столпов веры и превратил его

в ключевое учение шейхитской школы, был Хаджж Мухаммад Карим-хан Кирмани — первый лидер шейхитов Кирмана»¹ [Рахманийан, Серадж, 1390. С. 53].

«Четвертый столп» шейхитского учения выступает одним из его принципиальных отличий от общешиитских представлений. Он заключается в том, что во все времена и в каждую эпоху среди шиитов был и будет до явления в мире «Скрытого имама» некий совершенный человек, об обозначениях которого в источниках речь пойдет ниже, хранитель и интерпретатор знания, заключенного в священных текстах. На наличие этого элемента шейхитского учения обращали внимание еще одни из первых западных исследователей шейхизма — Э. Браун и А. Л. М. Николя. Так, Браун в процитированном им пространном высказывании шейхитского богослова из Кермана о четырех столпах веры шейхитов приводит и такие строки: «Но к ним (т. е. к трем столпам. — Ю. И.)

¹ Здесь и ниже перевод цитат наш. — Ю. И.

мы добавляем еще один, который мы называем „четвертым столпом (ركن رابع)“, [состоящий в том], что среди шиитов, во все времена должен быть некий совершенный человек (которого мы называем شيعه كامل „совершенным шиитом“), способный служить каналом благодати (واسطه فيض) между Скрытым Имамом и его паствой. Такова наша доктрина „четвертого Столпа“, и очевидно, что четыре столпа в любых обстоятельствах необходимы для прочности...» [A Traveller's Narrative, 1891. P. 243–244].

А Николя в своем многотомном труде о шейхизме формулирует эту мысль следующим образом: «...в каждый столетний период бывают избранные, которые распространяют и внедряют доктрины, объясняют, что незаконно и что законно, и раскрывают то, что оставалось сокрыто в предшествующие столетние периоды. Иными словами, в каждые сто лет появляется совершенный и ученый человек, который побуждает зеленеть и расцветать древо религиозного закона, возрождает его ствол, пока в итоге не дойдет до конца книга Сотворения — через тысячу двести лет» [Nicolas, 1910–1914. Т. II. P. 43]. Следует сразу оговорить, что речь не идет о самом «Скрытом имаме», а о лице, находящемся под его покровительством в этом, зримом, мире и служащим каналом «его благодати», т. е. о представителе двенадцатого имама для каждого временного периода в сто лет.

Отметим, что в столь четко очерченной форме это учение сложилось, очевидно, не сразу. Так, в «Усул ад-дин», что переводится как «Основы веры», Шайх Ахмад Ахса'и перечисляет пять таких основ, ничем не отличающихся от положений, присущих остальным шиитам. При этом он ни слова не говорит о «четвертом столпе»² и вообще не упоминает «доверенного имама» или его аналога³.

То же относится и к «Основополагающим догматам веры» Сайида Казима Рашти [Сайид Казим Рашти, 2011], который излагает те же пять столпов, общих для воззрений всех шиитов, даже косвенно не касаясь вопроса «четвертого столпа». Связано ли это с осторожностью

или объясняется другими обстоятельствами, нам остается только догадываться. Следует подчеркнуть, что сам факт, что учение, составившее суть «четвертого столпа», восходит к Шайху Ахмаду, не подлежит сомнению. Отражено оно и в многочисленных трудах Сайида Казима. Речь же здесь может идти лишь о термине «четвертый столп», которым определяется это учение о высшем духовном авторитете в более поздних работах шейхитских авторов, а также о сведении всех шейхитских воззрений именно к четырем основополагающим принципам — «столпам». В трудах обоих основоположников данной школы ни этот термин, ни выделение именно «четырех принципов веры» нам не встретились. А Корбен по этому поводу замечает: «Утверждалось, что эта доктрина не встречается у Шайха Ахмада и Сайида Казима, и что она есть изобретение (creation) Мухаммада Карим-хана (отсюда прозвища „Рокнийе“ и „Хадж-Карим-хани“, которые иногда давалось его ученикам и которыми, тем не менее, они гордятся). Это псевдовозражение легко снимается следующим образом: 1) можно отослать интересующихся к работам этих двух старших авторитетов; 2) можно также отослать их к двум автобиографическим документам, вышедшим из под пера Сайида Казима» [Corbin, 1959. P. 32–33]. С этим замечанием Корбена, абстрагируясь от тех радикальных изменений, которым это учение подвергли последующие после Сайида Казима поколения шейхитских теоретиков, можно в целом согласиться.

Возвращаясь к собственно шейхитскому учению о «четвертом столпе» как о духовном наставнике паствы, укажем, что само это понятие не всегда выражено четко в трудах основоположников этой школы — Шайха Ахмада Ахса'и Сайида Казима Рашти. Это отчасти объясняется завуалированным изложением многих положений своего учения этими авторами из-за опасений преследований со стороны «традиционно» мыслящих шиитов. У Шайха Ахмада нам встречались пассажи, из которых трудно однозначно уяснить, идет ли речь о «Скрытом имаме» или о его представителе среди паствы — «совершенном шиите». Правда, в «Джаваб са'ил 'ан ситт 'аширата

² Этот же вывод подтверждает и Николя. См. [Nicolas, 1910–1914. Т. III. P. 68].

³ Ср. [Шайх Ахмад Ахса'и 14306. С. 118].

мас'ала» Шайх Ахмад в очень кратком ответе на вопрос интересующегося о том, «каковы признаки совершенного правоведа (*ал-факих ал-камил*) и *муджтахид*а» и «как распознать его несведущему», выделяет три признака для его распознавания — его состояние, речи/письменные труды и репутация, и описывает каждый из них [Шайх Ахмад Ахса'и, 1430а. С. 855]. Хотя этот «совершенный правоведа» в данном случае есть, несомненно, одно из обозначений «совершенного шиита», Шайх Ахмад не рассматривает его в контексте «четвертого столпа» и вообще не оперирует в своем Ответе этим термином. Правда, это может объясняться и тем, что Ответ не адресован автором последователю своей школы, искушенному в шейхитской терминологии. В трактатах Сайида Казима немало пассажей, в которых идея «совершенного шиита» выражена достаточно внятно. Правда, как уже отмечалось, и у этого автора нам не встречался сам термин «четвертый столп». Но последний применительно к данному понятию фигурирует в богословском сочинении анонимного автора, служащего предисловием к *Китаб-и Нукта ал-Каф*, и в других источниках (см. ниже).

Концепция «совершенного шиита» как доверенного лица или представителя двенадцатого имама возводится шейхитскими авторами к четверем «сафирам», «бабам» «Скрытого имама»: «Четвертый столп — приятие того, что те четверо *Бабов/Врат*, удостоверенные письменно и особым образом со стороны имама, мир ему, истинны, они — его доверенные и хранители его религии» — говорит упомянутый выше анонимный сочинитель богословского трактата, служащего предисловием к *Китаб-и Нукта ал-Каф*⁴ [Kitab-i NUQTATU'L-KAF, 1910. P. 86].

По учению шейхитов, в период отсутствия на земле двенадцатого имама — Доказательства Божьего, на ней должно быть его доверенное лицо, иначе земля придет в упадок. Эта мысль выражена, в частности, в предисловии к персидскому переводу сочинения Сайида Казима «*Ас-Сийар ва-с-сулук*» его ученика — Хусайна б. 'Али Табризи Хусрау-шахи, осуществившего

при жизни учителя и по его указанию этот перевод с арабского (1242/1826–27 г.⁵):

«Зрелая мудрость Господня и всеохватная Божья мощь во благо своих рабов-верующих, кои уверовали в Сокровенное, потребовала в этом временном промежутке, [то есть в это] суетное время, сокрыть свое Доказательство под покровом тайного. И так как для нее необходимо сообщение доказательства и довершение религии, то ради этого для избранных своих, кои суть *благословенные селения*⁶, установила языки и уши, чтобы через их посредство доводить до своих рабов свои повеления. Эти языки и уши истолковала она в славном Слове своем как „зримые селения“ и изрекла: „И устроили Мы между ними и теми селениями, которые благословили там, зримые селения и проложили по ним путь, идите по ним ночи и дни в безопасности“⁷, то есть вменила в обязанность прибегать к ним в вопросах религиозных предписаний... Итак, сие путеводное сообщество [людей], которые суть *зримые селения*, всегда в поле зрения Покровителя религиозной общины⁸, служащие языком глаголющим для него, словом правдивым от него и ухом внимлющим. Земля никогда не лишается их, будь это даже один человек. Иначе в мире неизбежно наступит расстройство. Посему необходимо, чтобы в каждую эпоху был некий человек, поддерживаемый имамом, полностью сведующий во всех областях знаний, умудренный и искушенный в любой сфере и разумеющий истину в каждом вопросе всякой науки, дабы мог он давать отпор плагиату упраздняющих [религиозные предписания] и искажениям неумеренных из безбожников и чародеев — глав религиозных толков среди об-

⁵ См. об этом сочинении [Щеглова, 1975. С. 204].

⁶ «Благословенные селения», как и «зримые селения» (قرى ظاهرة) — кораническая аллюзия, ср. Коран 34:17(18) и 12:109. Последний стих гласит: «И до тебя Мы посылали только людей из обитателей селений, которым ниспослали откровение...». И. Ю. Крачковский поясняет «Благословенные [селения] в стихе 34:17(18) как обозначающие или Мекку или, обыкновенно, города Сирии» [Коран, 1986. С. 595]. В любом случае, это еще один термин-метафора, которым шейхиты могут обозначать «Врата» или «Каналы божественной благодати». Его же использует в таком значении и Шайх Ахмад.

⁷ Коран. 34:17(18).

⁸ Т. е. «Скрытого Имама».

⁴ См. об этом произведении [Иоаннесян, 2020].

щин... И не достигается эта ступень иначе как особой поддержкой и усиленным подкреплением со стороны имама...» [Сайид Казим Рашти. Ас-Сийар ва-с-Сулук. Л. 61/2–62/1].

Подчеркнем, что эти строки написаны почти за десятилетие до смерти Сайида Казима его учеником. О том же более кратко говорит и сам Сайид Казим. Показательно, что к «доверенному» имама в шейхитских трудах может в числе прочих обозначений прилагаться и термин «Баб»: ⁹ «Если изволение Господа, Славен Он и Всевышен, [было бы] таковым, чтобы Он открыл себя для познания своим созданиям [непосредственно], то несомненно был [бы] Он силен это сделать. Но было потребно мудрости Господа установить для нас Поводырей, Посредников и *Врата* (Абва\б) познания Себя. Следовательно, если *имам*, мир ему, есть *Врата* (Ба\б) познания, то в состоянии сокрытости его святости [*имама*], должно быть носителем водительства и *Вратами* познания его доверенному» [Сайид Казим Рашти, 1859а. С. 95].

В резкой полемике с суннитами Сайид Казим противопоставляет суннитскому иной подход — с учетом того, что все люди, кроме имама, включая *муджтахидов*, не безгрешны, дать возможность им всем прилагать усилия для собственного роста, чтобы среди них мог выделиться один из них, наиболее совершенный и подходящий на роль верховного авторитета в качестве «доверенного имама»: «Всякому, кто наделен способностью к логическому выведению божественных повелений при помощи доводов разума и соответствует установленным условиям, записанным в книгах по источникам права, дозволен имамом, мир ему, этот / ранг¹⁰, и назначен он выносить подобные решения. И позволительно людям подражать ему» [Сайид Казим Рашти, 1859б. С. 241–242]¹¹. То, что та-

кой человек может в каждую эпоху быть только один, обосновывается Сайидом Казимом заведомой сложностью данного поприща и подготовкой к нему, к чему предрасположены далеко не все: «А такое дело ведь недоступно каждому, разве только потратит он¹² свое время на размышления и углубленные раздумья по сему поводу и не займется ничем другим. А если все обремененные религиозными обязанностями будут обременены в этом смысле¹³, то неизбежны тяготы и великое затруднение, так что не выдержит [их] материя¹⁴. А это противоречит обещанному, [а именно], что религиозный закон должен быть легким и несложным, как изрек Истинный и Всевышний: „...и не устроил для вас в религии никакой тяготы“¹⁵, а также: „Бог хочет для вас облегчения, а не хочет затруднения для вас“¹⁶» [Сайид Казим Рашти, 1859б. С. 240–241]. «Итак, очевидно, заключает Сайид Казим, — «что не могут все люди нести сию величайшую обязанность и это громадное бремя. Напротив, нужно, чтобы один из них, движимый этим намерением, взял бы на себя заведывание сим грандиозным делом, а другие воспринимали бы от него и доверяли ему. Как известил о том Истинный и Всевышний: „Не следует верующим выступать всем. Отчего бы из каждой части их не выступал какой-нибудь отряд, чтобы они изучали религию и чтобы увещали свой народ, когда вернутся к ним? Может быть, они остерегутся“¹⁷» [Сайид Казим Рашти, 1859б. С. 241].

Но не только логическими доводами и кораническими цитатами, приведенными выше, обосновывают шейхитские авторы необходимость выявления среди массы верующих именно одного наиболее сведущего ученого. Как правило, они прежде всего ссылаются на слова имама ас-Садики, как это делает Сайид Казим: «Его святость Садик, мир ему, поставил такого человека судьей над другими: „Узрите

⁹ Следует отличать это «шейхитское» и в основе своей исламское понимание «баба» от данного понятия в бабизме, в котором под «Бабом», как явствует уже из раннего Писания основателя бабизма Сайида 'Али Мухаммада Ширази — «Каййум ал-асма'», понимался «Величайший Баб» — «Врата Божии».

¹⁰ В тексте: منصب.

¹¹ В сборнике, в котором опубликован данный трактат, отсутствует пагинация. Мы указываем порядковый номер страницы.

¹² Т. е. «каждый».

¹³ Т. е. заняты этим делом.

¹⁴ В переводе этого выражения, переданного по-арабски, мы не уверены: لا يتحمل مادة.

¹⁵ Коран 22:77(78).

¹⁶ Коран 2:181(185).

¹⁷ Коран 9:123(122).

мужа из вас, что поведал наше предание, вник в разрешённое и запрещённое нами, познал наши повеления. Поставил я его судьей над вами. Примите его как судью. Если повелит он нашим повелением и кто-либо не признает [повеления] от него, то все равно, что пренебрег он повелением Божиим и отверг нас. А отвергающий нас есть отвергающий Бога. А то равнозначно многобожию¹⁸» [Сайид Казим Рашти, 18596. С. 241].

О том же Сайид Казим говорит и в другом своем известном труде: «Далил ал-мутахай-ирин»: «Посему непременно должен быть совершенный и всеобъемлющий учёный-мудрец, который был бы сведущ в сих различных аспектах и случаях, наделенный проницательностью и озарением, чтобы не дрогнул он в устранении каких бы то ни было из этих сомнений и оказался способен рассеивать подозрения суфиев и опровергать доводы, кои порождают великие муки и образуют огромную завесу над этой доблестной верой» [Сайид Казим Рашти, 1859а. С. 53]¹⁹.

Сайид Казим довольно конкретно описывает метод работы и цель этого высшего авторитета: «Всякий раз, когда оно (т. е. божественное повеление. — Ю. И.) недоказуемо в данное время — в пору сокрытости Доказательства, [для] продолжения исполнения религиозных обязанностей, отсутствия смуты среди людей, сохранения сердцевины Ислама и предотвращения наветов противников на религию Мухаммада, когда его община осталась без преемника его завещания по причине [его]²⁰ сокрытости, с возложенными на неё делами, и не поклоняется она Истинному и Всевышнему, необходимо, чтобы набожный шиит объединил бы при помощи неопровержимого и несомненного для всех разума, при условии его здравомыслия и свободы от противления и

склонности к мнительности, Книгу, сунну и вопросы, по которым имеется согласие общины истины, и предпринял бы энергичные усилия для обучения обязанностям перед Богом, относящимся к самому себе и к себе подобным, выводя из них²¹ божественные предписания» [Сайид Казим Рашти, 18596. С. 240].

Укажем еще на два значимых в этом отношении пассажа из работ Сайида Казима. Так, в «*Рисалат ал-худжжа ал-балига*» последний подробно разбирает указанное выше предание со слов имама ас-Садики и особенно детально останавливается на признаках «совершенного ученого». Он, в частности, указывает: «Так как истина должна быть явной и широкоохватной, необходимо, чтобы у носителя истины, изрекающего правду, доверенного имама (نائب الامام) и судьи от него, мир ему, были бы доводы и знаки для (букв. среди) человечества, посредством которых распознавался бы истинный и лживый, согласный и лицемерный, верный друг и враг, «чтобы погиб тот, кто погиб, при полной ясности, чтобы жил, кто жил при полной ясности» [Коран 8:44]. И эти знаки, ясные свидетельства и доводы бывают двух видов: общие и частные...» [Сайид Казим Рашти, 1432. С. 101]. Сайид Казим заключает свой разбор признаков следующим образом: «Такое суммарное изложение общих признаков. И если ты найдешь/обнаружишь эти признаки в какой-либо личности, то знай достоверно, что он есть наставляющий на твердый путь, руководитель, ведущий прямой стезей, «зримое селение» в странствии к «благословенному селению» и судья, действующий от лица Справедливого Властелина. И держись за него, не отставай от него, иначе быть тебе из гибнущих» [Сайид Казим Рашти, 1432. С. 104].

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что во всех приведенных выше пассажах из трудов основоположников шейхизма и из цитируемых нами некоторых более поздних источников (ср. вышеприведенные отрывки из предисловия к «*Китаб-и Нукта ал-Каф*» и высказывание керманского богослова Муллы Гулама Хусайна, на которое ссылается Браун), под

¹⁸ Известное предание (под названием «макбуля», т. е. «принятое») об имаме ас-Садики, к которому обращаются при решении ряда ключевых вопросов исламской юриспруденции. Передатчиком этого предания считается Умар б. Ханзала. Ср. [Ал-Кулини, 2005. Дж. 1. С. 52]. Это предание с незначительными вариантами встречается у многих шейхитских авторов.

¹⁹ Здесь и ниже указан порядковый номер страницы.

²⁰ Т. е. преемника завещания.

²¹ Т. е. из Книги (Корана), сунны и вопросов, по которым имеется согласие.

«верховным авторитетом» или «четвертым столпом» разумеется не абстрактное понятие или некая сила, действующая из тонкого мира, а конкретная отдельная личность, присутствующая в этом мире, притом известная современникам, которая должна выделиться из среды верующих (ср. в приведенной выше цитате из предания: «чтобы... мог быть явлен доверенный имама среди Божьих созданий»). Эта личность, которую необходимо распознать верующим по особым признакам, фигурирует в работах разных авторов под разными названиями: «совершенный шиит», «совершенный ученый (богослов)», «совершенный правовед», «ученый-богослов от Господа» и др. Оба автора — Шайх Ахмад и Сайид Казим, указывают конкретные признаки, по которым можно распознать такую личность как наивысшего духовного авторитета, и одновременно формулируют требования, которым она должна соответствовать. Все это было бы невозможным и бессмысленным, если бы под «четвертым столпом» понимался бы не конкретный земной человек, а разумелась бы некая абстракция — «коллективная мудрость» или сила, «действующая из тонкого мира»²². И, наконец, пассажи в текстах, повествующие об этом духовном авторитете, обычно содержат ссылку на процитированное нами выше предание, передающее слова имама ас-Садики: «Узрите мужа из вас (رجل منكم), что поведал наше

предание, вник в разрешенное и запрещенное нами, познал наши повеления...». В этом предании говорится об одном «муже», который и выступает субъектом всех действий, перечисленных в нем. При этом, если люди призываются «узреть его», то он должен быть вполне «зримым». В завершение напомним, что как отмечалось выше, термин «четвертый столп» и пояснение к нему встречаются в предисловии к «Китаб-и Нуктат ал-Каф». Хотя это произведение прошло через несколько редакций, ни его анонимный автор (явно перешедший из шейхизма в бабизм), ни его последующие редакторы никак не могли принадлежать к кругу последователей Хаджж Мухаммад Карим-хана Кирмани.

Вышесказанное подводит нас к выводу, что ключевое учение о «совершенном шиите-богослове», доверенном Скрытого имама, существующем в каждую эпоху со времени зарождения ислама для наставления паствы, детально разработано в трудах основоположников шейхизма и их ближайших учеников вне связи с главой керманских шейхитов после смерти Сайида Казима Рашти — Хаджж Мухаммад Карим-ханом Кирмани. Включалось ли оно уже на самом раннем этапе шейхитскими теоретиками в число столпов их веры как «четвертый столп» или это произошло несколько позже — вопрос отдельный, но, по нашему мнению, менее значимый, чем само это понятие.

Использованная литература и источники

Рахманийан, Серадж 1390: *Рахманийан Д., Серадж М.* Асл-е ма'рефат бе "рокн-е рабе" дар андише-йе шейхийе («Основа познания „четвертого столпа“ в шейхитской мысли») // *مطالعات تاریخ اسلام*. شماره 8، بهار 1390. С. 54–76.

Rahmaniyan D., Seraj M. Asl-e ma'refat be "rokn-e rabe" dar andishe-ye sheykhiye // *Motale'at-e Tarikh-e Eslam*. Shomare-ye 8, bahar-e 1390. С. 54–76.

Rahmaniyan D., Seraj M. The Principle of the Recognition of the "Forth Pillar" in the Shaykhi thought. In: *Motale'at-e Tarikh-e Eslam* № 8, the spring of 1390. P. 54–76.

Иоаннесян 2020: *Иоаннесян Ю. А.* «Китаб-и Нуктат ал-Каф» как источник по изучению шейхизма и раннего бабизма // *Письменные памятники Востока*. 2020. Том 17. № 1 (вып. 40). С. 46–55.

Ioannesyan Y. A. "Kitab-i Nuqtatal-Kaf" kak istochnik po izucheniiu sheykhizma i rannego babizma [The Nuqtat al-Kaf as a Source for the Study of Shaykhism and Early Babism] // *Pis'mennye Pamiatniki Vostoka*. 2020. Vol. 17. No 1 (iss. 40). P. 46–55.

Коран 1986: Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. [Предисловие В. И. Беляева и П. А. Грязневича]. 2-е изд. М.: Наука, 1986.

Koran. Perevod i kommentarii I. Y. Krachkovskogo. Predisloviye V. I. Belyaeva i P. A. Gryaznevicha [Koran. Translation and Commentary by I. Y. Krachkovsky. Pref-

²² Ведь если бы «доверенный имама» был бы столь же незримым, как и «Скрытый имам», то второй просто бы дублировал функции первого.

ace by V. I. Belyaev and P. A. Gryaznevich]. 2nd edition. Moscow: Nauka, 1986.

ал-Кулини, 2005: *ал-Кулини Мухаммад б. Йа'куб*. Усул ал-Кафи [ал-Кафи фи 'илм ад-дин]. Бейрут, 2005 (POBox: 155/25 Ghobiery).<https://alefbalib.com/index.aspx?pid=256&PdfID=468353> (дата обращения: 07.12.2018).

al-Kulini Muhammad b. Ya'qub. Usul al-Kafi [al-Kafif'ilmad-din]. Beirut, 2005 (POBox: 155/25 Ghobiery).<https://alefbalib.com/index.aspx?pid=256&PdfID=468353> (accessed on 07.12.2018).

Сайид Казим Рашти 2011: *Сайид Казим Рашти*. Основополагающие догматы веры / Пер. с перс., вступ. и коммент. Ю. А. Иоаннесяна (с приложением оригинального текста сочинения). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011.

Sayyid Kazim Rashti. Osnovopolagaiushchie dogmaty very / Perevod s persidskogo, vstuplenie i kommentarii Yu. A. Ioannesyana (s prilozheniem original'nogo teksta sochineniia) [The fundamental doctrines of the faith / Translated from Persian, preface and commentary by Yu. A. Ioannesyan (with the original text of the work)]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2011.

Сайид Казим Рашти. Ас-Сийар ва-с-Сулук: *Сайид Казим Рашти*. Ас-Сийар ва-с-Сулук. Литография Ps II 157 из собрания ИБР РАН.

Sayyid Kazim Rashti. Al-Siyar wa-l-suluk. Lithograph Ps II 157 from the collection of IOM RAS.

Сайид Казим Рашти 1859а: *Сайид Казим Рашти*. Далил ал-мутахаййирин. [Маджму'а, Табриз] 1276/1859 г. Литография Pk 213 из собрания ИБР РАН (без пагинации).

Sayyid Kazim Rashti. Dalil al-mutahayyirin [Majmu'a, Tabriz] 1276/1859. Lithograph Pk 213 from the collection of IOM RAS (without pagination).

Сайид Казим Рашти 1859б: *Сайид Казим Рашти*. Рисала-йи Шарифа-йи су'ал [ва] джаваб. [Маджму'а, Табриз] 1276/1859 г. Литография Pk 213 из собрания ИВРРАН.

Sayyid Kazim Rashti. Risala-yi Sharifa-yi su'al [va] javab [Majmu'a, Tabriz] 1276/1859. Lithograph Pk 213 from the collection of IOM RAS.

Сайид Казим Рашти 1432: *Сайид Казим Рашти*. Рисалат ал-худжжа ал-балига // Джавахир ал-хикма. Ал-Басра, 1432. Дж. 7. С. 93–190.

Sayyid Kazim Rashti. Risalat al-hujja al-baligha // Jawahir al-hikma. Al-Basrah, 1432. Vol. 7. P. 93–190.

Шайх Ахмад Ахса'и, 1430а: *Шайх Ахмад Ахса'и*. Джаваб са'ил 'ан ситт 'ашрата мас'ала // Джавами' ал-калим мин мусаннафат аш-Шайх ал-аджалл ал-аухад аш-Шайх Ахмад б. Зайн ад-дин ал-Ахса'и а'ла-ллах макама-ху. Ал-Басра, 1430. Дж. 9. С. 855–873.

Shaykh Ahmad Ahsa'i. Jawab sa'il 'ansitt 'ashrat mas'ala // Jawami' al-kalim min musannafat al-Shaykh al-ajall al-auhad ash-Shaykh Ahmad b. Zayn al-Din al-Ahsa'i a'la-lah maqama-hu. Al-Basrah, 1430. Vol. 9. P. 855–873.

Шайх Ахмад Ахса'и, 1430б: *Шайх Ахмад Ахса'и*. Усул ад-дин // Джавами' ал-калим мин мусаннафат аш-Шайх ал-аджалл ал-аухад аш-Шайх Ахмад б. Зайн ад-дин ал-Ахса'и а'ла-ллах макама-ху. Ал-Басра, 1430. Дж. 5. С. 118–119.

Shaykh Ahmad Ahsa'i. Usul al-din // Jawami' al-kalim min musannafat al-Shaykh al-ajall al-auhad al-Shaykh Ahmad b. Zayn al-Din al-Ahsa'i a'la-lah maqama-hu. Al-Basrah, 1430. Vol. 5. P. 118–119.

Щеглова, 1975: *Щеглова О. П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1975. Т. 1.

Shcheglova O. P. Katalog litografirovannykh knig na persidskom iazyke v sobranii Leningraskogo otdeleniia Instituta vostokovedeniia AN SSSR [Catalogue of the Lithographed Books in Persian in the Collection of the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1975.

A Traveller's Narrative, 1891: A Traveller's Narrative Written to Illustrate the Episode of the Báb. Ed. in the Original Persian, and Transl. into English, with an Introduction and Explanatory Notes, by E. G. Browne. Cambridge, 1891. Vol. 2.

Corbin 1959: *Corbin H.* L'École shaykhie en théologie shi'ite // École pratique des hautes études, Section des sciences religieuses. Annuaire 1960–1961. 1959. P. 3–59.

Kitab-i NUQTATU'L-KAF, 1910: Kitab-i NUQTATU'L-KAF Being the Earliest History of the Bábís Compiled by Hájji Mírzá Jání of Káshán / Ed. from the Unique Paris Ms. Suppl. Persan 1071 by E. G. Browne. London, 1910.

Nicolas, 1910–1914: *Nicolas A.-L.-M.* Essai sur le Chéikhism. T. I–IV. Paris: Librairie Paul Geutner, 1910–1914.

“THE FOURTH PILLAR” IN THE SHAYKHI TEACHINGS

Youli A. IOANNESYAN

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

The article highlights the Shaykhi concept of the “fourth pillar” and refutes the opinion of some researchers that it was first clearly formulated, put into circulation and turned into one of the four pillars of the teachings of Shaykhism by Hajj Muhammad Karim Khan Kirmani. The author proves that regardless of the formulation of this concept that was finally established in this Shiite religious and legal school, it essentially goes back to the teachings of the founders of Shaykhism — Shaykh Ahmad Ahsa’i and Sayyid Kazim Rashti.

Key words: Shiite Islam, Shaykhi school, perfect Shia.

About the author: **Youli A. IOANNESYAN**, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (youli19@gmail.com). ORCID: 0000-0003-2936-1128.

М. С. Фомкин

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

КИТАЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ В ПОЭМЕ «КУТАДГУ БИЛИГ» ЮСУФА БАЛАСАГУНИ

В статье рассматриваются литературные особенности образного мира поэмы Юсуфа улут хасс-хаджиба (Юсуфа Баласагуни) «Кутадгу билиг». В сочинении Юсуфа Баласагуни с очевидностью запечатлелся целый комплекс культурных влияний и связей. В нем можно отметить явные следы влияния культуры Китая, которые на уровне конкретного текста, его образной структуры, носят интересный характер. Обращаясь к китайской тематике, поэт, используя образы, наполненные глубоким психоэмоциональным содержанием, целенаправленно формирует специальное дискурсивное поле, которое имеет своей задачей особое воздействие на слушателя или читателя: на его мысли, эмоции, психологический настрой. После текстологического анализа становится ясной цель взаимодействия поэта с китайскими реалиями: при помощи словесных образов с возвышенной семантикой, содержащих широкий круг непререкаемых для поэта и его читателей авторитетов, он обозначает востребованность поэмы и ее популярность в высших кругах общества, доказывает ее право на существование в придворном обществе и таким образом пытается ввести поэму «Кутадгу билиг» в контекст высокой придворной литературы.

Ключевые слова: Кутадгу билиг, Благодатное знание, Юсуф Баласагуни, тюркоязычная поэзия.

Об авторе: Фомкин Михаил Семенович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики, ЛГУ им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия) (fomkin2000@mail.ru).

© ИВР РАН, 2023

© Фомкин М. С., 2023

Рожденная в XI веке в Кашгаре, на стыке великих культур, поэма «Кутадгу билиг» соединила в себе духовные достижения нескольких восточных народов. Этими культурами были тюркоязычная культура, арабо-мусульманская, персидско-таджикская, индо-буддийская и китайская. Это обусловило многие литературные особенности поэмы Юсуфа улут хасс-хаджиба (Юсуфа Баласагуни), ее образного мира. В сочинении Юсуфа Баласагуни с очевидностью запечатлен целый комплекс культурных влияний и связей, в том числе — явные следы воздействия культуры Китая, которые на уровне конкретного текста, его образной структуры, носят совершенно особый характер.

Из арабо-мусульманской культуры Юсуф Баласагуни взял конкретные словесные образы, поэтические фигуры арабо-персидской поэтики, стихотворный размер, литературную форму сочинения. С помощью этих и подобных им литературных элементов поэт создает

текст — конкретный, материальный объект. Обращаясь к китайской тематике, поэт, используя образы, наполненные глубоким психоэмоциональным содержанием, целенаправленно формирует специальное дискурсивное поле, которое имеет своей задачей особое воздействие на слушателя или читателя: на его мысли, эмоции, психологический настрой.

Так, в прозаическом предисловии к поэме Юсуф Баласагуни начинает характеристику своего сочинения со слов:

«Книга сия величественна в славе своей. Читаящий книгу сию, созданную по изречениям мудрецов Чина и украшенную стихами мудрецов Мачина, и возвещающий стихи ее сам возвеличен ею. Ученые и мудрые мужи Мачина согласны в том, что в восточных владениях, в государствах Туркестана никто не составил свода лучшие этой книги...» [Баласагуни, 1990. С. 60].

Упомянутые здесь Чин и Мачин — это Северный (Чин) и Южный (Мачин) Китай. Каш-

гария, где была закончена поэма, называлась Нижний Чин.

В приведенном фрагменте можно легко выделить ключевые слова, коннотация которых и определяет дискурс этого фрагмента: величественная — слава — мудрецы Чина — украшенная стихами — мудрецы Мачина — ученые и мудрые мужи Мачина. Несомненно, что здесь присутствует позитивная, возвышенная коннотация, соответствующая чувству восхищения перед мудрецами Чина и Мачина, которые являются здесь носителями высшего авторитета. И для оценки своей поэмы Юсуф приводит именно их мнение, мнение китайских мудрецов.

Нужно подчеркнуть, что в рамках статьи мы используем русский, филологически точный перевод с древнеуйгурского¹, и в этом фрагменте коннотация, совпадая в переводе с оригиналом, определяется не функционально-стилистическим расслоением лексики, а семантикой слова,

Хотя Юсуф пишет, что его поэма создана по изречениям мудрецов Чина и украшена стихами мудрецов Мачина, в действительности текст поэмы «Кутадгу билиг» содержит только одно точно обозначенное «изречение» китайского мудреца:

*Главе всех купцов из Хытая внемли,
Его караваны весь мир обошли...* (5755).

Хытай — это Средний Чин, т. е. Китай.

Текст поэмы наполняют многочисленные и точно обозначенные стихотворные цитаты из высказываний тюркских мудрецов, которые всегда вводятся специальным речевым оборотом с обязательным указанием их тюркского происхождения:

¹ Все примеры из поэмы «Кутадгу билиг» приводятся в поэтическом переводе С. Н. Иванова [Баласагуни, 1990] с указанием в круглых скобках номера цитируемого бейта. Оригинальный тюркоязычный текст поэмы «Кутадгу билиг» см. [Arat, 47], нумерация бейтов та же.

Автор счел возможным давать поэтический перевод С. Н. Иванова, поскольку он необыкновенно точно передает и формальную, и содержательную сторону сочинения Юсуфа Баласагуни. Средствами русского языка С. Н. Иванов практически полностью воссоздает все особенности поэтики «Кутадгу билиг». Использование именно этого русского перевода является данью уважения титаническому труду С. Н. Иванова, выдающегося ученого-востоковеда и блестящего поэта-переводчика.

*Хранит речи мудрые тюркский язык, —
Послушай, что молвил премудрый старик...* (667).

*Прекрасно сказал бек из рода Ягма*²... (1758).
*Услышь, что сказал преученый Чигиль*³... (3491).

Из вышеприведенных примеров наглядно видно, что поэма Юсуфа создана по изречениям не китайских, а тюркских мудрецов, а соответствующие утверждения поэта — всего лишь поэтическая метафора.

Тем не менее, из приведенного фрагмента предисловия к поэме ясно, что для Юсуфа Баласагуни было чрезвычайно важно связать свое сочинение в первую очередь с китайской культурой, подкрепить его авторитетом именно китайских мудрецов.

В рамках этого же дискурса лежат следующие строки прозаического предисловия:

«Мужи Чина называли ее “Сводом благочиния”, сподвижники государей Мачина звали ее “Радетелем держав”, повелители стран Востока именовали ее “Украшением властителей”, иранцы — тюркской “Книгой шахов”, а некоторые — “Книгой наставлений властителям”, туранцы же зовут ее “Благодатное знание”» [Баласагуни, 1990. С. 60].

Такое же обращение к авторитету китайской культуры, китайского двора мы видим и в стихотворном предисловии:

*Владыки Востока, и беки Мачина,
И все мудрецы в этом мире — едино* (12).
*Почли эту книгу своим достоянием —
Хранили в казне её с ревностным тщаньем* (13).

*Мужи разуменья в Мачине, весь Чин
Признали прекрасной её, как один* (18).

Интерес представляет вопрос о смысле толкования подобных высказываний по отношению к поэме, написанной на древнеуйгурском языке, который вряд ли знали китайцы — жители Северного и Южного Китая. В средневековой для подобных случаев утвердилось мнение А. Я. Гуревича, который считал, что речь в данном случае идет не столько о популярности

² Ягма — одна из ветвей племени карлуков.

³ Род Чигиль — восточная ветвь племени карлуков.

самого сочинения, сколько о широком распространении произведений подобного жанра [Гуревич, 1972. С. 499, 507]. Но даже если допустить, что здесь имеет место всего лишь традиционная в Средние века фигура речи, нельзя не заметить совершенно явное стремление поэта показать благосклонное отношение к своему сочинению китайской придворной элиты: у Юсуфа это — мужи Чина, сподвижники государей Мачина, беки Мачина, мужи разумных в Мачине. Возникает вопрос, являются ли эти отсылки к китайским образам всего лишь традиционными поэтическими метафорами или возможно допустить предположение, что китайская элита была уйгуроязычной. Действительно реальным, как отмечал академик В. В. Бартольд, является тот факт, что для Восточного Туркестана того времени не прошло бесследно близкое соседство китайского двора и китайской культуры [Бартольд, 1963. С. 46; Бартольд, 1963а. С. 115].

Например, древние уйгуры, по мнению Л. Базена, “чрезвычайно чувствительные к китайскому влиянию”, в это время уже приняли и полностью освоили поразительный по своему научному уровню китайский календарь 12-летнего животного цикла летоисчисления, которым пользовались и древние тюрки [Базен, 1986. С. 375].

Не следует забывать, что Юсуф Баласагуни представил свою поэму «Кутадгу билиг» (точнее — прозаическое предисловие к поэме) [Баласагуни, 1990. С. 61] “ко двору властителя Востока Табгач-хана”⁴, которого поэт называет также Табгач-Кара-Богра-хан (китайский ве-

ликий Богра-хан) [Баласагуни, 1990. Стихотворное предисловие. Бейт 60].

С учетом вышесказанного становится ясной цель обращения поэта к китайской тематике: при помощи словесных образов с возвышенной семантикой, содержащих широкий круг непрекаемых для поэта и его читателей авторитетов, вписать поэму “Кутадгу билиг” в контекст высокой придворной литературы, обозначить ее востребованность и популярность в высших кругах общества, доказать ее право на существование в этом придворном обществе, а тем самым — доказать, что тюркский язык и тюркоязычная литература ничуть не хуже других, уже признанных в культурном мире языков и литератур. Несколько столетий спустя это доказательство продолжил великий узбекский поэт Алишер Навои в своем трактате «Спор двух языков», где он показывает, что тюркский язык и тюркоязычная поэзия ничем не уступают персидскому языку и персидской поэзии.

Таким образом в соответствии с концепцией дискурса Ю. С. Степанова [Степанов, 1995. С. 39, 44] можно утверждать, что в приведенных выше фрагментах текста поэмы «Кутадгу билиг» действительно существует свой специальный дискурс, за которым стоит особый лексикон, особая семантика, в конечном счете — особый образный мир многогранной восточной культуры. В теории дискурса принято считать, что понятие дискурса неприменимо к древним текстам, поскольку у них не восстанавливаются непосредственные связи с живой жизнью. Проведенный анализ текста «Кутадгу билиг» показывает, что такая точка зрения не имеет универсального характера.

Использованная литература

Базен, 1986: Базен Л. Концепция возраста у древних тюркских народов // Зарубежная тюркология. Вып. I. Древние тюркские языки и литературы. М.: Наука, 1986.

Bazen L. Kontsepsiia vostrasta u drevnikh tiurkskikh narodov [The Concept of Age among the Ancient Turkic Peoples] // Zarubezhnaia tiurkologiya. Vol. I. Drevnie tiurkskie yazyki i literatury. Moscow: Nauka, 1986.

Бартольд, 1963: Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М.: Наука, 1963.

Bartold V. V. Istoriya kul'turnoi zhizni Turkestana [The History of the Cultural Life of Turkestan] // Sochineniya. Vol. 2. Pt. 1. Moscow: Nauka, 1963.

Бартольд, 1963а: Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М.: Наука, 1963.

Bartold V. V. Ocherk istorii Semirech'ya [Essays on the History of Semirechye] // Sochineniya. Vol. 2. Pt. 1. Moscow: Nauka, 1963.

⁴ Табгач — другое название Мачина, т. е. Южного Китая.

Гуревич, 1972: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1972.

Gurevich A. Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Nauka, 1972.

Степанов, 1995: Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип Причинности // Язык и наука конца XX в. М., 1995. С. 35–73.

Stepanov Yu. S. Al'ternativnyi mir, Diskurs, Fakt i Printsip Prichinnosti [Alternative World, Discourse,

Fact and the Principle of Causality] // Iazyk i kul'tura kontsa XX v. Moscow, 1995. S. 35–73.

Баласагуни, 1990: Юсуф Баласагуни. Благодатное знание. Л.: Советский писатель, 1990. (Библиотека поэта: Большая серия).

Yusuf Balasaguni. Blagodatnoe znanie [Blessed Knowledge]. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1990.

Arat, 1947: Arat R. R. Kutadgu Bilig: 1. Metin. Istanbul, 1947.

CHINESE CULTURAL INFLUENCE IN THE POEM “KUTADGU BILIG” BY YUSUF BALASAGUNI

Mikhail S. FOMKIN

Pushkin Leningrad State University

The article examines the literary features of Yusuf ulug khass-hadjib's poem *Kutadgu Bilig* (“Blessed Knowledge”), and its figurative world. Yusuf Balasaguni's work clearly captures a wide range of cultural influences and connections. In *Kutadgu Bilig* one can note obvious signs of Chinese cultural influence, which appear in a very special way at the level of a specific text, its figurative structure. Turning to the Chinese theme, the poet clearly and purposefully creates not just a text, but a special discourse (using words and images with special psycho-emotional content). This discourse has a strong influence on thoughts, emotions, and psychological mood of the listener or reader. In this case, discourse as a special use of language, creates a special mental world. After a textual analysis, the purpose of the poet's addressing to the Chinese theme, the use of verbal images with sublime semantics mentioning a wide range of authorities indisputable for the poet and his readers, becomes clear. Yusuf Balasaguni aims at including the poem *Kutadgu Bilig* into the context of high court literature, tries to indicate its relevance and popularity in the highest circles of society, as well as to prove its right to exist in this the court society.

Key words: Kutadgu Bilig, Blessed Knowledge, Yusuf Balasaguni, Turkic poetry.

About the author: **Mikhail S. FOMKIN**, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology and Linguodidactics, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation) (fomkin2000@mail.ru).

Б. Л. МИТРУЕВ
Калмыцкий научный центр РАН

О ПЕЧАТЯХ АГВАНА ДОРЖИЕВА И ДАНЗАНА НОРБОВЕВА

В данной статье представлены сфрагистические данные о печатях Агвана Доржиева и Данзана Норбоева, а также титулах, данных им Далай-ламой XIII Тубтен Гьяцо. В статье вводятся в научный оборот ранее неизвестные легенды на печатях Агвана Доржиева и Данзана Норбоева. Материалами для исследования являются тибетский и монгольский тексты Договора между Монголией и Тибетом 1913 г., отложившиеся в архиве ФСБ РФ по Республике Калмыкия, командировочное удостоверение Балдана Бодиева, направленного в Калмообласть для сбора трав, необходимых для тибетской медицины, опубликованное Г. Ш. Дорджиевой в книге «Репрессированное буддийское духовенство Калмыкии», и тибетская биография Далай-ламы XIII Тубтен Гьяцо «Ожерелье из удивительных драгоценностей», написанная Пхурбучок Тубтен Джампа Цультим Тендзином. Для изучения печати использованы специальные методы, используемые в лингвистике и текстологии. Исследование предоставляет прочтение легенд на печатях А. Доржиева и Д. Норбоева, а также исторические данные о выдаче этих печатей и титулов. Автор приходит к выводу, что печати и титулы А. Доржиева и Д. Норбоева были даны Далай-ламой XIII. Анализ Биографии Далай-ламы XIII позволяет сделать вывод, что подобные печати и титулы, данные А. Доржиеву и Д. Норбоеву, даровались и другим религиозным деятелям Монголии и Тибета.

Ключевые слова: Агван Доржиев, Данзан Норбоев, Ганджурва-гэгэн, сфрагистика, Бурятия.

Об авторе: Митруев Бембя Леонидович, младший научный сотрудник, аспирант, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Россия) (bemitrouev@yahoo.com). ORCID: 0000-0002-1129-9656.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (№ госрегистрации: 123021300198-4).

© ИВР РАН, 2023

© Митруев Б. Л., 2023

Введение

Среди письменных источников на тибетском языке, биография Далай-ламы XIII Тубтен Гьяцо (тиб. *thub bstan rgya mtsho*; 1876–1933) «Ожерелье из удивительных драгоценностей», написанной Пхурбучок Тубтен Джампа Цультим Тендзином (тиб. *phur bu lcog thub bstan byams pa tshul khrims bstan 'dzin*) является одним из малоисследованных источников исторической информации. Эта биография предоставляет сведения о А. Доржиеве и Д. Норбоеве, которые лично встречались с Далай-ламой XIII.

Агван Доржиев (1853—1938) был не только выдающимся религиозным деятелем, основателем монастыря и школ буддийского образования «чойра», он также являлся политическим

деятелем, принимавшем активное участие в исторических событиях XIX–XX вв. Оттиск его круглой печати стоит на тибетском и монгольском текстах Договора между Монголией и Тибетом 1913 г. Это указывает на его высокий статус в правительстве Далай-ламы XIII.

В 1932–34 гг. при буддийском храме «Гунзэ-чойнэй» (тиб. *kun brtse chos gnas*) в Ленинграде, который Доржиев подчеркнуто официально называет «Тибето-Монгольской миссией», вели прием ламы-лекари («эмчи-ламы») Бальжир Зодбоев и Чойни-Дава Томиргонов, практиковавшие традиционную тибетскую медицину [Андреев, 2004. С. 156]. Для сбора трав, необходимых для изготовления тибетских лекарственных препаратов, в Калмообласть в 1933–1934 гг. отправляется Балдана Бодиев. Его удостоверение для поездки, опубликован-

ные Г. Ш. Дорджиевой в книге «Репрессированное буддийское духовенство Калмыкии» [Дорджиева, 2014. С. 173, 175], стали источником оттиска квадратной печати А. Доржиева.

В биографии Далай-ламы среди тех, кто получил от него печати и титул упоминается и бурят Данзан Норбоев (1888–1935), шестое воплощение Ганджурва-гэгэна. Данзан Норбоев получил первоначальное образование в Цугольском дацане (основан в 1801 г.), затем, с 1905 по 1907 гг. обучался в тибетском монастыре Лавран в провинции Амдо. С 1909 по 1917 гг. обучался в колледже Гоманг монастыря Дрепунг, где получил степень геше лхарамбы¹.

Вернувшись в Бурятию в 1918 г., Данзан Норбоев стал настоятелем Цугольского дацана, ставшего источником института перерожденцев в Бурятии. Оттиск квадратной печати Д. Норбоева, сделанный красной тушью или чернилами, стоит на желтом шелковый свитке устава (тиб. *bsa' yig*) медицинской школы Цугольского монастыря, который был написан самим Д. Норбоевым в его резиденции в Цуголе, в алтарной комнате год Воды–Собаки (1922–1923 г.) пятнадцатого рабджуна² (тиб. *rab byung*) [Бардалеева, 2015. С. 26].

Цель данного исследования — проанализировать оттиски печатей А. Доржиева и Д. Норбоева, установить содержание их легенд, а также, опираясь на упомянутые выше документы, выяснить их происхождение и значение.

Печать Агвана Доржиева

В биографии Далай-ламы XIII Агван Доржиев, известный также под своим монашеским именем Агван Лувсан (тиб. *ngag dbang blo bzang*), упоминается несколько раз. Так, в биографии сказано, что седьмого числа первого тибетского месяца 1888 г., после того как пять новых цэншабов (тиб. *mtshan zhabs*) — партнеров Далай-ламы по философскому диспуту, были представлены Далай-ламе, он одарил их хадаками [phur bu lcog, 2010a. С. 274].

Хотя имя А. Доржиева здесь не упоминается, вероятно он входил в число этих пяти но-

вых цэншабов, которые были добавлены к двум уже существующим. Далай-лама собственной дланью даровал цэншабам комплект одежды, состоящий из монашеской жилетки и прочего, а также чай и серебро [phur bu lcog, 2010a. С. 275]. После представления Далай-лама ежедневно обучался и дебатировал с цэншабами.

Помимо этого, А. Доржиев упоминается в связи с подношением молебна о долгой жизни Далай-ламы в 1897 г.:

«В шестом месяце <...> года Огня-Птицы (т.е. 1897 г. — Б. Митруев) <...> гоманговский цэншаб Лувсанг Агван пригласил определенное количество монахов из монастыря Намгьял и совершил [Далай-ламе] обширное подношение молебна долгой жизни»³ [phur bu lcog, 2010a. С. 447].

Кроме того, А. Доржиев выступил в роли приглашающего Далай-ламу на церемонию великого молитвенного фестиваля чудес в Лхасе:

«Обладающий верой и усердием проницательный гоманговский цэншаб Лувсан Агван пригласил Далай-ламу, чтобы возглавить церемонию великого молитвенного фестиваля чудес. Девятого числа [первого тибетского месяца] <...> года Железа-Мыши (т.е. 1900 г. — Б. Митруев) согласно старой традиции [Далай-лама] в сопровождении пышной колонны всадников прибыл в [храм] Раса Трулнанг, где в зале Эвам дал аудиенцию многим тысячам китайцев и тибетцев, а также наслаждался праздничным жареным хворостом»⁴ [phur bu lcog, 2010a. С. 528].

А также в роли просителя о том, чтобы Далай-лама долго пребывал в этом мире:

«Десятого числа [первого тибетского месяца] <...> года Железа-Мыши (т.е. 1900 г. —

¹ Высшая ученая степень в школе гелуг тибетского буддизма.

² Шестидесятилетний цикл тибетского календаря.

³ *me bya (1897) <...> zla ba drug pa'i nang <...> sgo mang mtshan zhabs blo bzang ngag dbang nas rnam gra grangs bcad gdan bskul gyis brtan bzhuks legs 'bul rgyas par spros [phur bu lcog 2010a. С. 447] (Перевод Б. Л. Митруева).*

⁴ *lcags byi <...> dad brtson rnam dpyod yangs pa sgo mang mtshan zhabs blo bzang ngag dbang nas cho 'phrul smon lam chen mo'i tshogs mgon du spyen 'dren gsol ba btab pa bzhin tshes dgu nyin sngar lam chibs rags kyi bkod pa rgyas gshoms dang bcas ra sa 'phrul snang du chibs bsgyur thog/ e waM du rgya bod kyi skye bo stong phrag du mar mjal kha dang / phebs ston gyi dkar spror dgyes bzhin rol [phur bu lcog 2010a. С. 528] (Перевод Б. Л. Митруева).*

Б. Митруев) благодетель цэншаб Лувсан Агван дал подробное объяснение чистой земли пред [Далай-ламой], находившимся во главе океана собрания десяти тысяч монахов, таким образом обратившись к нему с мольбой, дабы его стопы пребывали непоколебимо, словно алмазная гора, а также совершил пред его очами подобное облакам неисчислимое подношение вещей»⁵ [phur bu lcog, 2010a. С. 528].

Из автобиографии А. Доржиева становится известно, что он сопровождал Далай-ламу во время его визита в Монголию и Китай [Доржиев, 2003. С. 57, 59].

Вот что сказано в биографии Далай-ламы о встрече с вдовствующей императрицей Цыси в Пекине, на которой присутствовал А. Доржиев:

«20 числа <...> восьмого тибетского месяца <...> года Земли-Обезьяны (т.е. 1908 г. — Б. Митруев) [Далай-лама] проехав по центральной дороге через великолепный удивительный город [Пекин] и через множество прекрасных построек дворцов, прибыл на порог восточных врат великого дворца Ваньшоушань⁶. Там он вышел из паланкина и был препровожден чиновником⁷ Дашоу⁸, сотрудником военного министерства⁹ и другими пятьюстами известными старшими гражданскими и военными чиновниками во дворец Жэньшоудянь¹⁰, где находилась вдовствующая императрица¹¹ [Цыси]. Старший

глава ведомства по делам инородцев¹² пригласил Великого владыку (т.е. Далай-ламу — Б. Митруев) внутрь, где он предстал пред [вдовствующей императрицей] вместе с переводчиком¹³ и своим окружением из наставника по вине из монастыря Дрепунг, пекинского переводчика Нгаванг Гендуна, приближенного Кунделинг-дзасака Лобсанг Шедруба, старшего стюарда Джампа Гелека, старшего мастера алтаря Лобсанг Осера и партнера по дебатам, старшего настоятеля Нгаванг Лобсанга»¹⁴ [phur bu lcog, 2010b. С. 88].

Остается неизвестным, присутствовал ли А. Доржиев на встрече Далай-ламы с императором Гуансюем (1871–1908), так как в биографии упомянуты лишь четыре сопровождавших Далай-ламу чиновника из его личного окружения (тиб. *zhabs zhu sku bcar mkhan po bzhi*) [phur bu lcog, 2010b. С. 89]. Хотя Агван Доржиев нечасто фигурирует в биографии Далай-ламы, он незримо присутствует в ней при упоминании цэншабов, сопровождавших Далай-ламу.

Также в биографии Далай-ламы приведена легенда, связанная с Российским государством, источником которой, предположительно, является А. Доржиев. Мы приведем ее здесь:

«Однажды, один русский царь¹⁵, обладавший силой, богатством и величайшей властью, услышал о славе Высшего владыки (т.е. Далай-ламы — Б. Митруев), отправил своего

⁵ *tshes bcu gsum nyin khri khrag 'dus pa rgya mtsho'i tshogs dbus su zhabs sor bkod par yon gyi bdag po mtshan zhabs blo bzang ngag dbang nas zhing khams bshad pa zhib rgyas kyi sgo nas zhabs zung rdo rje'i lhun po ltar brtan pa'i gsol 'debs dang / dngos 'bul gyi mchod sprin tshad las 'das pa spyen lam du bstar te legs par mchod* [phur bu lcog, 2010a. С. 528] (Перевод Б. Л. Митруева). По всей видимости это же событие описано в книге Я. Ханьчжана «Биографии Далай-лам» [Hanzhang, 1991. С. 595].

⁶ Гора Ваньшоушань (кит. 万寿山; пиньинь *wànshòushān*); букв. гора долголетия (императорская гора, расположена в Летнем дворце).

⁷ Ючэн (кит. 右丞; *yòuchéng*), чиновник.

⁸ Дашоу (кит. 达寿; пиньинь *Dá shòu*), служащий отдела Лифан.

⁹ Цзюньцзи (кит. 军机; пиньинь *jūnjī*), сотрудник военного министерства (империи Цин).

¹⁰ Жэньшоудянь (кит. 仁寿殿; пиньинь *rénshòudiàn*), Дворец добродетели и долголетия (дворец в парке Ихэюань, Пекин).

¹¹ Вдовствующая императрица (кит. 皇太后; *huángtàihòu*).

¹² Глава ведомства по делам инородцев (кит. 理藩部堂官; пиньинь *Lǐ fān bù táng guān*).

¹³ Переводчик (тиб. *thung si*; кит. 通司; пиньинь *tōngsī*).

¹⁴ *hor zla brgyad pa'i <...> tshe nyi shu <...> dpal dang ngo mtshar phun sum tshogs pa dang ldan pa'i grong khyer dang khang bzang bkod pa khyad 'phags mang po'i dbus lam brgyud pho brang chen po wang shu khran zhes pa'i shar phyogs kyi chab sgo'i 'gag tu phebs pa na phebs byams las bshol/ rin khru'u tan gzims chung du hong tha'i hu phebs bzhugs thog yul chan rda khrin dang / cun ji sogs zhi drag dpon rigs che bar grags pa lnga brgya skor nas brang ban zhus/ rlis khang sbug thang kwan che ba nas gong sa rin po che gdan drangs shing / skad sgyur thung si dang zhabs zhur 'bras spungs 'dul ba slob dpon dang / pi cing lo tsA pa ngag dbang dge 'dun/ gam bcar kun gling dza sag blo bzang bshad sgrub/ gsol dpon che ba byams pa dge legs/ mchod dpon blo bzang 'od zer/ mtshan zhabs mkhan che blo bzang ngag dbang bcas lhan cig tu bcar* [phur bu lcog, 2010b. С. 88].

¹⁵ Вероятно, Николай II (1868–1918).

внутреннего министра Хунсы¹⁶ на Утайшань с великими подношениями с просьбой о рождении наследника. Далай-лама дал обещание. Вскоре у этого царя родился удивительный сын, внешне совсем не похожий на русского ребенка, а выглядящий как тибетский мальчик. Вследствие этого царь уверовал в силу Великого владыки и учение Будды и построил в той стране несколько буддийских храмов и монастырей, которых не было прежде и установил там службу и подношения. Царевич¹⁷ же стал известен как “царевич Далай-ламы”. На следующий год, когда Высший владыка (т.е. Далай-лама — Б. Митруев) вернулся из Китая в монастырь Кумбум, русский царь снова отправил своего внутреннего министра Хунсы¹⁸ к [Далай-ламе], отправив через него прекрасные пышные подношения, деньги и подарки в благодарность за появление сына»¹⁹ [phur bu lcog, 2010b. С. 80–81].

Несмотря на то, что в последние годы вышло несколько работ, содержащих письма Агвана Доржиева [Белов, Святецкая, Шаумян, 2005; Samten, Tsyrempilov, 2012; Ishihama, Inoue, 2022], сведения о печати Агвана Доржиева остаются неизвестными, так как на этих до-

кументах отсутствуют его печати. Однако в автобиографии А. Доржиева, написанной им в возрасте 70 лет (т.е. 1924 г.) на тибетском языке, сказано:

«По распоряжению Всеведущего Владыки Победоносных (т.е. Далай-ламы — Б. Митруев), видевшего осла как золото, мне был присвоен ранг старшего настоятеля²⁰, дарованы официальный документ о присвоении титула “Помощник по делам религии”, круглая и квадратная печать, а также хадак»²¹ [ngag dbang blo bzang, б. д. С. 24].

Исходя из последовательности событий, описываемых в автобиографии, можно сделать вывод, что печати были даны А. Доржиеву приблизительно в 1900–1901 гг. Тибетским правительством и верховным правителем.

В 1901 г. Агван Доржиев, был официально назначен полномочным представителем Тибета при правительстве России [Андреев, 2004. С. 195]. Возможно, что печати и титул были даны А. Доржиеву Далай-ламой специально для этой миссии.

Интересно отметить, что данный абзац отсутствует в автобиографии А. Доржиева на монгольском языке, написанной им в 1921 г. [Доржиев, 2003]. Из этого отрывка нам становится известно, что у А. Доржиева было две печати, одна круглая, другая — квадратная. Сохранились ли оттиски этих печатей?

Оттиск круглой печати (Рис. 1) стоит на тибетском и монгольском текстах Договора между Монголией и Тибетом 1913 г. [Батсайхан, 2011. С. 628, 629], во время подписания которых Агван Доржиев выступил в роли полномочного представителя Далай-ламы XIII [Кузьмин, 2011. С. 123].

Оттиск круглой печати А. Доржиева поставлен красной тушью или краской. Внутри рам-

¹⁶ Вероятно, Хунсы является тибетским произношением имени Густав, код которым подразумевается Карл Густав Эмиль Маннергейм (1876–1951), встретившийся на Утайшане с Далай-ламой 25 июня 1908 г. [Маннергейм, 1999. С. 40].

¹⁷ По всей видимости, здесь имеется в виду Алексей Николаевич Романов (1904–1918).

¹⁸ Вероятно, это какой-то другой русский чиновник, так как К. Г. Маннергейм больше не встречался с Далай-ламой.

¹⁹ skabs shig tu ru su'i rgyal bo stobs 'byor dang / mnga' thang shin tu che ba zhig gis gong sa chen po'i snyan pa rgyang nas thos te nang blon hong se zhes pa zhig ri bo rtse lngar chad du mngags nas 'bul dngos rgya che dang bcas rgyal por rigs brgyud 'dzin pa'i sras shig yong ba'i skyabs 'jug zhus par zhal bzhes bzang po stsal cing / ring por ma thogs par rgyal po der ru su'i rigs dang gtan mi 'dra ba'i bod phrug gi byad dbyibs can gyi sras khyad 'phags shig btsas pas gong sa chen po'i byin mthu dang / nang pa'i chos lugs la yid ches mos par gyur te yul der sngar med pa'i nang pa'i lha khang dang dge 'dun gyi gnas gzhi 'ga' zhig gsar du bskrun nas phyag mchod sri zhu bgyid pa dang / sras de la'ang tA la'i bla ma'i sras zhes 'bod par grags/ de'i phyi lo gong sa mchog rgya nag nas sku 'bum du phyir phebs skabs ru su'i rgyal po nas nang blon hong se zer ba slar yang sku gam du brdzangs nas sras byung ba'i thugs rje legs 'bul dngul dngos rgya chen po phul [phur bu lcog, 2010b. С. 80–81] (Перевод Б. Л. Митруева).

²⁰ Кхенче (тиб. mkhan che) – высокопоставленный монах-чиновник третьего ранга в традиционном тибетском правительстве [Glossary, 2023].

²¹ rgyal dbang thams cad mkhyen pa nas// gus bar bong ba gser gzigs kyis// mkhan che'i go sa stsal ba dang // sha cang [cing] thos lag che zhes/ tsho lo bka' shog tham ka yang//gru bskor gnyis bcas gsol ras stsal [ngag dbang blo bzang, б. д. С. 24]. Английский перевод автобиографии А. Доржиева на тибетском языке опубликован Т. Норбу и Д. Матрином [Norbu, Martin, 1991].

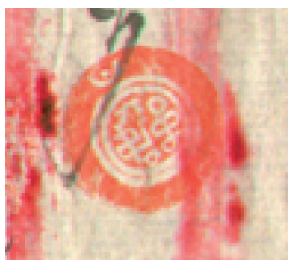

Рис. 1. Круглая печать А. Доржиева

ки из двух concentрических кругов находится легенда в виде имитации квадратного письма Пагба-ламы. Непосредственно над легендой находится знак, напоминающий китайский иероглиф «у» (кит. 五; пиньинь wù). В верхней части печати на кромке расположен полумесяц и солнечный диск. К сожалению, дальнейшая судьба этой печати неизвестна.

Благодаря исследовательской работе Г. Ш. Дорджиевой, обнаружившей в архиве ФСБ РФ по Республике Калмыкия командировочные удостоверения Балдана Бодиева и опубликовавшей их, мы имеем возможность ознакомиться с оттиском другой, квадратной печати А. Доржиева. Командировочные удостоверения Балдана Бодиева, направленного в Калмоласти для сбора трав, необходимых для тибетской медицины, датированные 23 мая 1933 г. и 1 июня 1934 г., были выданы в г. Ленинграде и подписаны Хамбо Доржиевым [Дорджиева, 2014. С. 173, 175].

Из двух сохранившихся оттисков оттиск печати на командировочном удостоверении Балдана Бодиева от 23 мая 1933 г. более четок (Рис. 2) [Дорджиева, 2014. С. 173].

Квадратная печать А. Доржиева (Рис. 3) содержит легенду, записанную квадратным письмом Пагба-ламы. Так как изображение недостаточно четкое, здесь представлена реконструкция печати²² (Рис. 4).

Легенда на печати представляет собой текст на тибетском и монгольском языках: *sha cing thos lag chi tham ga*, «Печать помощника по делам религии». *ᠱacin tuslayci* (тиб. *sha cing thos lag chi*) — титул на монгольском языке. Так как изображение печати на документе черно-белое,

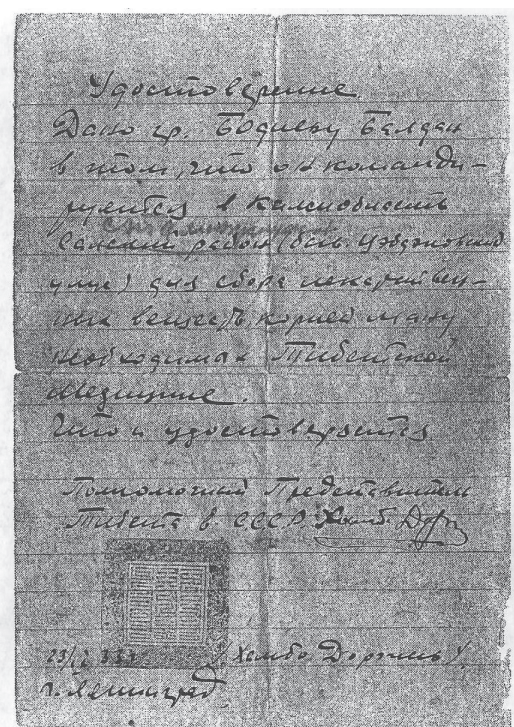

Рис. 2. Командировочное удостоверение Балдана Бодиева, 23 мая 1933 г.

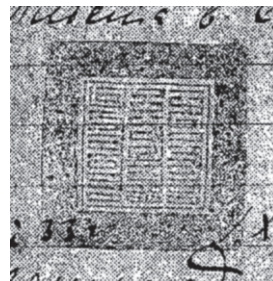

Рис. 3. Квадратная печать А. Доржиева

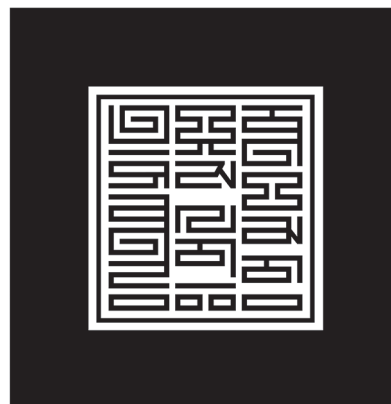

Рис. 4. Реконструкция квадратной печати А. Доржиева

²² Автор выражает благодарность А. Д. Жамсоеву за помощь в подготовке реконструкции печати.

невозможно точно установить, какого цвета тушь была использована для оттиска. Однако, исходя из того, что оттиск квадратной печати Д. Норбоева на уставе медицинского факультета Цугольского дацана поставлен красной тушью или чернилами, можно предположить, что оттиски квадратной печати А. Доржиева, также полученной от Далай-ламы, также ставился красной тушью или чернилами. После слова *šacin* монгольской части легенды отсутствует показатель притяжания, в правильном виде эта словоформа должна писаться *šacin-и* (совр. монг. *шашины*). После слова *tuslayci* отсутствует тибетский показатель притяжения, в правильном виде эта словоформа должна писаться *thos lag chi'i/chi yi*.

Данный титул *šacin tuslayci*, *Помощник по делам религии*, являлся титулом, который даровался Далай-ламой различным религиозным деятелям. Так в 1914 г. этот же титул, а также квадратная и круглая печати были дарованы Далай-ламой XIII седьмому воплощению тертона Пема-лингпы Пюдэ Гомчену Кончок Тендзин Рабгье (тиб. *spus bde sgom chen dkon mchog bstan 'dzin rab rgyas*):

«За прекрасно выполненную службу в период, когда Высший правитель (т.е. Далай-лама — Б. Митруев) находился с визитом в Китае и Монголии, седьмому воплощению тертона Пема-лингпы Пюдэ Гомчену Кончок Тендзин Рабгье была дарована награда в виде титула «Помощника по делам религии», квадратной и круглой печатей, позолоченного наверху и капора для коня, права сидеть на среднем сиденье настоятеля из трех тюфяков вместе с подушками»²³ [phur bu lcog, 2010b. С. 223].

Такой же титул был дан дербетскому дзодба-ламе Шераб Геджялу:

«Двадцать девятого числа <...> седьмого тибетского месяца <...> года Земли-Лошади (т.е. 1920 г. — Б. Митруев) по просьбе дербет-

ского дзодба-ламы Шераб Геджяла ему был дан титул «Помощник по делам религии», квадратная и круглая печати и подарки»²⁴ [phur bu lcog, 2010b. С. 318].

Из биографии Далай-ламы мы узнаем, что, подобные круглые и квадратные печати выдавались и другим религиозным деятелям:

Тулку Дзогчен Пема Ригдзину (тиб. *rdzogs chen pad+ma rig 'dzin gyi sprul sku*) был дан титул великого пандиты (тиб. *paN+Di ta chen po*), а также круглая и квадратная печати [phur bu lcog, 2010a. С. 358];

Настоятелю монастыря Чойкор-линг (тиб. *chos 'khor gling*) дербетского нутука торгутского [ханства] Лобсан Шарабу (тиб. *blo bzang shes rab*) [phur bu lcog, 2010a. С. 368]; Ладакскому тулку (тиб. *la dwags sprul sku*) [phur bu lcog, 2010a. С. 427]; Гоманговскому лхарамбе Лобсанг Дордже (тиб. *bras sgo mang lha rams pa blo bzang rdo rje*) [phur bu lcog, 2010a. С. 489];

Гьялтанг тулку из монастыря Сера Мэ (тиб. *ser smad rgyal thang sprul sku*) [phur bu lcog, 2010a. С. 490];

Трехор Нагцанг тулку (тиб. *tre hor nag tshang sprul sku*) [phur bu lcog, 2010a. С. 538]; Циу Тагна тулку (тиб. *tsi'u stag sna sprul sku*) [phur bu lcog, 2010a. С. 590]; Махапандите Санге (тиб. *ma hA paN+Di ta rje sanggA*) [phur bu lcog, 2010b. С. 25]; Беринг-ламе (тиб. *sbas ring bla ma*) и Качену из Таши Лхунпо (тиб. *bkras lhun dka' chen*) [phur bu lcog, 2010b. С. 42];

Наставнику Чанкья-хутугты (тиб. *lcang skya yongs 'dzin*) [phur bu lcog, 2010b. С. 50];

Це Монлинг тулку Нгаванг Лобсанг Тенпе Гьялцену (тиб. *tshe smon gling sprul sku ngag dbang blo bzang bstan pa'i rgyal mtshan*) был дан титул *šacin delgegči* (тиб. *sha cin tel gig che*), «распространяющий религию», и печати [phur bu lcog, 2010b. С. 193];

Настоятелю тантрического монастыря Гандан Шедуб-линг (тиб. *dga' ldan bshad sgrub gling*) хошуна Хорчин Горлос дзасаку Еше Вангьюру (тиб. *dza sag ye shes dbang bsgyur*) был дарован титул *šacin čing nayiraltu* (тиб. *sha cin*

²³ *gter ston pad+ma gling pa'i skye phreng bdun pa sbus [spus] bde sgom chen dkon mchog bstan 'dzin rab rgyas nas gong sa mchog rgya sog tu phebs bzhugs skabs sri zhu legs par bsgrubs pa'i gzigs bzos su sha cin thos lag chi zhes pa'i cho lo dang / tham ga grub sgor/ rta tog ze long khebs/ mkhan gdan 'bring kha zhes gdan thob gsum gdan snye 'bol dang bcas pa dang /* [phur bu lcog, 2010b. С. 223] (Перевод Б. Л. Митруева).

²⁴ *sa rta <...> tshes nyer dgu nyin <...> dur bed bla ma'i mdzod pa shes rab dge rgyal gyis zhus ngor sha cin thu sa lag chi zhes pa'i cho lo dang / tham ga gru sgor bcas gsol ras stsal/* [phur bu lcog, 2010b. С. 318] (Перевод Б. Л. Митруева).

ching ni ril lu), «создающий крепкое согласие в религии», и печати [phur bu lcog, 2010b. С. 270];

Лхундруб Кхангсар тулку Лобсанг Тендзин Чопелю (тиб. lhun grub khang gsar sprul sku blo bzang bstan 'dzin chos 'phel), относящемуся к монастырю Таши Пенде-линг (тиб. bkra shis phan bde gling) хошуна дербетского Чинвана был дан титул čing bišireltü (тиб. ching be zhi ral thu), «обладающий крепкой верой», и печати [phur bu lcog, 2010b. С. 401];

Тулку Лобсанг Джампел Тенпе Гьялцену (тиб. blo bzang 'jam dpal bstan pa'i rgyal mtshan) из монастыря Ганден Чолинг Гендун Пел (тиб. dga' ldan chos gling dge 'dun 'phel) хошуна халхаского Дзасагту Вана был дарован титул nayiraltu (тиб. ni ri thu), «создающий согласие», и печати [phur bu lcog, 2010b. С. 423].

Печать Ганджурва-тулку

Из биографии Далай-ламы известно, что Д. Норбоев, чье полное монашеское имя — Лобсан Лундог Дамби-Нима [Бардалеева, 2015. С. 22], несколько раз встречался с Далай-ламой. Первая встреча произошла на Утайшане в 1908 г. До его собственного визита Далай-ламу посетители его посланники:

«В год Земли-Обезьяны (т.е. 1908 г. — Б. Митруев) <...> [Далай-лама] постепенно прибыл в Сюйшиянь²⁵, где был встречен бурятском Намдак-нойоном и его людьми, а также посланниками нового воплощения Ганджурвы, прибывшими приветствовать [Далай-ламу]»²⁶ [phur bu lcog, 2010b. С. 63].

Затем сам Ганджурва-гэгэн встретился с Далай-ламой:

«Во втором тибетском месяце <...> года Земли-Обезьяны (т.е. 1908 г. — Б. Митруев) <...> бурятский Ганджур-лама с четырьмя прислужниками совершили пышное подношение и получили аудиенцию. Они доложили о том, что от имени нового воплощения Ганджурвы была

куплена земля и строится новый монастырь»²⁷ [phur bu lcog, 2010b. С. 70].

Следующая встреча произошла месяц спустя:

«Пятнадцатого числа <...> третьего тибетского месяца (1908 г. — Б. Митруев) <...> бурятский Ганджур-лама и нярва снова получили аудиенцию в покоях [Далай-ламы]. Они доложили о том, что упомянутый прежде строящийся новый монастырь с резиденцией и молитвенным залом вскоре будет закончен. [Далай-лама] вознес хвалу и выразил свою искреннюю радость»²⁸ [phur bu lcog, 2010b. С. 70].

Во время следующей встречи с Ганджурва-гэгэном Далай-лама даровал имя его новому монастырю:

«В шестом тибетском месяце (1908 г. — Б. Митруев) в связи с завершением строительства нового монастыря прибыл бурятский Ганджур-лама, чтобы передать его Высшему владыке (т.е. Далай-ламе — Б. Митруев). [Далай-лама] отправился вместе с важными представителями его окружения и совершил ритуал освящения, а также отворил врата благой взаимозависимости (т.е. совершил церемонию открытия монастыря). Он даровал ученикам — подходящим сосудам — посвящение долгой жизни более десяти раз, а также неисчислимое количество устных передач. Также он даровал нововозведенному монастырю название «Таши Тегчен-линг»²⁹. Ради того, чтобы монашеская община, а также обучение и практика дхармы в течение долго времени преумножались в данном монастыре, он дал на-

²⁷ sa sprel <...> zla ba gnyis pa' nang <...> sbo rad thu bka' 'gyur bla ma ngo g.yog bzhi nas dngos 'bul tshan che ba bteg ste mjal kha zhus shing / da lta bka' 'gyur so ma'i khongs nas sa nyos kyi dgon pa zhig gsar bsgrun zhu bzhiin lags pa zin mtshams 'bul lam zhus chog pa zhes gsol/ [phur bu lcog, 2010b. С. 70] (Перевод Б. Л. Митруева).

²⁸ zla ba gsum pa'i nang <...> tshes bco lnga nyin <...> sbo rad thu bka' 'gyur bla ma dang / gnyer pa nas slar yang gzims chung mjal kha'i thog sngon zhus dgon pa gsar btap pho brang 'du khang dang bcas pa ring min zin rgyu yin lugs kyi snyan sgron zhus par legs so'i dbyugs dbyung yang dag par tsal [phur bu lcog, 2010b. С. 70] (Перевод Б. Л. Митруева).

²⁹ Нам не удалось идентифицировать данный монастырь. Возможно, он находился в тибетской провинции Амдо.

²⁵ Нам не удалось идентифицировать это место.

²⁶ de nas rim gyis byon par zhus hri yan du sbo rad thu rnam dag no yon can dang / bka' 'gyur so ma'i mtshams 'bul mi sna [phur bu lcog, 2010b. С. 63] (Перевод Б. Л. Митруева).

ставления и поучения и несколько раз посетил [монастырь]»³⁰ [phur bu lcog, 2010b. С. 80].

После того, как Далай-лама вернулся из изгнания в Индию, Ганджурва-гэгэн был одним из тех, с кем он встретился в Самдинге, в Тибете:

«[В 1912 г. в Самдинге] Кунделинг-дзасак Лобсанг Шедруб, старший командующий У-Цанга, прибывший приветствовать [Далай-ламу] посланник дзона от драгоценного держателя трона из Цемон-линга, Ньейон Сонам Тобье и бурятский Ганджур-тулку совершили подношение с просьбами»³¹ [phur bu lcog, 2010b. С. 180].

Одаровании титула и печатей Ганджурва-гэгэну в биографии XIII Далай-ламы сказано следующее:

«В год Огня-Змеи (т.е. 1917 — Б. Л. Митруев), прибыл с прощальным поклоном отправляющийся на родину бурятский Ганжур-тулку Лобсанг Лундог Дамби-Нима, который завершил свое обучение и получил звание [геше]. [Далай-лама] даровал тулку [титул] «Распространяющий религию» (монг. *sha cin man+ta ko lag che*), [его] [шан]-зодбе [ранг] «кхен-чунг» (тиб. *mkhan chung*), сойбону [ранг] «лецен чекха» (тиб. *las tshan che kha*)³². [Далай-лама] жаловал ему зонты, паланкины, позолоченные наперстки и капы для коня, и соответствующий диплом о титуле, квадратную и круглую печати, и прочие прекрасные прощальные подар-

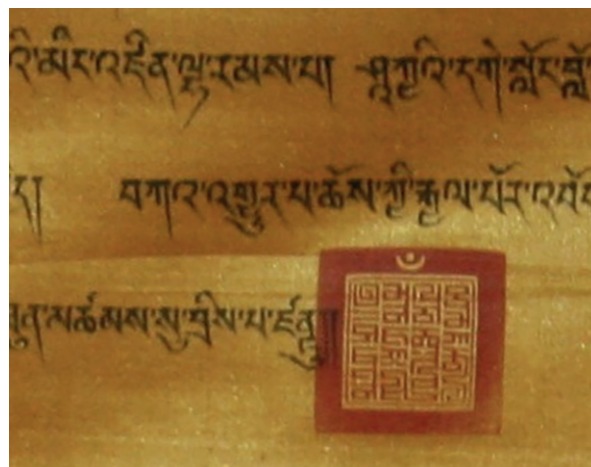

Рис. 5. Оттиск печати Ганджурва-гэгэна Д. Норбоева

ки, чтобы отвезти на родину»³³ [phur bu lcog, 2010b. С. 270–271].

Оттиск квадратной печати Ганджурва-гэгэна сохранился на свитке «Устава медицинского факультета Цугольского дацана» (Рис. 5)³⁴.

Легенда на печати представляет собой написанный квадратным письмом Пагба-ламы текст на монгольском и тибетском языках, размещенный в четырех колонках. В верхней части печати находится знак в виде солнца и полумесяца, который часто выступает ориентиром, маркирующим верхнюю сторону печати.

Текст открывает начальный знак, называемый по-тибетски *dbu khyud*, а по-монгольски — *birγ-a*, за которым следует сама легенда на тибетском и монгольском языках: *sha cin/ man tu ko/ lag che'i/ tham ka rgyal*. Первые три колонки представляет собой тибетскую транслитерацию монгольского титула «*šasin-i manduγuluγsi*»³⁵ (совр. монг. *шашныг мандуу-*

³⁰ *zla ba drug par <...> sbo rad bka' gyur bla ma nas dgon pa gsar btab dang 'brel gong sa chen por 'bul sbyor zhus par sku 'khor hrags bsodus kyis byon nas rab gnas dang / rten 'byung gi sgo 'phar phyed/ snod ldan du mar tshe dbang tshar bcu phrag brgal ba dang / lung rgyun yang tshad las 'das pa spel bar mdzad/ gong gsal dgon gsar der ming bkra shis theg chen gling zhes stsal zhing / dge 'dun gyi sde dang / bshad sgrub yun du 'phel phyir zhal ta bka' slob mdzad par yang yang phebs bzhus mdzad* [phur bu lcog, 2010b. С. 80] (Перевод Б. Л. Митруева).

³¹ *kun gling bla brang gi dza sag blo bshad dang / dbus gtsang dmag spyi che ba/ tshe gling khri rin po che'i mtshams 'bul mdzod pa/ snye yon bsod nams stobs rgyas/ sbo rad thu bka' gyur sprul sku bcas nas rten gsol dang* [phur bu lcog, 2010b. С. 180] (Перевод Б. Л. Митруева).

³² Название для чиновников 5-го ранга в традиционном тибетском правительстве.

³³ *me sbrul lo <...> 'bras sgo mang sbo rad thu bka' gyur sprul sku blo bzang lung rtogs bstan pa'i nyi ma slob gnyer dang / ming btags zin te rang yul phyir log la thon phyag thog/ sprul skur sha cin man+ta ko lag che dang / mdzod par mkhan chung / gsol dpon la las tshan che kha/ rang yul du gdugs dang / byams/ rta tog ze long sogs brgya bas 'thus kyi cho lo'i bka' shog dang / tham ga gru sgor/ thon rdzongs gzab pa bcas gsol ras tsal* [phur bu lcog, 2010b. С. 270–271] (Перевод Б. Л. Митруева).

³⁴ Автор выражает благодарность С. Б. Бардалеевой за предоставленное изображение оттиска печати Ганджурва-гэгэна.

³⁵ Автор выражает благодарность Б. Нацагоржу за помощь в определении монгольского титула.

лагч), «Возвышающий религию»³⁶. Интересно отметить, что это же титул «шачжини мандугулхчи»³⁷ был жалован в 1723 г. императором Юнчжэнем (1678–1735) Джезундамба-хутухте вместе с золотой печатью и грамотой на золотом листе [Позднеев, 1883. С. 396]. Носителем схожего титула «*šar-a šašin-i manduyuluṣi*» был Ракхо-хутугта³⁸. Этот титул представлен в легенде его печати [Öbür mongγol, 1987. С. 127].

Фраза *tham ka rgyal* в четвертой колонке является традиционным окончанием многих легенд на тибетских печатях: «Пусть будет победоносной печать». Таким образом, полный текст легенды таков: «Пусть будет победоносной печать Возвышающего религию».

В легенде присутствуют несколько особенных черт: графема «*ca*» в слове *sha cin* написана зеркально в горизонтальной плоскости. Такое зеркальное отображение некоторых элементов легенды встречается, например, на печати ойратского правителя Даваца [Митруев, 2022. С. 32]. Другой отличительной чертой легенды является заполнитель³⁹, находящийся в нижнем конце третьей колонки. Визуально данный заполнитель схож с тибеткой графемой «*dza*», однако в данном случае он использован лишь для того, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся в процессе компоновки текста легенды.

В слове *sha cin* монгольской части легенды отсутствует показатель винительного падежа, эта словоформа в винительном падеже должна писаться *šacin-i* (совр. монг. *шашины*). Монгольские слова *šacin* и *šasin* являются вариантами написания одного и того же слова.

Вплоть до своей кончины 21 сентября 1935 г., Ганджурва-гэгэн проживал в построенном А. Доржиевым Санкт-Петербургском буддийском храме «Гунзэчойнэй». Смерть Д. Норбоева произошла при невыясненных обстоятельствах

в п. Лахта Пригородного р-на Ленинградской области [Бардалеева, 2015. С. 23].

По сведениям, полученным от сотрудника Отдела Востока Государственного Эрмитажа Ю. И. Елихиной, оригинальная печать Д. Норбоева хранилась в коллекции С. Д. Дылыкова, а в 1936 г. была передана в Эрмитаж, где хранится поныне. К сожалению, в отличие от круглой печати А. Доржиева, сведений о круглой печати Д. Норбоева и ее оттисков обнаружить не удалось.

Из биографии Далай-ламы нам известно, что Д. Норбоев был не единственным, кому Далай-лама XIII даровал этот титул. Так, в той же биографии Далай-ламы XIII сказано:

*Тулку Лобсанг Тубтен Ньиме из монастыря Гандан Дамба Дарджа-линг хошуна Монгол Цаган [Далай-лама] даровал право сидеть на сиденье настоятеля, печать и титул «šasin-i manduyuluṣi» и подарки*⁴⁰ [phur bu lcog, 2010b. С. 339].

Заключение

Таким образом, в данном исследовании представлены прочтение легенд на печатях А. Доржиева и Д. Норбоева, представляющие собой титулы *šacin tuslayci* и *šasin manduyuluṣi*, которые были дарованы Далай-ламой XIII не только А. Доржиеву и Д. Норбоеву, но и другим монгольским и тибетским религиозным деятелям. Как мы видели в случае с другими получателями печатей и титулов от Далай-ламы, такие печати и титулы жаловались за особые заслуги перед Далай-ламой или в качестве признания важной роли, которую получатели играли в буддийских кругах у себя на родине. Данные титулы указывают на высокое положение А. Доржиева и Д. Норбоева в буддийской иерархии и близость к Далай-ламе XIII Тубтен Гьяцо.

³⁶ С. Л. Кузьмин перевел этот титул «Возвышающий религию» [Кузьмин, 2016. С. 46].

³⁷ А. М. Позднеев перевел его «просветитель веры» [Позднеев, 1883. С. 399].

³⁸ Автор выражает благодарность В. Л. Успенскому за указание на этот факт.

³⁹ Знак, используемый для заполнения пустого пространства, как правило, не имеющий самостоятельного значения.

⁴⁰ *mong gol tsha kang shog dga' ldan dam pa dar rgyas gling gi sprul sku blo bzang thub bstan nyi mar mkhan po'i gdan thob dang / sha cin man ta ko lag che'i lung las gsol ras stsal* [Пер. Митруев Б. Л.].

Использованная литература

- Андреев 2004: Андреев А. И. Храм Будды в Северной столице. СПб.: Нартанг, 2004.
- Andreev A. I. *Khram Buddy v Severnoi stolitse* [The Temple of Buddha at the Northern Capital]. St. Petersburg: Nartang, 2004.
- Бардалеева, 2015: Бардалеева С. Д. Перерожденец из Цугола (по материалам музейной коллекции Ганджурвы гэгэна Д. Норбоева) // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Шестые Доржиевские чтения. СПб.: Гиперион, 2015. С. 21–29.
- Bardaleeva S. D. *Pererozhdenets iz Tsugola* (po materialam muzeinoi kollektsii Gandzhurvy gegena D. Norboeva) [A Reincarnation from Tsugol (Based on Materials from the Museum Collection of the Ganjurva gegen D. Norboev)] // *Buddiiskaia kul'tura: istoriia, istochnikovedenie, iazykoznanie i iskusstvo: Shestye Dorzhievskie chteniia* [Buddhist Culture: History, Source Studies, Linguistics and Art: The 6th Dorjiev Readings]. St. Petersburg: Giperion, 2015. S. 21–29.
- Батсайхан, 2011: Батсайхан О. Монголын суулчийн Эзэн Хан VIII Богд Жавзандамба 1911 оны үндэсний хувьсгал (Последний великий хан Богдо Джебцундамба VIII и национальная революция 1911 г.). Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академи олон улс судлалын хүрээлэн. 2011.
- Batsajhan O. *Mongolyn suulčijn Èzèn Хан VIII Bogd Žavzandamba 1911 ony undèsnij xuv'sgal* [The Last Great Khan Bogdo Jebtsundamba VIII and the National Revolution of 1911]. Ulaanbaatar: Šinžlèx ухааны akademi олон улс судлалын хүрээлэн. 2011.
- Белов, Святецкая, Шаумян, 2005: Россия и Тибет: сборник русских архивных документов 1900–1914 / Сост.: Белов Е. А., Святецкая О. И., Шаумян Т. Л. М.: Вост. лит., 2005.
- Rossiia i Tibet: *sbornik russkikh arkhivnykh dokumentov 1900–1914* [Russia and Tibet: a collection of Russian archival documents 1900–1914]. Compiled by E. A. Belov, O. I. Sviatetskaia, T. L. Shaumian. Moscow: Vostochnaia literatura. 2005.
- Доржиев, 2003: Доржиев А. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография) / Факсимиле рукописи. Пер. с монг. А. Д. Цендиной. Транслит., предисл., коммент., глоссарий и указ. А. Г. Сазыкина и А. Д. Цендиной. М.: Вост. лит., 2003. (Памятники письменности Востока. СXXXIII).
- Dorzhiev A. *Zanimatel'nye zametki: Opisanie puteshestviia vokrug sveta* (Avtobiografiia). [Interesting Notes: Description of a Trip Around the World (Autobiography)]. Facsimile of the manuscript. Transl. from Mongolian by A. D. Tsendina; Transliteration, Foreword, Commentary, Glossary and Indexes by A. G. Sazykin and A. D. Tsendina. Moscow: Vostochnaia literatura, 2003.
- Доржиева, 2014: Доржиева Г. Ш. Репрессированное буддийское духовенство Калмыкии. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2014.
- Dordzhieva G. Sh. *Repressirovannoe buddiiskoe dukhovenstvo Kalmykii* [Repressed Buddhist Clergy of Kalmykia]. Elista: Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta, 2014.
- Кузьмин, 2011: Кузьмин С. Л. Договор 1913 г. между Монголией и Тибетом: новые данные. Вступ., пер. и коммент. Кузьмин С. Л. // Восток (Oriens). 2011. № 4. С. 122–128.
- Kuz'min S. L. *Dogovor 1913 g. mezhdru Mongoliei i Tibetom: novye dannye* [Treaty of 1913 between Mongolia and Tibet: New Data]. Introduction, Translation and Commentary by S. L. Kuz'min // *Vostok (Oriens)*. 2011. № 4. S. 122–128.
- Маннергейм, 1999: Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999.
- Mannerheim K. G. *Memuary* [Memoirs]. Moscow: Vagrius, 1999.
- Митруев, 2022: Митруев Б. Л. Печати ойратских ханов // *Mongolica*. 2022. Т. XXV. № 2. С. 25–34.
- Mitruiev B. L. *Pechati oiratskikh khanov* [Seals of the Oirat Khans] // *Mongolica*. 2022. T. XXV. № 2. S. 25–34.
- Позднеев, 1883: Позднеев А. М. Ургинские хутукты. Исторический очерк их прошлого и современного быта // Туркестанский сборник. Составитель В. И. Межов. Т. 321. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых. 1883. С. 390–472.
- Pozdneevev A. M. *Urginskie khutukhty. Istoricheskii ocherk ikh proshlogo i sovremennogo byta* [Urga Khutukhts. Historical Sketch of Their Past and Modern Life] // *Turkestanskii sbornik*. Compiled by V. I. Mezhev. Vol. 321. St. Petersburg: Tipografiia brat'ev Panteleevykh, 1883. S. 390–472.
- Glossary, 2023: Glossary. Tibetan Oral History Archive Project. Library of Congress [Электронный ресурс] // URL: <https://www.loc.gov/collections/tibetan-oral-history-project/articles-and-essays/glossary/> (дата обращения: 04.05.2023).
- Hanzhang, Ya, 1991: The Biographies of the Dalai Lamas. Transl. by Wang Wenjong. Beijing: Foreign languages press, 1991.

Ishihama, Inoue, 2022: *Ishihama Yumiko, Inoue Takehiko*. A Study of Three Tibetan Letters Attributed to Dorzhiev Held by the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences // *The Early 20th Century Resurgence of the Tibetan Buddhist World. Studies in Central Asian Buddhism*. Ishihama Yumiko & McKay, A. (eds.). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2022. P. 135–165.

Jampa, Tsyrempilov, 2012: *Jampa Samten, Tsyrempilov N.* From Tibet Confidentially. The Secret Correspondence of the Thirteenth Dalai Lama to Agvan Dorzhiev, 1912–1925. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives. 2012.

ngag dbang blo bzang, 6. д.: ngag dbang blo bzang rdo rje. chos brgyad gdon gyis zin byas te//rgyal khams don med nyul ba yi//dam chos nor gyis dbul ba'i sbrang//btsun gzugs shig gi bgyi brjod btam/ gsung thor bu. Mundgod: 'bras blo gling gtsug lag gter mdzod 'phrul spar khang, 6. д. P. 1–74. (In Tibetan)

Norbu, Martin, 1991: Norbu J., Martin D. Dorjiev: *Memoirs of a Tibetan Diplomat*. Transl. and ed. by Thubten J. Norbu and Dan Martin // *Hokke bunka kenkyū* = 法華文化研究 = Journal of Institute for the

Comprehensive Study of Lotus Sutra. 17. Tokyo. 1991. P. 1–105.

Öbür mongyol, 1987: *Öbür mongyol-un ündüsüten-ü durasqaltu jüil*. Beijing: arad-un uran jiruy-un keblel-ün qoriy-a, 1987.

phur lcog, 2010a: phur lcog thub bstan byams pa tshul khirms bstan 'dzin. sku phreng bcu gsum pa thub bstan rgya mtsho'i rnam thar. stod cha (Биография XIII Далай-ламы Тубтен Гьяцо. Первая часть). rgyal dbang sku phreng rm byin gyi mdzad rnam. Beijing: krung go'i bod rig dpe skrun khang. 2010. (In Tibetan)

phur lcog, 2010b: phur lcog thub bstan byams pa tshul khirms bstan 'dzin. sku phreng bcu gsum pa thub bstan rgya mtsho'i rnam thar. smad cha (Биография XIII Далай-ламы Тубтен Гьяцо. Вторая часть). rgyal dbang sku phreng rm byin gyi mdzad rnam. Beijing: krung go'i bod rig dpe skrun khang. 2010. (In Tibetan)

Tsyrempilov, 2012: *Tsyrempilov N.* The Open and Secret Diplomacy of Tsarist and Soviet Russia in Tibet: the Role of Agvan Dorzhiev (1912–1925) // *Asiatic Russia: Imperial Power in Religious and International Contexts*. Ed. by Uyama Tomohiko. London and New York: Routledge, 2012. P. 216–234.

ABOUT THE SEALS OF AGVAN DORZHIEV AND DANZAN NORBOEV

Bembya L. MITRUEV

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

This article presents sphragistic data about the seals of Agvan Dorzhiev and Danzan Norboev, as well as the titles given to them by the 13th Dalai Lama Tubten Gyatso. The article introduces into academic circulation previously unknown legends on the seals of Agvan Dorzhiev and Danzan Norboev. The materials for the study are the Tibetan and Mongolian texts of the Treaty between Mongolia and Tibet of 1913, deposited in the archive of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Republic of Kalmykia, Baldan Bodiev's travel certificate sent to the Kalmyk region to collect herbs necessary for Tibetan medicine, published by G. Sh. Dordzhieva in the book "The Repressed Buddhist Clergy of Kalmykia", and the Tibetan biography of the 13th Dalai Lama Thubten Gyatso "Necklace of Amazing Jewels", written by Phurbuchok Thubten Jampa Tsultim Tendzin. For the study of the seals special methods in linguistics and textual criticism were used. The study provides a reading of the legends on the seals of A. Dorzhiev and D. Norboev, as well as historical data on the issuance of these seals and titles. The author comes to the conclusion that the seals and titles of A. Dorzhiev and D. Norboev were given by the 13th Dalai Lama. An analysis of the Biography of the 13th Dalai Lama allows us to conclude that similar seals and titles given to A. Dorzhiev and D. Norboev were also granted to other religious figures of Mongolia and Tibet.

Key words: Agvan Dorzhiev, Danzan Norboev, Ganjurva-gegen, sphragistics, Buryatia.

About the author: Bembya L. MITRUEV, Research Associate, Postgraduate Student, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Elista, Russian Federation) (bemitruev@yahoo.com). ORCID: 0000-0002-1129-9656.

Acknowledgements. The study was conducted within the framework of the state grant — the project "Universals and specifics of traditions of Mongolian-speaking peoples through the prism of cross-cultural contacts and the system of relations between Russia, Mongolia and China" (State registration No. 123021300198-4).

УДК 930.85
DOI 10.48612/IVRRAN/uxpx-f525-fdbz

Т. Д. СКРЫННИКОВА
Институт восточных рукописей РАН

НОВЫЕ КНИГИ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ

Ключевые слова: Эберхард, огузский эпос, сюжетная структура, кочевые империи, Внутренняя Азия, раннее средневековье, политогенез.

Об авторе: Скрынникова Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (sktyta999@mail.ru). ORCID: 0000-0002-0674-2764.

© ИВР РАН, 2023

© Скрынникова Т. Д., 2023

Т. А. АНИКЕЕВА. ВОЛЬФРАМ ЭБЕРХАРД
«О СКАЗАНИЯХ ДЕДЕ КОРКУТА».

Отв. ред. Д. В. Дубровская; Институт востоковедения РАН. — М.: Изд-во
вост. лит., 2022. — 198 с. ISBN 978-5-6048988-1-9

Книга Т. А. Аникеевой представляет читателям тюркологическую работу Вольфрама Эберхарда (1909–1989), который был хорошо известным китаистом, знатоком китайского фольклора и мифологии.

В Предисловии (с. 4–10) сообщается, что в 1937–1948 гг. В. Эберхард преподавал в Анкарском университете, а переехав в Калифорнию, он в университете Беркли преподавал различные курсы по культурам и обществам Центральной, Западной и Восточной Азии. Посему, в силу этих обстоятельств биографического свойства, к научным интересам Вольфрама Эберхарда помимо истории Китая и Центральной Азии, исследования китайского фольклора, социальной антропологии, входило и изучение фольклорных традиций Турции. Результатом этого интереса стало написание им на немецком языке статьи «О сказаниях Деде Коркута», которая была обнаружена в архиве Фольклорного общества Финской Академии наук. Текст статьи, объемом около 5 а. л., представляет собой развернутый комментарий к эпосу, и, по мнению Т. А. Аникеевой, «эта

статья, по всей видимости, не была завершена, некоторые ее части напоминают скорее беглые заметки, однако замысел автора виден весьма четко: его целью был анализ сюжетной структуры двенадцати сказаний/песен “Книги Коркута” и широкое сопоставление ее с мотивами, бытующими в произведениях фольклора и литературы других народов» (с. 9).

Публикацию статьи В. Эберхарда предвещает собственное исследование Т. А. Аникеевой — «Книга моего деда Коркута» как памятник книжного эпоса» (с. 11–93), являющийся единственным сохранившимся памятником книжного эпоса у тюркских огузских народов, в которой «нашли отражение и события ранней тюркской полупоэтической истории, и более поздние, связанные с распространением их могущества на территории Малой Азии и контактами с Византией» (с. 31). В этом разделе монографии охарактеризованы основные исследовательские проблемы и темы, связанные с изучением эпоса: изучение огузского эпоса в России и за рубежом, рукописи «Книги моего деда Коркута», гомбедский список «Китаб-и дедем Коркут», элементы традиционной тюркской картины мира в огузском эпосе, толкование снов в тюркской фольклорной традиции и «Китаб-и дедем Коркут», мифологические животные «Книги моего деда Коркута», историко-культурные взаимосвязи огузского эпоса: персонажи и география, образ кочевника в средневековом турецком фольклоре («Баттал-наме» и «Данышменд-наме»). В этом разделе Т. А. Аникеева показала основные особенности этого памятника: многосоставность картины мира тюрков-огузов, влияние образцов мусульманской литературы и родство с фольклором и произведениями средневековых тюркских литератур Центральной Азии.

В третью часть монографии Т. А. Аникеевой вошла публикация статьи В. Эберхарда, ранее переведенная с немецкого Л. Григорьевой и представлявшая собой развернутый комментарий к каждой песне эпоса. Поскольку перевод был выполнен не специалистом в области тюркологии и носил, по всей видимости, предварительный характер, он нуждался в подробном комментировании (что естественно при

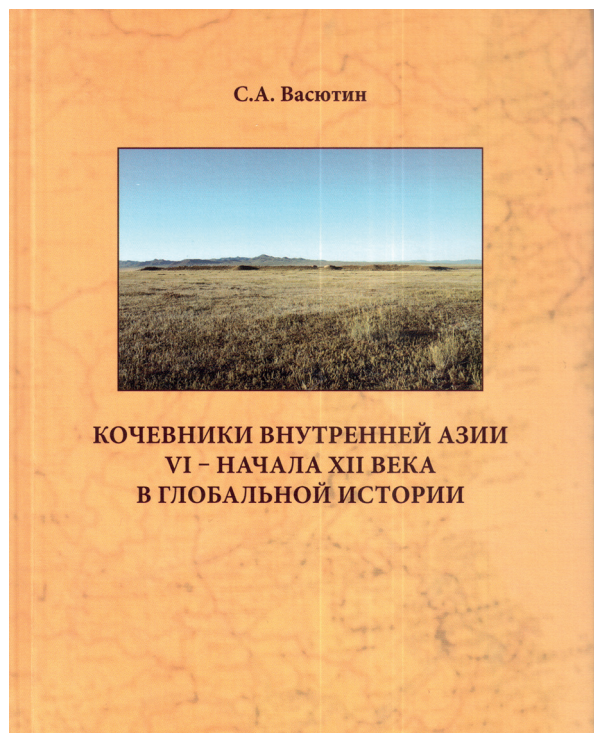
публикации этого труда), а также в тщательном редактировании, стилистической правке, уточнении и восстановлении библиографических сведений, отсутствовавших или неточных у самого В. Эберхарда, которые не могли быть «исправлены» переводчиком. Все эти необходимые комментарии были выполнены Т. А. Аникеевой.

Книга Т. А. Аникеевой имеет указатели. Несмотря на небольшой (10 листов) объем книги, наличие указателей более чем обоснованно, так как В. Эберхард проводит весьма широкие типологические параллели с произведениями фольклора и литератур Запада и Востока. Подробный анализ сказаний «Книги Коркута» В. Эберхард выполнял в русле «Указателя мотивов турецкой сказки» по системе Аарне–Томпсона. Поэтому работа В. Эберхарда представляет особый интерес также для филолога-фольклориста. Следует сказать, что Вольфрам Эберхард был соавтором «Указателя мотивов турецкой волшебной сказки» (“Typen der Türkischer Volksmärchen”), написанным им совместно с турецким фольклористом Пертевом Наили Боратавом и изданным в 1953 г. Ранее, в 1936 г. он издал в Хельсинки «Указатель сюжетов китайских сказок» (“Typen chinesischer Volksmärchen”).

Определяющей чертой труда В. Эберхарда, отличающей его работу от собственно тюркологических исследований «Книги Коркута», является попытка провести в ней многочисленные параллели, прежде всего сюжетные, не только с произведениями тюркской традиционной словесности, но и с греческими мифами, многими памятниками индийской и персидской литературных традиций, и, таким образом, поместить огузский эпос в широкий контекст истории мировой литературы.

Вследствие того, что В. Эберхард сопровождал свое исследование огузского эпоса сравнительным материалом других фольклорных традиций, данная монография, представляющая собой комментированную публикацию исследования В. Эберхарда по книжному эпосу «Книга моего деда Коркута», интересна не только для тюркологов, но и для специалистов, изучающих фольклор других народов.

**С. А. ВАСЮТИН. КОЧЕВНИКИ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ VI —
НАЧАЛА XII ВЕКА В ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ.
Иркутск: Оттиск, 2020. — 352 с. ISBN 978-5-6045622-4-6.**

Монография С. А. Васютина посвящена изучению исторических процессов в мире кочевников, которые определяли политическую карту региона на протяжении шести веков. Она является результатом глубокого анализа накопленного археологического материала кочевых империй номадов Внутренней Азии, представляющими собой наиболее сложные политические образования, созданные кочевниками в раннесредневековый период — Тюркский, Уйгурский каганаты и империя Ляо. В огромном территориальном и хронологическом диапазоне представлено детальное специальное сравнительное исследование политических и социальных структур раннесредневековых кочевых империй Центральной Азии, дана комплексная характеристика власти и общественных систем в масштабных объединениях номадов.

Работу отличает высокий теоретический уровень исследования процессов политогенеза на территории Внутренней Азии: благодаря использованию интерпретативных подходов в

процессе обобщения и объяснения результатов работы археологов была представлена адекватная реконструкция социальных и политических процессов. Уже во Введении («Номады в макроисторических концепциях») С. А. Васютин дает развернутую характеристику идей и концепций, выработанных исследователями при изучении кочевников Внутренней Азии в период раннего средневековья. Он отмечает подготовительный этап (XVIII — рубеж XIX–XX вв.), затем значение эволюционизма, позитивизма и марксизма в изучении власти и социальной организации (до конца 1940-х гг.) и появление и развитие в 1950-е–1980-е гг. новых методологических подходов (неоэволюционизм, мир-системная теория, историческая антропология, неомарксизм, ревизионизм в СССР и др.), завершив историографическую часть анализом современного периода изучения, характеризующегося реализацией в кочевниковедении интеграционных концепций, объединяющих несколько методологических подходов (рубеж 1980-х–1990-х гг.) (с. 14–93). Автор в своем труде широко использует как исследования археологических памятников, так и аналитические работы своих предшественников (Библиографический список: с. 230–315), что позволяет ему представить четкую картину сходства и разнообразия социально-политических структур кочевников рассматриваемого региона.

С. А. Васютин отмечает, что «ключевое значение в средневековом кочевом мире принадлежало кочевым империям как наиболее масштабным и сложным объединениям в степном пространстве. Исследуемые имперские политии тюрков, уйгуров и киданей существенно различаются по организации политических институтов и социальной структуре» (с. 225). И в главе I «Кочевые империи» (с. 94–155) дается их развернутая характеристика: генезис имперских структур, характеристика раннесредневековых кочевых империй, основные типы кочевых империй, кочевые империи и Поднебесная, кризис и падение кочевых империй.

В главе II. «Социальные тренды и кочевники Внутренней Азии» (с. 156–197) отмечаются особенности социального развития, важнейшими из которых являются следующие: в этих обществах не сложилась сословно-классовая структура; факторами усложнения общественных институтов были создание империй, урбанизация, подчинение территорий с оседлым населением и возникновение государств; социальные системы кочевников могли как усложняться, так и дезинтегрироваться; у кочевников существовал своеобразный непреодолимый «порог» усложнения социальной системы; в случае наиболее сложных трансформаций процессы формирования государственности у кочевников опережали процессы усложнения общественной системы, а изменения в структуре власти определяли характер и темпы эволюции социума, особенно элитарных слоев.

Глава III. «Многообразие форм социально-политической организации в кочевом мире эпохи средневековья» (с. 198–224) представлена следующими темами: потестарно-политические системы кочевников в сравнительно-историческом измерении; периферия или полупериферия: динамика статуса имперских образований кочевников; политическая адаптация кочевников в разных историко-географических регионах; формализованный кросс-культурный анализ; типология властных режимов у кочевников. Он выделяет следующие уровни, отличавшиеся по сложности: акефальные и сегментарные кочевые общества двух подтипов, аналоги «вторичных» компандных вожеств земледельческих обществ, кочевые империи и наиболее сложный тип связан с традиционными государствами, созданными кочевниками путем завоевания территорий с земле-

дельческим и городским населением (с. 220–221). «Предложенная типология, сохраняя некую долю условности, дает представление о том, что формы властной организации и способы политической адаптации кочевников, как в разных, так и в весьма близких природно-климатических, социальных и культурных условиях, существенно отличались» (с. 222).

Завершают работу приложения: Приложение № 1. «Киданьские города в Монголии». Приложение № 2. «Список критериев оценки сложности обществ Дж. Мердока и К. Провоста с описанием бальной шкалы». Приложение № 3. «Оценка кочевых обществ на основе критериев сложности Дж. Мердока и К. Провоста».

Можно сказать, что монография С. А. Васюткина является замечательным итогом более чем двухвекового исследования социально-политической организации кочевников. Блестящее знание автором материала, реальное владение современными методами научного анализа позволили ему предложить результаты сравнительно-исторического анализа потестарно-политических структур, институтов управления, властных парадигм. Он использует современные концепции политогенеза и социогенеза, теории традиционных обществ и многолинейности эволюции; современные подходы к проблеме происхождения государства и выявления аналогов и альтернатив государству. Это позволило выявить наряду с общими чертами социально-политического устройства особенности потестарно-политических институтов и общественной иерархии каждой рассматриваемой кочевой империи, их уровень сложности, основные направления трансформации властных и социальных структур.

NEW PUBLICATIONS ON ORIENTAL STUDIES

Tatiana D. SKRYNNIKOVA

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

Ключевые слова: Eberhard, Oguz epic, plot structure, nomadic empires, Inner Asia, early Middle Ages, politogenesis.

About the author: **Tatiana D. SKRYNNIKOVA**. Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (skryta999@mail.ru). ORCID: 0000-0002-0674-2764.

